

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Право во взаимодействии с политикой, экономикой и наукой в институциональной среде инновационной деятельности (цивилистический подход)
- Применение экспериментального нормотворчества в регулировании общественных отношений в условиях особого (экстраординарного) правового режима
- Применение дипфейк-технологий при совершении высокотехнологичных преступлений
- Правовое обеспечение отдельных форм трансфера университетских технологий через призму зарубежного опыта

Том 79

АВГУСТ

2026

№ 8 (237)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и

права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства.

Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

КРАСНОПОЛЬСКАЯ Александра Сергеевна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 79
№ 8 (237)
август 2026

**В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)**

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 31.08.2026
Объем 18,36 усл. печ. л. (13,82 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Alexandra S. KRASNOPOLSKAYA — Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 8 (237)
August 2026

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

31.08.2026
Volume: 18,36 conventional printer's sheets (13,82 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Козлова Е. Б.** Право во взаимодействии с политикой, экономикой и наукой
в институциональной среде инновационной деятельности (цивилистический подход) 9
- Сбитнев В. С.** Обращение имущества в доход государства
как особая мера ответственности: применение к специальным субъектам 26
- Андропова Т. А.** Применение экспериментального нормотворчества в регулировании
общественных отношений в условиях особого (экстраординарного) правового режима 37

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Гошуляк В. В.** Модель федерализма в обновленной Конституции Российской Федерации 46
- Поярков С. Ю.** Становление адаптивного конституционализма через призму текстов
национальных конституций: типология моделей и сценарии трансформации 56

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Стедьмах В. Ю.** Модификация уголовно-процессуального статуса: понятие и виды 74
- Поляков В. В.** Применение дипфейк-технологий
при совершении высокотехнологичных преступлений 85
- Коновалов С. Г.** Исключение доказательств, собранных
с нарушением личных прав: поиск концептуальной основы 96

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

- Шахназаров Б. А.** Правовое обеспечение отдельных форм
трансфера университетских технологий через призму зарубежного опыта 106

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

- Романовский Г. Б., Романовская О. В.** Машиночитаемое право: понятие, проблемы, перспективы 121
- Фокин Е. А.** Судебные доктрины в сфере банкротства 137

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Kozlova E. B.** Law in Interaction with Politics, Economics, and Science
within the Institutional Environment of Innovative Activity (a Civil-Law Approach) 9
- Sbitnev V. S.** Forfeiture of Property to the State
as a Special Form of Liability: Application to Special Subjects 26
- Andronova T. A.** The Application of Experimental Rulemaking in the Regulation
of Social Relations under a Special (Extraordinary) Legal Regime 37

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Goshulyak V. V.** The Model of Federalism in the Updated Constitution of the Russian Federation 46
- Poyarkov S. Yu.** The Emergence of Adaptive Constitutionalism through the Lens
of National Constitutional Texts: A Typology of Models and Transformation Scenarios 56

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Stelmakh V. Yu.** Modification of Criminal Procedure Status: A Concept and Types 74
- Polyakov V. V.** The Use of Deepfake Technologies in High Tech Crimes 85
- Konovalov S. G.** Exclusion of Evidence Collected in Violation
of Personal Rights: In Search of a Conceptual Framework 96

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Shakhnazarov B. A.** Legal Support for Selected Forms of University
Technology Transfer through the Lens of Foreign Experience 106

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Romanovsky G. B., Romanovskaya O. V.** Machine-Readable Law: Concept, Problems, Prospects 121
- Fokin E. A.** Judicial Doctrines in the Field of Bankruptcy 137

Право во взаимодействии с политикой, экономикой и наукой в институциональной среде инновационной деятельности (цивилистический подход)

Резюме. В условиях технологической трансформации определяющим фактором обеспечения технологического суверенитета становится качество институциональной среды инновационной деятельности, которое прямо связано с эффективностью взаимодействия права как базового института такой среды с другими основополагающими ее институтами: политикой, экономикой и наукой. В ходе исследования установлено, что право на современном этапе не только не оказывает позитивного воздействия на указанные институты институциональной среды инновационной деятельности, но и в отдельных аспектах формирует дополнительные регуляторные барьеры для их развития. Выявлен устойчивый структурный дисбаланс институциональной системы, обусловленный целым рядом дефектов правового регулирования инновационной деятельности и его отставанием от динамики технологических процессов. Доказано, что право функционирует в режиме догоняющего регулятора, не обеспечивая ожидаемой институциональной синергии в сфере инновационной деятельности и требуемого опережающего регулирования.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие; инновационная деятельность; институциональная среда; инновации; правовое регулирование инноваций; право и инновации; право и экономика; право и наука

Для цитирования: Козлова Е. Б. Право во взаимодействии с политикой, экономикой и наукой в институциональной среде инновационной деятельности (цивилистический подход). *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 9–25. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.009-025

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Техноправо»).

Law in Interaction with Politics, Economics, and Science within the Institutional Environment of Innovative Activity (a Civil-Law Approach)

Elena B. Kozlova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Under conditions of technological transformation, the determining factor in ensuring technological sovereignty is the quality of the institutional environment for innovation activity, which is directly linked to the effectiveness of the interaction between law, as the basic institution of such an institutional environment, and its other foundational institutions — politics, the economy, and science. The study established that, at the present stage, law not only fails to exert a positive influence on the specified institutions of the institutional environment

for innovation activity, but in certain respects also creates additional regulatory barriers to their development. The paper identifies a persistent structural imbalance of the institutional system, predetermined by a range of defects in the legal regulation of innovation activity and by the lag of legal regulation behind the dynamics of technological processes. The study has demonstrated that law functions in a «catch-up» regulatory mode, failing to provide the expected institutional synergy in the sphere of innovation activity and the required anticipatory legal regulation.

Keywords: scientific and technological development; innovation activity; institutional environment; innovations; legal regulation of innovation; law and innovation; law and economics; law and science

Cite as: Kozlova EB. Law in Interaction with Politics, Economics, and Science within the Institutional Environment of Innovative Activity (a Civil-Law Approach). *Lex russica*. 2026;79(8):9-25. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.009-025

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program («Tekhnopravo» Competence Center).

Введение

В условиях интенсивной технологической трансформации и глобальной конкуренции за технологический суверенитет инновационная деятельность выступает ключевым драйвером экономического роста, обеспечения технологического суверенитета и повышения глобальной конкурентоспособности государства.

Инновационная деятельность представляет собой сложный социокультурный и правовой феномен, успешность которого и достижение поставленных перед которым задач в значительной степени обусловлены качеством и эффективностью функционирования ее институциональной среды, в которой право выступает одним из основных институтов.

В связи с этим представляется, что при решении вопроса о качестве институциональной среды инновационной деятельности в центр внимания необходимо поставить анализ взаимодействия права с иными базовыми институтами такой среды: политикой, экономикой и наукой, выявляя и изучая конкретные институциональные связи, исследуя динамику их взаимодействия и взаимовлияния.

Необходимость такого исследования обусловлена потребностью в преодолении фрагментарности понимания роли права как активного элемента системной интеграции инновационной деятельности, что требует оценки и переосмысления функционального назначения правовых инструментов в контексте их реального воздействия на смежные институты

институциональной среды инновационной деятельности.

Понятие и функции институциональной среды инновационной деятельности

Совершенно справедливо в «Правилах для руководства ума» французский философ Рене Декарт писал: «Если бы философы всегда соглашались в значении слов, то почти все их споры прекратились бы», поэтому представляется верным перед изучением отдельных аспектов институциональной среды инновационной деятельности определить значения терминов «институциональная среда» и «инновационная деятельность», применимые для целей данного исследования.

Становление понятия «институциональная среда» имеет длительную историю. Поскольку в рамках настоящей работы не предполагается исследование его генезиса, сто́ит, во-первых, согласиться с тем, что институциональная среда должна рассматриваться как сложно структурированное, многоуровневое образование, предполагающее множество подходов к исследованию ее структуры и классификации¹. Во-вторых, бесспорно, что многоаспектность институциональной среды порождает множество подходов к современной систематизации институтов как ключевых элементов ее структурно-функционального каркаса². Например, с точки зрения современной экономической теории предлагается определять данное понятие как:

¹ Коваленко Ю. Н., Улезько А. В. Теоретические аспекты формирования институциональной среды // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 4. Т. 8. С. 6.

² Коваленко Ю. Н., Улезько А. В. Указ. соч. С. 6.

— форму организации отношений, представляющую собой совокупность формальных и неформальных рамок поведения участников экономических процессов, а также механизмов закрепления данных взаимодействий и контроля за их исполнением³;

— совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которые образуют формализованный базис для реализации современных форм отношений производства, обмена и распределения⁴;

— определенные формы организации отношений — формальные и неформальные рамки поведения участников соответствующих процессов, а также механизмы закрепления данных взаимодействий⁵ и др.

Элементами институциональной среды, как известно, выступают институты, которые Дуглас Норт, лауреат Нобелевской премии по экономике, основатель новой институциональной экономической теории в отношении институционального экономического развития, трактовал как «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия»⁶. Современные ученые также раскрывают понятие института через «правила игры», структурирующие поведение людей в стандартных, повторяющихся ситуациях, а также механизмы принуждения, обеспечивающие их защиту⁷.

Что касается понятия «инновационная деятельность», то легальное его определение отсутствует. Согласно Модельному закону об инновационной деятельности, принятому на 27-м пленарном заседании Межпарламен-

тской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств постановлением от 16.11.2006 № 27-16⁸ (далее — Модельный закон об инновационной деятельности), под данным термином подразумевается деятельность, обеспечивающая создание и реализацию (введение в гражданский оборот) новаций (новшеств) и получение на их основе практического результата (нововведения) в виде новой продукции (товара, услуги), нового способа производства (технологии), а также реализованных на практике решений (мер) организационного, производственно-технического, социально-экономического и другого характера, оказывающих позитивное влияние на сферу производства, общественные отношения и сферу управления обществом.

Правовая доктрина предлагает различные дефиниции инновационной деятельности⁹, равно как и понятия ее институциональной среды, которую, в частности, рассматривают как:

— сложную упорядоченную систему формальных и неформальных институтов, создающих условия для развития инноваций посредством установления правил осуществления инновационной деятельности на всех ее стадиях, а также механизмов поддержки инновационного предпринимательства¹⁰;

— систему институционально-экономических, организационно-экономических, социально-экономических и технико-экономических отношений в сфере формирования и реализации институтов, полнота и взаимосогласованность которых будут определять возможности повышения конкурентоспособности и иннова-

³ Горячкина Ю. В. Генезис представлений об «институциональной среде» // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 2 (3). С. 24.

⁴ Горячкина Ю. В. Указ. соч. С. 26.

⁵ Перепелица Г. В. Формирование институциональной среды в российской экономике : дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2006. С. 40.

⁶ Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 73.

⁷ Киреев Н. В., Чеботарев В. С. Современный институционализм как направление экономико-правовых исследований // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 48.

⁸ Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ : официальный сайт. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/212.pdf?ysclid=mox8e5br9v271295470> (дата обращения: 17.05.2026).

⁹ См., например: Сушкова О. В. Основы инновационного права : учебник. М. : Проспект, 2025. С. 15 ; Евсеева Л. А. Правовое регулирование инновационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9 ; Сухоруков А. В. Правовое регулирование инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 8.

¹⁰ Тобиен М. А. Теоретические аспекты формирования институциональной среды инновационной деятельности // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1. С. 1248.

ционной эффективности национальной экономики¹¹, и др.

Но поскольку разработка соответствующих понятий не входит в число задач настоящего исследования, можно остановиться на предложенном Модельным законом об инновационной деятельности определении, которое не только представляет междисциплинарное понимание данной деятельности, но и позволяет говорить о том, что инновационные процессы — это не просто технико-экономическое явление, а социальный механизм трансформации комплекса общественных отношений.

В связи с этим возможно рассматривать особенности институциональной среды инновационной деятельности через призму различных социальных регуляторов, выступающих в качестве внешних институтов такой среды¹². При этом можно говорить о том, что ключевые функции институциональной среды инновационной деятельности определены в том числе и в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145¹³ (далее — Стратегия научно-технологического развития):

— координационная — формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства (п. 6; пп. «а» п. 24; п. 28, 31);

— стимулирующая — создание условий для восприимчивости экономики к новым технологиям (пп. «б» п. 11; пп. «а» п. 24; пп. «в» — «г» п. 28);

— правообеспечительная, включающая в себя охранительную (пп. «б» п. 28; пп. «и» п. 4; пп. «а» п. 31) и защитную (пп. «ж» п. 15; пп. «б» п. 28; п. 32) составляющие;

— адаптационная — обеспечение ответа на «большие вызовы» посредством создания наукоемких технологий (пп. «б» п. 4; пп. «а» — «з» п. 15; п. 18; пп. «а» — «и» п. 21; п. 43);

— интеграционная — формирование единого научно-технологического пространства и международного сотрудничества (п. 6; пп. «д» п. 24; п. 32; пп. «а» — «ж» п. 32; п. 48).

Обоснованна точка зрения, что качество институтов, формирующих структуру институциональной среды, определяет ее эффективность¹⁴. При этом, поскольку институциональная среда представляет собой сложную систему, связи между элементами которой характеризуются определенным порядком, обеспечивая ее целостность и устойчивость¹⁵, взаимодействие входящих в институциональную среду институтов также должно осуществляться качественно и эффективно.

Говоря о праве как о социальном регуляторе, выдающийся правовед С. С. Алексеев отмечал, что оно является социальной подсистемой, обеспечивающей такую непрерывную динамику функционирования общества, при которой в соответствии с потребностью в реализации начал нормативности достигаются постоянное и стабильное воспроизводство и, следовательно, сохранение и утверждение (своего рода увековечивание) выраженных в праве социальных ценностей, условий и механизмов функционирования общества¹⁶.

Если обратиться к пониманию и значению права как элемента институциональной среды инновационной деятельности, то следует в полной мере присоединиться к мнению С. В. Кабышева, который в докладе на главной стратегической сессии «Право как условие технологического лидерства» XIII Московского инновационного юридического форума отметил, что право на современном этапе выступает как системный, макросоциальный фундамент, на котором выстраивается вся парадигма технологического прорыва и суверенитета России, не просто как регулятор, а как источник и мера научно-технологического развития.

¹¹ Миронов Д. С. Институциональная среда инновационной деятельности промышленного предприятия: условия, факторы, проблемы // Human Progress. 2021. Т. 7. Вып. 4. С. 7. URL: http://progress-human.com/images/2021/Tom7_4/Mironov.pdf (дата обращения: 11.05.2026).

¹² Подробнее о позиции автора по вопросам понятия социального регулирования и его элементов см.: Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года : монография. М. : Проспект, 2021. С. 11–25.

¹³ СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

¹⁴ Коваленко Ю. Н., Улезько А. В. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 177.

¹⁶ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. С. 314.

Поскольку именно право играет центральную роль в организации общественной жизни, выступает одним из базовых элементов институциональной среды инновационной деятельности, логично для целей дальнейшего исследования рассмотреть его взаимодействие с такими основными институтами институциональной среды инновационной деятельности, как политика, экономика и наука.

Право и политика как элементы институциональной среды инновационной деятельности

Понятие «политика» впервые было дано древнегреческим философом Аристотелем еще в IV в. до н. э., выработать универсальную и общепризнанную дефиницию мировому научному сообществу не удалось, чем и объясняется многообразие трактовок рассматриваемой категории¹⁷.

Политика, притом что представляет собой многоаспектное явление общественной жизни, в политической доктрине рассматривается, в частности, как:

— деятельность социальных групп и индивидов по артикуляции (осознанию и представлению), удовлетворению коллективных интересов и решению общественных проблем путем формирования, поддержания или изменения государственной власти и управления обществом через выработку обязательных для всего общества решений¹⁸;

— особый способ регулирования отношений между большими социальными общностями, основанный на писаных законах и опирающийся на политическую (государственную) власть¹⁹, и др.

При этом особое внимание необходимо обратить на определение политики как подсистемы общества, связанной с функциями целеполагания и осуществления власти при принятии обязательных для исполнения решений. Следует учесть, что перед политикой как общественным феноменом, помимо прочего, стоит цель решения проблем социума²⁰, и она направлена на достижение стратегических целей и реализацию задач развития страны.

В доктрине утверждается: чем привлекательнее и прозрачнее цели реализуемой государством политики и чем понятнее и ближе населению ее приоритеты, тем стабильнее социально-экономическая ситуация в обществе, позволяющая экономически и социально активным субъектам максимально реализовывать свои права и потенциальные возможности²¹.

Необходимо отметить также, что Модельным законом об инновационной деятельности государственная (национальная) инновационная политика определяется как одно из направлений государственной социально-экономической политики, состоящее в разработке и реализации целей и задач устойчивого развития экономики, создании необходимых условий для сокращения технологических разрывов, обеспечения конкурентоспособности отечественного производства и национальной безопасности государства.

Особенность правового регулирования инновационной деятельности в России в первую очередь заключается в том, что его основы заложены на уровне документов стратегического планирования²², к которым можно отнести вышеназванную Стратегию научно-технологического развития и Концепцию технологического развития на период до 2030 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от

¹⁷ Батайкин П. А., Зарезнов Д. А. Политика и право как основа формирования государственной социально-экономической политики // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 7.

¹⁸ Косов Г. В., Паньшин А. И., Харламова Ю. А. Политология : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2022. С. 9.

¹⁹ Козырев Г. И. Политическая конфликтология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Инфра-М, 2022. С. 93.

²⁰ Батайкин П. А., Зарезнов Д. А. Указ. соч. С. 8.

²¹ Батайкин П. А., Зарезнов Д. А. Указ. соч. С. 8.

²² Природа документов стратегического планирования не является объектом настоящего исследования, но необходимо отметить, что спор относительно нее не утихает в правовой доктрине. См. подробнее: Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499 ; Мамашева Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 50–59.

20.05.2023 № 1315-р²³ (далее — Концепция технологического развития). Данными документами определяются основные направления государственной политики в области научно-технологического развития страны, устанавливаются его цель, задачи и приоритеты. При этом пунктом 29 Стратегии научно-технологического развития создание инфраструктуры и условий, отвечающих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности и основанных на лучших российских и мировых практиках, для проведения научных исследований и разработок и внедрения наукоемких технологий установлены в качестве одного из основных направлений государственной политики в указанной сфере общественных отношений.

Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»²⁴ (далее — Закон о науке) как основной закон, регулирующий вопросы инновационной деятельности, устанавливает также базовые положения о формировании и реализации государственной научно-технической политики. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»²⁵ закрепляет переход экономики к инновационному типу развития в качестве одной из целей промышленной политики и также регламентирует отдельные аспекты инновационной деятельности в сфере промышленности. Об инновационном развитии страны в целом ряде положений говорит и Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁶ (далее — Закон о технологической политике), предметом регулирования которого заявлены отношения, возникающие между субъектами, формирующими технологическую политику в Российской Федерации, и лицами, содействующими развитию технологий.

Таким образом, в настоящее время основные нормативные правовые акты, так или иначе затрагивающие в предмете правового

регулирования инновационную деятельность, посвящены именно аспектам формирования современной государственной политики, в том числе инновационной. Представляется, что вышеизложенное позволяет не сомневаться в значимости политики в качестве основного элемента институциональной среды инновационной деятельности.

Анализ норм указанных актов позволяет сделать также вывод о межотраслевом характере представленного в них правового регулирования инновационной деятельности. К такому заключению можно прийти и в отношении Федерального закона от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»²⁷.

Впрочем, поскольку институциональная среда, как уже отмечалось, представляет собой сложную систему, т.е. совокупность объектов (элементов системы), находящихся во взаимосвязи и взаимодействии, необходимо рассмотреть вопрос и влияния права как элемента институциональной среды инновационной деятельности на политику, и в первую очередь в этой связи следует обратиться к теме конституционного правосудия.

Учеными в области политологии высказывается обоснованное мнение о том, что, рассматривая политику как целеполагание и осуществление выбора решения в области властеотношений, можно сделать вывод об осуществлении конституционными судами в том числе и политической деятельности в связи с тем, что они принадлежат к числу властных институтов, встроены в систему публичной власти, занимают в ней автономное место и оказывают на нее воздействие²⁸.

Как отмечает судья Конституционного Суда РФ (в отставке), профессор Б. С. Эбзеев, с одной стороны, конституционный суд является органом правосудия, составной частью судебной власти, а с другой — выступает как орган государственной власти, важный элемент политической системы и служит обеспечению политической стабильности, развитию политических процессов в установленных конститу-

²³ СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

²⁴ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

²⁵ СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

²⁶ СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

²⁷ СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6210.

²⁸ *Сергеев Д. Н.* Конституционное правосудие в России: политико-правовое исследование : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 8–9.

цией рамках²⁹. Ученый утверждает, что через совокупность своих решений конституционный суд формирует конституционно-правовую доктрину, которой руководствуются органы государственной власти и другие субъекты конституционно-правовых отношений.

Судья Конституционного Суда РФ (в отставке), профессор Н. В. Витрук указывал, что толкование основного закона конституционным судом открывает возможность правового выбора с учетом целого ряда факторов политического, социально-экономического и иного порядка. Политика, по мнению ученого, проникает в любые решения конституционного контроля³⁰.

Исследователи предлагают функции конституционного суда рассматривать одновременно с точки зрения как юридических, так и политических аспектов, учитывая, что акты Конституционного Суда РФ зачастую приобретают политическое значение³¹. В частности, в специальной литературе обсуждались вопросы отдельных политических аспектов постановлений Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П³², от 27.02.2020 № 10-П, от 31.07.1995 № 10-П и др.³³ Причем даже если акт Конституционного Суда РФ не затрагивает вопросы собственно отношений, связанных с осуществлением власти, а касается, например, проблем защиты социальных или экономических прав, то характер решения Суда может оказать принципиальное воздействие на характер соответственно социальной, экономической или иной политики, проводимой государством.

Обратимся к частному праву, полностью присоединяясь к мнению, что на современном этапе развития общества именно оно способ-

ствует урегулированности наиболее значимых сфер общественно-политической и экономической жизни общества и государства³⁴ и играет ведущую роль в системе общественных связей. В качестве примера можно привести постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части шестой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева»³⁵. Данным актом высшей судебной инстанции, без сомнений имеющим значение для политической сферы общественной жизни, была подтверждена конституционность, помимо иных, положений Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³⁶, ставящих статус некоммерческой организации в качестве иностранного агента в зависимости от ряда имущественных критериев и вида деятельности организации³⁷.

Вопросы правового регулирования инновационной деятельности как таковой до настоящего времени не выходили на рассмотрение Конституционного Суда РФ, однако, в частности, в постановлении Суда от 28.12.2022 № 59-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 19, статьи 21 Федерального закона “О почтовой связи” и пункта 2

²⁹ Кряжков В. А. Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации: проблемы организации и деятельности (научно-практический семинар) // Государство и право. 1995. № 9. С. 126.

³⁰ Цит. по: Сергеев Д. Н. Указ. соч. С. 28.

³¹ Сергеев Д. Н. Указ. соч. С. 19.

³² Комшукова О. В. Мыслит ли суд политически? Опыт Конституционного Суда России // Политическая наука. 2019. № 4. С. 312–331.

³³ Балакаев В. Особое мнение к несуществующему заключению: как Конституционный Суд оказывается вовлеченным в политический процесс // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/11/osoboe_mnenie_k_nesuschestvuyuschemu_zaklyucheniyu_kak_konstitucionnyj_sud_okazyvaetsya_vovlechyonny (дата обращения: 17.05.2026).

³⁴ Гонгало Б. М., Новикова Н. А. Влияние частного права на развитие мирового и российского правопорядка: современные формы и тенденции // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 1. С. 95.

³⁵ СЗ РФ. 2014. № 16. Ст. 1921 (опубликовано без особого мнения).

³⁶ СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

³⁷ Рассматриваемое постановление Конституционного Суда РФ было вынесено до вступления в силу Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5222).

статьи 62 Федерального закона “О связи” в связи с жалобой гражданина М. Д. Малинина»³⁸ отмечалось, что предпринимательская деятельность многих коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, в том числе в инновационной сфере, может способствовать достижению конституционно значимых целей деятельности публичной власти. Данное утверждение подчеркивает междисциплинарный и межотраслевой характер понятия инновационной деятельности, а с точки зрения частноправового подхода значимо признанием возможности отнесения инновационной деятельности к предпринимательской. При этом Конституционный Суд РФ не дает оснований для квалификации в качестве таковой инновационной деятельности в целом, сохраняя научную дискуссию по данному вопросу³⁹.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 25.11.2025 № 41-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 424 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 168 Налогового кодекса Российской Федерации, подпункта “а” пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ “О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации” в связи с жалобой публичного акционерного общества “Банк ВТБ”»⁴⁰ были рассмотрены вопросы обложения НДС предоставления программного обеспечения на основании лицензионных договоров при изменении налогового законодательства в период действия договоров (притом что изначально операции не подлежали налогообложению в рамках решения государственной задачи формирования благоприятных налоговых условий для финансирования инновационной деятельности).

Фактически вопросы непосредственно инновационной деятельности затронуты данным актом Конституционного Суда РФ также не были.

Особый интерес представляет постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2026 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами ак-

ционерного общества “Санофи Россия” и компании “Вертекс Фармасьютикалз Инкорпорейтед”»⁴¹. Нормы ст. 1362 ГК РФ рассматривались в той мере, в которой на их основании решается вопрос о предоставлении принудительной лицензии на использование изобретения для производства и поставок лекарственных препаратов. В частности, в указанном постановлении высказана правовая позиция о том, что неиспользование или недостаточное использование объекта патентных прав может квалифицироваться как злоупотребление интеллектуальными правами в целях воспрепятствования доступу на российский рынок качественных инновационных товаров и создания угроз для добросовестной научно-изыскательской, инновационной, инвестиционной, производственной и торговой деятельности.

Как отмечается Конституционным Судом РФ, институт принудительного лицензирования является инструментом поощрения инновационной деятельности (применяемым строго в требующих того ситуациях в установленном законом порядке), позволяет корректировать осуществление исключительного права при злоупотреблениях со стороны патентообладателя, препятствующих научно-техническому прогрессу, решению целого ряда социальных задач, а также балансировке интересов инновационного развития, конкурентного рыночного оборота и запросов общества.

С точки зрения гражданско-правовых аспектов данная позиция означает, что предоставление принудительной лицензии может квалифицироваться как негативное последствие недобросовестного поведения в форме злоупотребления правом патентообладателя, наступающее при нарушении им публичных интересов в сфере инновационного развития страны⁴².

Представляется, указанное постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2026 № 13-П — первое его решение, которое прямо касается определенным образом инновационной деятельности в целом. Хотя и не затрагиваются вопросы непосредственного ее правового

³⁸ СЗ РФ. 2023. № 2. Ст. 547.

³⁹ См. подробнее: *Евсеева Л. А.* Указ. соч. С. 9 ; *Сушкова О. В.* Указ. соч. С. 15 и др.

⁴⁰ СЗ РФ. 2025. № 48 (ч. IV). Ст. 7476.

⁴¹ СЗ РФ. 2026. № 12. Ст. 1508.

⁴² Вопрос о возможном формировании предоставления принудительной лицензии в качестве самостоятельной меры гражданско-правовой ответственности требует дополнительного исследования. На данном этапе можно лишь говорить об ограничении прав патентообладателя.

регулирования, отмечается, что выраженная правовая позиция применима к предоставлению принудительных лицензий не только в сферах, связанных с использованием изобретения для производства и оборота лекарственных препаратов.

В целом дискуссии о взаимодействии и взаимовлиянии права и политики идут давно. В частности, отмечается, что «в ходе воплощения политики в право ее созидательные потенции, возможности организующего, регулирующего воздействия на социальную политику неизмеримо возрастают»⁴³, а право, будучи во многом обусловленным политикой, активно и целенаправленно влияет на политическое, государственное развитие, в немалой степени определяя процесс принятия политических решений. К данному утверждению целесообразно присоединиться.

Впрочем, необходимо отметить: в настоящее время не усматривается воздействия на инновационную политику государства со стороны как частного права, так и права в целом, что обусловлено вышеназванными особенностями стратегического планирования и регламентации данной сферы общественных отношений и, как следствие, отсутствием нефрагментарных правовых позиций высших судебных инстанций в отношении правового регулирования инновационной деятельности.

Право и экономика в институциональной среде инновационной деятельности

Концепция междисциплинарного экономико-правового подхода к анализу законодательства и правовых институтов в экономической теории представлена достаточно широко⁴⁴. Отмечается, что правовые нормы как «правила игры» очерчивают границы дозволенного экономического поведения индивидов и организаций, а также наказывают за отступление от этих границ, создавая тем самым систему положительных и отрицательных стимулов⁴⁵.

Автором неоднократно в различных аспектах уже рассматривалась тема соотношения права и экономики⁴⁶, поэтому в настоящем исследовании связь данных сфер общественной жизни будет раскрыта исключительно применительно к инновационной деятельности.

Экономика в структуре институциональной среды инновационной деятельности выступает в качестве основного института, и данный тезис в полной мере подтверждается как документами стратегического планирования страны, так и законодательным актом рекомендательного характера.

В соответствии со ст. 15 Модельного закона об инновационной деятельности целью государственного регулирования инновационной деятельности является создание условий, обеспечивающих стимулирование производства новой конкурентоспособной продукции в интересах развития экономики, повышения благосостояния граждан и экономической интеграции государств — участников СНГ. Согласно ст. 2 данного акта новация должна обладать признаком экономической эффективности (конкурентоспособности), что делает экономическую целесообразность не факультативным, а базовым квалифицирующим признаком новации и конститутивным элементом самого понятия инновационной деятельности.

Экономические цели заявлены как основополагающий вектор государственной политики Российской Федерации и в документах стратегического планирования. Так, Концепция технологического развития в разд. I определяет свою направленность на развитие высокотехнологичных отраслей экономики, а в п. 2 разд. IV в качестве одной из ключевых целей ставит переход к инновационно ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы. При этом под инновационно ориентированным экономическим ростом понимается тип развития, базирующийся на производстве добавленной стоимости и капитализации компаний.

⁴³ Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М. : Юридическая литература, 1982. С. 62, 68.

⁴⁴ См., например: Баранов В. М., Киреев Н. В. Институциональные реформы в ракурсе юридического плюрализма и контексте перспектив междисциплинарного экономико-правового подхода // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4. С. 7–15.

⁴⁵ Киреев Н. В., Чеботарев В. С. Указ. соч. С. 45–49.

⁴⁶ Козлова Е. Б. Право и экономика в современной системе социального регулирования // Гражданское право. 2023. № 3. С. 25–30.

В качестве механизма достижения целей, установленных Концепцией технологического развития, определяется создание новых форм научно-исследовательской, интегрированной с производственно-технологической деятельности.

Стратегия научно-технологического развития в п. 4 устанавливает в качестве приоритета такого развития направления, удовлетворяющие потребности отраслей экономики. При этом согласно п. 26 данного документа реализация предусмотренной повестки требует осуществления комплекса мер, в том числе правовых и иных, направленных, помимо прочего, на проведение научных исследований и разработок.

Наконец, Закон о науке в ст. 11 определяет в качестве одной из целей государственной научно-технической политики увеличение вклада науки и техники в развитие экономики государства.

Даже столь краткий анализ позволяет говорить о том, что институт экономики в структуре институциональной среды инновационной деятельности носит системообразующий характер, в том числе и по отношению к таким институтам, как право, политика и наука, формируя, в частности, ресурсную базу, рыночные ориентиры и условия коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности.

Экономика как элемент институциональной среды требует от права адаптации к рыночным реалиям. Концепция технологического развития прямо в разд. IV указывает на необходимость устранения «регуляторных барьеров для технологических инноваций». Экономическая целесообразность становится критерием эффективности правового регулирования, потребности рынка инноваций определяют направления правовой модернизации.

Экономический императив в сфере инновационной деятельности заставляет эволюционировать право в целом и гражданское право в частности. Так, без сомнений, положительным результатом изменений в экономической среде инноваций и принятия Закона о технологической политике явилось развитие:

— института юридических лиц в связи с введением понятий: «квалифицированный заказчик», «основной исполнитель», «разработчики технологий»;

— института объектов интеллектуальной собственности, в частности в связи с введением понятия «сквозная технология»;

— института гражданско-правовой ответственности в связи с включением в Закон понятия «право на обоснованный риск»;

— договорного права, в особенности в связи с закреплением такой договорной модели, как соглашение о развитии сквозных технологий, и указанием на договор долгосрочного спроса и т.д.

При этом указанные правовые понятия требуют дальнейшей детальной регламентации, в отсутствие которой в настоящее время можно говорить о наличии в правовом регулировании такого дефекта, как неполнота, что, очевидно, создает (зачастую неустранимые) препятствия в правоприменительной практике в сфере инновационной деятельности.

Следует отметить, что при эффективно функционирующей инновационной среде, исходя из основных целей инновационной деятельности, право призвано формировать правовой статус субъектов инновационной деятельности; устанавливать правовой режим инноваций; создавать условия экономической эффективности инноваций; обеспечивать баланс публичных и частных интересов в инновационной сфере и т.д.

Одним из примеров результативного взаимодействия права и экономики как элементов институциональной среды инновационной деятельности является область установления экспериментальных правовых режимов в отдельных сферах технологических инноваций, не являющихся цифровыми.

Реализация данных мероприятий также предписана разделом VI Концепции технологического развития в целях стимулирования оборота результатов интеллектуальной деятельности и снижения административной нагрузки на технологические компании. Закон о технологической политике в п. 2 ст. 22 в качестве меры государственного стимулирования деятельности по реализации технологической политики предусматривает поддержку в рамках установления экспериментальных правовых режимов.

Во исполнение данных предписаний в Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»⁴⁷ были внесены изменения, нацеленные на распространение его и на технологические инновации.

⁴⁷ СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5017.

Экспериментальный правовой режим, согласно ст. 2 данного нормативного правового акта, есть применение в отношении участников данного режима в течение определенного периода специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций в областях: медицинской деятельности; проектирования, производства и эксплуатации транспортных средств; сельского хозяйства; финансового рынка; продажи дистанционным способом и др.

Экспериментальный правовой режим представляет собой правовой инструмент, позволяющий временно приостанавливать или модифицировать действие определенных правовых норм для создания безопасной среды появления и введения в оборот новых технологий, что, на первый взгляд, удовлетворяет экономический запрос на ускорение вывода их на рынок.

В настоящее время приняты подзаконные акты об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и утверждении программ экспериментального правового режима в сфере эксплуатации беспилотных авиационных систем в Томской области (постановление Правительства РФ от 15.04.2026 № 418⁴⁸) и в районах акватории Северного морского пути и на прилегающих сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 20.03.2026 № 300⁴⁹).

Таким образом, взаимовлияние права и экономики в институциональной среде инновационной деятельности не является сбалансированным: экономика оправданно доминирует как целеполагающий фактор, центральный элемент системы, но правовое регулирование в подавляющем большинстве случаев характеризуется неполнотой или опаздывает в принятии. Однако взаимодействие данных двух институтов характеризуется тенденцией к достижению равновесия.

Право и наука в структуре институциональной среды инновационной деятельности

Инновационная деятельность представляет собой комплексное, многоаспектное явление, охватывает весь цикл создания инновационного продукта: от зарождения инновационной идеи, проведения фундаментальных, прикладных, поисковых научных исследований, направленных на получение новых знаний, до коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, выпуска наукоемкой, конкурентоспособной продукции, обеспечивающих экономический рост страны.

Наука традиционно рассматривается как социальный институт⁵⁰, при этом следует отметить тезис, высказанный учеными-философами, о том, что социальный регулятор имеет две стороны — объективную, выражающую закономерности в социальных системах, и субъективную, указывающую на регулирование как на сознательную, творческую деятельность⁵¹.

Целесообразно применительно к институциональной среде инновационной деятельности говорить не о науке в целом, а о научной деятельности как институте этой среды, притом что научная деятельность является составляющей науки как социального института.

Научная деятельность выступает базисным элементом входных параметров инновационной системы, т.е. одним из тех первичных ресурсов, без которых инновационный процесс не может быть инициирован. Даже в глобальном инновационном индексе (Global Innovation Index) научная деятельность относится к субиндексу «инновационных входов» (Innovation Input Sub-Index), в частности к подразделу «Человеческий капитал и исследования» (Human Capital and Research)⁵². Это подтверждает, что научная деятельность, как направленная на генерацию нового знания, рассматривается в качестве исходного параметра инновационной системы.

Согласно Закону о науке научная деятельность есть та, которая направлена на получение

⁴⁸ СЗ РФ. 2026. № 16. Ст. 2079.

⁴⁹ СЗ РФ. 2026. № 14. Ст. 1748.

⁵⁰ См., например: *Мирский Э.* Наука как социальный институт // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 89–108.

⁵¹ Цит. по: *Халтурин А. Н.* Право в системе социального регулирования: социально-философский анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 4. С. 12.

⁵² Global Innovation Index 2025 // Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization, WIPO) : официальный сайт. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/index.html> (дата обращения: 01.03.2026).

новых знаний о природе, обществе, человеке и применение их на практике.

Закон о науке разделяет понятия научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности, определяя первое через направленность на получение и применение новых знаний и через установление содержания трех видов научно-исследовательской деятельности (фундаментальные, прикладные и поисковые научные исследования), а второе как деятельность, нацеленную на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

Конечно, есть основания говорить о некорректности подобного рода дихотомии в связи с отсутствием единого классифицирующего признака, однако в рамках настоящего исследования под научной деятельностью целесообразно понимать оба установленных законом ее вида.

Рассматривая Концепцию технологического развития и Закон о науке, можно сделать вывод о том, что реализация установленных государством основных направлений развития научной деятельности, без сомнений, призвана способствовать совершенствованию правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Обращаясь к частноправовой сфере, необходимо отметить следующее. Концепция технологического развития:

— вводит понятие договора инвестиционного товарищества в сфере осуществления прямых и венчурных инвестиций, а также соглашения между Правительством РФ и компаниями-лидерами, что означает необходимость развития соответствующих положений договорного права, а также правовой доктрины в сфере классификации гражданско-правовых договоров (ни одна договорная модель не обретет особенностей правового режима и не найдет адекватного практического применения исключительно в связи с упоминанием о ней в документе стратегического планирования);

— порождает необходимость развития системы юридических лиц и форм их взаимодействия в рамках инновационного процесса, определяя понятия: «инновационный научно-технологический центр» (в том числе пред-

усматривая на территории его деятельности установление преференциального правового режима), «малая технологическая компания», «малые инновационные предприятия», «технологическая компания», «центр компетенций», а также предписывая научным организациям при участии бизнеса объединяться в национальные лаборатории и (или) исследовательские консорциумы и т.д.;

— устанавливая необходимость функционирования в госкорпорациях, компаниях с государственным участием и частных компаниях, осуществляющих деятельность в соответствующей сфере, института главных конструкторов и главных технологов по направлениям критических и сквозных технологий, а также расширения сети инжиниринговых центров и центров трансфера технологий на базе образовательных и научных организаций, внедряется в организационную структуру соответствующих юридических лиц и т.д.

Закон о науке:

— закрепляя право субъектов научной и научно-технической деятельности на обоснованный риск, развивает положения о гражданско-правовой ответственности, в частности в сфере договорного права;

— определяя понятие «институт инновационного развития» как коммерческую или некоммерческую организацию, осуществляющую инновационную деятельность, и закрепляя особенности правового статуса такой организации, также порождает необходимость развития системы юридических лиц (распоряжением Правительства РФ от 05.02.2021 № 241-р⁵³ утвержден перечень федеральных институтов инновационного развития, в который в настоящее время входят девять организаций) и т.д.

Таким образом, организация научной деятельности и ее эффективное становление в качестве элемента институциональной среды инновационной деятельности требуют развития права в рамках взаимодействия институтов среды инновационной деятельности. Однако до настоящего времени должного развития соответствующих институтов частного права не произошло. В частности, можно рассмотреть договорные отношения в сфере трансфера технологий. Коммерциализация, представляя собой процесс превращения результатов научной и научно-технической деятельности в товар и их эффективную реализацию, в том числе в про-

⁵³ СЗ РФ. 2021. № 7. Ст. 1161.

мысленных масштабах, является важнейшим элементом инновационного процесса, опосредуется в основном гражданско-правовыми договорами в отношении имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Важным аспектом правового регулирования трансфера технологий являются выявление и нормативное установление особенностей правового режима сделок, связанных со взаимодействием субъектов технологического развития в рамках трансфера технологий. Как отмечено в Концепции технологического развития, в России практически отсутствует инфраструктура трансфера технологий, обеспечивающая их трансформацию в реальные производительные силы, в составе которой можно назвать и правовую.

Как показало исследование, многие закрепленные законодательно в качестве самостоятельных договорные модели, допускающие эффективное применение в сфере трансфера технологий, фактически не могут быть использованы субъектами технологического развития в силу имеющегося противоречия не только с нормативными правовыми актами, регулирующими, в частности, вопросы контрольно-надзорной деятельности ряда федеральных органов исполнительной власти⁵⁴, но и даже с нормативными техническими актами, например ГОСТ 34830-2022 «Межгосударственный стандарт. Интеллектуальная собственность. Управление в государственной академии наук»⁵⁵, которые, как было отмечено в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 12.03.2024 по делу № АПЛ24-32⁵⁶, не содержат правовых норм (правил поведения), а представляют собой акты многократного применения, способствующие повышению качества продукции, выполнения работ, оказания услуг и осуществления сопутствующих процессов, а также конкурентоспособности продукции. При этом необходимо отметить, что Закон о науке выделяет такие договоры, как договоры инженерно-консультационных, научных и научно-техниче-

ских услуг, предмет, существенные условия, какие-либо особенности правового режима которых законодательно не закреплены и применение которых практически затруднено вплоть до невозможности.

В области правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий усматриваются значительные дефекты, в частности: содержательный (смысловой) — неполнота правового регулирования; структурный (дефект нормативных правовых связей) — несогласованность норм⁵⁷.

Представляется, что аналогичная ситуация сложится и с правовым регулированием вопросов, связанных с особенностями правового статуса субъектов технологического развития.

Концепция технологического развития в качестве одной из угроз для технологического развития страны выделяет отток высококвалифицированных кадров («утечку умов»), в связи с чем указывает на формирование запроса на кадровое обеспечение технологического сектора, особо отмечая необходимость развития научного блока. Стратегия научно-технологического развития, в свою очередь, ставит, помимо прочих, задачу создать возможности успешной карьеры в области науки, технологий, обеспечив сохранение и развитие интеллектуального потенциала науки, и повысить престиж профессии ученого.

При этом анализ положений правовой доктрины позволяет сделать вывод о наличии дефектов и в правовом регулировании труда научных работников. В частности, учеными отмечаются негативные последствия терминологической неопределенности нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере; отсутствие специфики в регламентации рабочего времени и нормирования труда научных работников; правовая неопределенность статуса научно-педагогических работников и др.⁵⁸ То есть указываются дефекты: содержательный (смысловой) — неполнота правового регулирования; структурный (дефект нормативных правовых связей) — дефект терминологических рядов.

⁵⁴ См., например: постановление Правительства РФ от 05.06.2008 № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2867.

⁵⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ См. подробнее: Козлова Е. Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. 2024. № 6. С. 44–53.

⁵⁸ См.: Куренев Д. С., Дитковская К. Д. Оптимизация правового статуса научно-педагогических работников в контексте обеспечения технологического суверенитета государства // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 110–120 ; Иванов Я. А. Основные подходы к определению понятия «научный работ-

Следует также отметить, что уже указанное закрепленное Законом о науке право субъектов научной и научно-технической деятельности на обоснованный риск также требует развития и на уровне законодательства, регулирующего труд научных работников.

Таким образом, влияние науки как элемента среды инновационной деятельности на частное право потенциально носит позитивный характер, формируя траектории его развития по целому ряду направлений. Однако, учитывая, что такого развития право не предоставляет и правовое регулирование соответствующих общественных отношений характеризуется целым рядом дефектов, можно отметить даже негативное воздействие права как элемента институциональной среды инновационной деятельности на современном этапе его развития на научную деятельность в частности и науку в целом.

Заключение

Резюмируя, следует констатировать, что на современном этапе развития право как инсти-

тут институциональной среды инновационной деятельности не оказывает положительного воздействия на иные рассмотренные компоненты данной системы: политику, экономику и науку, а в отдельных аспектах такое влияние носит негативный характер.

Таким образом, вместо ожидаемой синергии в институциональной среде инновационной деятельности фиксируется устойчивый структурный дисбаланс, вызванный в том числе и дефектами правового регулирования соответствующих общественных отношений. Право в настоящее время выступает в роли догоняющего регулятора.

Преодоление выявленного дисбаланса требует институционально-правовой перестройки, направленной в первую очередь на синхронизацию нормативного правового регулирования с реальными процессами в инновационной сфере и — следующим шагом — на выработку механизмов опережающей адаптации правового регулирования, где под опережающим характером правового регулирования понимается создание гибких регулятивных рамок, способных вместить разные модели, сценарии технологического развития⁵⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агешин Ю. А. Политика, право, мораль. М. : Юридическая литература, 1982. 160 с.
- Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999. 709 с.
- Балакаев В. Особое мнение к несуществующему заключению: как Конституционный Суд оказывается вовлеченным в политический процесс // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/11/osoboe_mnenie_k_nesuschestvuyuschemu_zaklyucheniyu_kak_konstitucionnyj_sud_okazyvaetsya_vovlechyonny.
- Баранов В. М., Киреев Н. В. Институциональные реформы в ракурсе юридического плюрализма и контексте перспектив междисциплинарного экономико-правового подхода // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4. С. 7–15.
- Батайкин П. А., Зарезнов Д. А. Политика и право как основа формирования государственной социально-экономической политики // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 2. С. 7–11.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. 270 с.
- Гонгало Б. М., Новикова Н. А. Влияние частного права на развитие мирового и российского правового порядка: современные формы и тенденции // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 1. С. 85–99.
- Горячкина Ю. В. Генезис представлений об «институциональной среде» // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2012. № 2 (3). С. 23–27.
- Евсеева Л. А. Правовое регулирование инновационной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 190 с.
- ник» в российском законодательстве // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 2. С. 45–48 ; Рясков С. Ю. Повышение трудового потенциала научных работников научно-исследовательских организаций : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2022. С. 3 и др.
- ⁵⁹ Кабышев С. В. Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России // Lex russica (Русский закон). 2026. Т. 79. № 4. С. 13.

- Иванов Я. А. Основные подходы к определению понятия «научный работник» в российском законодательстве // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 2. С. 45–48.
- Кабышев С. В. Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России // Lex russica (Русский закон). 2026. Т. 79. № 4. С. 9–17.
- Киреев Н. В., Чеботарев В. С. Современный институционализм как направление экономико-правовых исследований // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 45–49.
- Коваленко Ю. Н., Улезько А. В. Теоретические аспекты формирования институциональной среды // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 4. Т. 8. С. 4–11.
- Козлова Е. Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. 2024. № 6. С. 44–53.
- Козлова Е. Б. Право и экономика в современной системе социального регулирования // Гражданское право. 2023. № 3. С. 25–30.
- Козырев Г. И. Политическая конфликтология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Инфра-М, 2022. 430 с.
- Комшукова О. В. Мыслит ли суд политически? Опыт Конституционного Суда России // Политическая наука. 2019. № 4. С. 312–331.
- Косов Г. В., Панышин А. И., Харламова Ю. А. Политология : учеб. пособие. М. : Кнорус, 2022. 231 с.
- Кряжков В. А. Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации: проблемы организации и деятельности (научно-практический семинар) // Государство и право. 1995. № 9. С. 125–132.
- Куренев Д. С., Дитковская К. Д. Оптимизация правового статуса научно-педагогических работников в контексте обеспечения технологического суверенитета государства // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 110–120.
- Мамяшева Д. Р. Правовая природа актов стратегического планирования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 2. С. 50–59.
- Миронов Д. С. Институциональная среда инновационной деятельности промышленного предприятия: условия, факторы, проблемы // Human Progress. 2021. Т. 7. Вып. 4. С. 7.
- Мирский Э. М. Наука как социальный институт // Высшее образование в России. 2004. № 8. С. 89–108.
- Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.
- Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 69–91.
- Перепелица Г. В. Формирование институциональной среды в российской экономике : дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2006. 192 с.
- Правовое обеспечение реализации национальных проектов социально-экономического развития России до 2030 года : монография. М. : Проспект, 2021. 206 с.
- Рясов С. Ю. Повышение трудового потенциала научных работников научно-исследовательских организаций : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2022. 25 с.
- Сергеев Д. Н. Конституционное правосудие в России: политико-правовое исследование : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 150 с.
- Сухоруков А. В. Правовое регулирование инновационной предпринимательской деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 165 с.
- Сушкова О. В. Основы инновационного права : учебник. М. : Проспект, 2025. 320 с.
- Тобиен М. А. Теоретические аспекты формирования институциональной среды инновационной деятельности // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1. С. 1248–1253.
- Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : комментарий. М. : Юридическая литература, 1996. 351 с.
- Халтурин А. Н. Право в системе социального регулирования: социально-философский анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 4. С. 11–16.

REFERENCES

- Ageshin YuA. Politics, Law, Morality. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1982. (In Russ.).
- Alekseev SS. Law: ABC — Theory — Philosophy. Comprehensive research experience. Moscow: Statut Publ.; 1999. (In Russ.).
- Balakaev V. Dissenting opinion to a non-existent conclusion. *Zakon.ru*. Available at: https://zakon.ru/blog/2020/3/11/osoboe_mnenie_k_nesuschestvuyuschemu_zaklyucheniyu_kak_konstitucionnyj_sud_okazyvaetsya_vovlechyonny [Accessed 17.05.2026]. (In Russ.).
- Baranov VM, Kireev NV. Institutional reforms in the perspective of legal pluralism and the context of the prospects for an interdisciplinary economic and legal approach. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;4:7-15. (In Russ.).
- Bataykin PA, Zareznov DA. Politics and law as the basis for the formation of state socio-economic policy. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2022;2:7-11. (In Russ.).
- Blauberger IV, Yudin EG. The formation and essence of a systematic approach. Moscow; 1973. (In Russ.).
- Evseeva LA. Legal regulation of innovative activities. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).
- Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation». Commentary. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1996. (In Russ.).
- Gongalo BM, Novikova NA. The influence of private law on the development of world and Russian law and order: modern forms and trends. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2018;1:85-99. (In Russ.).
- Goryachkina YuV. Genesis of ideas about the «Institutional Environment». *Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society*. 2012;2(3):23-27. (In Russ.).
- Ivanov YaA. The Main Approaches Towards the Definition of the «Scientific Worker» Concept in Russian Laws. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2024;2:45-48. (In Russ.).
- Kabyshev SV. The Spatiotemporal Dimension of the Legal Ontology of Russia's Scientific and Technological Development. *Lex russica*. 2026;79(4):9-17. (In Russ.).
- Khalturin AN. Law in the system of social regulation: socio-philosophical analysis. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2017;4:11-16. (In Russ.).
- Kireev NV, Chebotarev VS. Modern institutionalism as a direction of economic and legal research. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2013;22:45-49. (In Russ.).
- Komshukova OV. Does the court think politically? Experience of the Constitutional Court of Russia. *Political Science*. 2019;4:312-331. (In Russ.).
- Kosov GV, Panshin AI, Kharlamova YuA. Political science. Moscow: Knorus Publ.; 2022. (In Russ.).
- Kovalenko YN, Ulezko AV. Theoretical aspects of the formation on the institutional environment. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024;8(4):4-11. (In Russ.). DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.08.001.
- Kozlova EB. Defects in the Legal Regulation of Contractual Relations in the Field Of Technology Transfer. *Civilist*. 2024;6:44-53. (In Russ.).
- Kozlova EB. Law and Economy in the Contemporary Social Regulation System. *Civil Law*. 2023;3:25-30. (In Russ.).
- Kozyrev GI. Political conflictology. 2nd ed. Moscow: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).
- Kryazhkov VA. Constitutional control bodies of the constituent entities of the Russian Federation: problems of organization and activity (scientific and practical seminar). *Gosudarsvo i pravo*. 1995;9:125-132. (In Russ.).
- Kurenev DS, Ditkovskaya KD. Optimization of the legal status of scientific and pedagogical workers in the context of ensuring the technological sovereignty of the state. *Journal of Russian Law*. 2025;29(2):110-120. (In Russ.).
- Legal support for the implementation of national projects for the socio-economic development of Russia until 2030. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Mamyasheva DR. The legal nature of acts of strategic planning. *Legal Concept — Legal Paradigm*. 2023;22(2):50-59. (In Russ.).
- Mironov DS. Institutional environment of innovative activities of an industrial enterprise: conditions, factors, problems. *Human Progress*. 2021;7(4):7. (In Russ.).
- Mirsky EM. Science as a social institution. *Higher Education in Russia*. 2004;8:89-108. (In Russ.).
- Mushinsky MA. Strategies, concepts, doctrines in the legal system of the Russian Federation: problems of status, legal technique and relationship with each other. *Juridicheskaja tekhnika*. 2015;9:488-499. (In Russ.).
- North DC. Institutions and economic growth: a historical introduction. *THESIS*. 1993;2:69-91. (In Russ.).

Perepelitsa GV. Formation of the institutional environment in the Russian economy. Cand. Sci. (Economy) Diss. Kazan; 2006. (In Russ.).

Ryasov SYu. Increasing the labor potential of scientists of research organizations. Cand. Sci. (Economy) Diss. Moscow; 2022. (In Russ.).

Sergeev DN. Constitutional justice in Russia: political and legal research. Cand. Sci. (Political Studies) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).

Sukhorukov AV. Legal regulation of innovative entrepreneurial activity in the Russian Federation. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2023. (In Russ.).

Sushkova OV. Fundamentals of innovative law. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).

Tobien MA. Theoretical aspects of the formation of an institutional environment for innovation. *Economics and Entrepreneurship*. 2023;1:1248-1253. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Елена Борисовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ebkozlova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena B. Kozlova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ebkozlova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 22 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 16 июня 2026 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 22.05.2025.

Revised 16.06.2026.

Accepted 15.07.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.026-036

В. С. Сбитнев

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Обращение имущества в доход государства как особая мера ответственности: применение к специальным субъектам

Резюме. В работе рассмотрена правовая природа такого способа прекращения права собственности, как обращение имущества в доход государства в случае непредставления доказательства его приобретения на законные доходы, установленного в пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Отмечается различная квалификация указанного способа прекращения права собственности — как меры гражданско-правовой или публично-правовой ответственности, дается правовая квалификация этого института. С учетом анализа позиций, существующих в науке, а также формирующейся судебной практики автор приходит к выводу, что обращение имущества в доход государства является мерой публично-правовой ответственности. Отдельное внимание уделяется возможности обращения имущества в доход государства по антикоррупционным искам в отношении субъектов, которые обладают конституционными гарантиями, — судей. Применительно к обращению имущества судей (судей в отставке) в доход государства в порядке пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ по искам прокуратуры делается вывод о необходимости формирования нового специального законодательного регулирования таких отношений, которое будет учитывать базовые конституционные принципы независимости и неприкосновенности судей для исключения возможности дискредитации судебного сообщества.

Ключевые слова: публично-правовая ответственность; антикоррупционные иски; противодействие коррупции; прекращение права собственности; судья; судья в отставке; принцип неприкосновенности; имущество; ответственность; специальный субъект

Для цитирования: Сбитнев В. С. Обращение имущества в доход государства как особая мера ответственности: применение к специальным субъектам. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 26–36. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.026-036

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Forfeiture of Property to the State as a Special Form of Liability: Application to Special Subjects

Vitaliy S. Sbitnev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the legal nature of such a method of termination of ownership as the conversion of property into state revenue in the event of failure to provide evidence that it was acquired with lawful income, as established in subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation. The author draws attention to the differing classifications of this method of termination of ownership as either a measure of civil-law or public-law liability, and provides a legal characterization of this institution. Taking into account the analysis of positions existing in academic doctrine, as well as the emerging judicial practice, the author concludes that the conversion of property into state revenue constitutes a measure of public-law liability. Special attention is devoted to the possibility of converting property into state revenue through anti-corruption claims in relation to subjects who enjoy constitutional guarantees, namely, judges. With regard to the conversion

© Сбитнев В. С., 2026

of judges' property (including that of retired judges) into state revenue under subparagraph 8 of paragraph 2 of Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation in proceedings brought by the Prosecutor's Office, the author concludes that there is a need to develop new special legislative regulation of such relations, which would take into account the fundamental constitutional principles of judicial independence and inviolability in order to exclude any possibility of discrediting the judicial community.

Keywords: public-law liability; anti-corruption claims; combating corruption; termination of ownership; judge; retired judge; principle of inviolability; property; liability; special subject

Cite as: Sbitnev VS. Forfeiture of Property to the State as a Special Form of Liability: Application to Special Subjects. *Lex russica*. 2026;79(8):26-36. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.026-036

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

В последнее время на практике всё больше стало появляться исков прокуроров в порядке пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ¹ об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены, в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, доказательства его приобретения на законные доходы (далее — обращение имущества в доход государства).

Сложившаяся ситуация обоснована острой необходимостью борьбы с коррупцией, которая, как справедливо отмечает А. А. Иванова, поразила буквально все сферы жизнедеятельности, дискриминируя важнейшие интересы граждан, общества, государства². Перед последним стоит задача по организации эффективных способов и инструментов решения этого вопроса. Одним из таких способов является обращение в доход государства имущества, полученного в нарушение антикоррупционного законодательства государственными служащими.

В рамках настоящего исследования не ставятся вопросы об основании исков об обращении имущества в доход государства, о приме-

нении или исчислении срока исковой давности (наиболее активно обсуждаемая проблема)³, о бремени и возможности доказывания факта совершенного коррупционного правонарушения⁴ и многие иные, являющиеся предметом научной дискуссии.

Предметом настоящего исследования выступает правовая природа института обращения имущества в доход государства в порядке пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ как меры ответственности и порядок его применения к специальным субъектам.

Актуальность настоящей проблемы обосновывается формирующейся судебной практикой по искам прокуроров об обращении имущества в доход государства в отношении специальных субъектов — судей. Именно прокуратура выступает в интересах государства при подаче исковых заявлений с требованием об обращении имущества в доход государства, что обосновывается ее особым статусом и целями деятельности: обеспечением верховенства закона, единства и укрепления законности, защитой прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства⁵. Несколько исков, инициированных Гене-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Иванова А. А. Штраф как вид и мера наказания за безусловные преступления коррупционной направленности // *Lex russica* (Русский закон). 2025. Т. 78. № 2 (219). С. 67.

³ См.: Бочкарев С. А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // *Журнал российского права*. 2025. № 4. С. 104–121; Носов Д. В., Устинова А. В. О сроках исковой давности при принудительном правопреемстве в случае обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы // *Хозяйство и право*. 2025. № 6. С. 18–33.

⁴ Ломидзе О. Г., Ломидзе Э. Ю. Гражданско-правовые презумпции, возлагающие обязанность доказывания на ответчика // *Российская юстиция*. 2025. № 3. С. 57–72.

⁵ Шобухин В. Ю. Антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников и особенности правового регулирования // *Lex russica* (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8 (177). С. 47.

ральной прокуратурой РФ в отношении судей в отставке, уже были удовлетворены районными судами (дело № 2-3576/2025, рассмотренное Красногорским городским судом Московской области, дело № 02-5945/2025, рассмотренное Останкинским районным судом г. Москвы)⁶, что свидетельствует о необходимости выявления правовой природы такой меры ответственности и о возможности ее применения к лицу, обладающему определенными конституционными гарантиями.

Правовая природа обращения имущества в доход государства

Прежде всего стоит разобраться с тем, что собой представляет обращение имущества в доход государства.

Обращение имущества в доход государства — это способ принудительного прекращения права собственности, закрепленный в пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Право собственности по указанному основанию может быть прекращено только судебным актом, если собственник имущества не сможет доказать законность приобретения этого имущества.

В подпункте 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ закреплен лишь один из способов прекращения права собственности, однако непосредственный порядок обращения имущества в доход государства регулируется иными нормами — антикоррупционным законодательством.

Как следствие, нахождение в ст. 235 ГК РФ указанного способа прекращения права собственности, как справедливо отмечает Д. А. Мальбин, демонстрирует исключительно закрепление в норме перечня способов пре-

кращения права собственности, а не свидетельствует о регулировании отношений по обращению имущества в доход государства гражданским законодательством⁷.

По мнению Э. В. Голоманчук, Е. Р. Орловой и К. А. Попова, содержание такой меры ответственности раскрывается в специальном законодательстве — административном и уголовном⁸.

В науке обращение имущества в доход государства квалифицируют как особый вид ответственности, который возникает за нарушение со стороны государственных служащих антикоррупционного законодательства в случае непредоставления необходимой информации о приобретении объектов гражданских прав на законные доходы⁹.

Конституционный Суд РФ в п. 3 постановления от 31.10.2024 № 49-П (далее — Постановление № 49-П) также дал толкование институту обращения имущества в доход государства как особой форме правового государственного принуждения наряду с уголовно-правовыми и административно-деликтными мерами¹⁰, что позволяет определить его публично-правовую природу. Обращение имущества в доход государства, как указывает Суд, имея целью реализацию публичного интереса, состоящего в противодействии коррупции, а не в восстановлении имущественного положения участников гражданского оборота, не является по своей природе способом защиты гражданских прав. Прокурор, обращаясь с таким иском, действует с целью поддержания правопорядка, что подтверждает близость института обращения имущества в доход государства к мерам публичной ответственности.

С указанной позицией полностью согласны и представители науки Генеральной прокуратуры РФ. Например, С. А. Бочкарев, рассуждая

⁶ URL: https://krasnogorsk-mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=874549294&case_uid=58af5581-57ea-4bb6-90d9-7b546c2aee17&delo_id=1540005 ; <https://mos-gor-sud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/civil/details/b7a24ae0-9908-11f0-ab5f-b508e74ccc49?caseNumber=02-5945/2025> (дата обращения: 27.11.2025).

⁷ Мальбин Д. А. Комментарий к постановлению Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П // Цивилист. 2025. № 1.

⁸ Голоманчук Э. В., Орлова Е. Р., Попов К. А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 10. С. 77.

⁹ Носов Д. В., Устинова А. В. Указ. соч. С. 19.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда».

о природе сроков исковой давности при подаче исков прокурорами об обращении имущества в доход государства, приходит к выводу, что наступающие по пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ последствия для должностных лиц не являются разновидностью гражданско-правовой ответственности¹¹. А. Ю. Абабкова также указывает, что институт изъятия имущества в доход государства не является мерой гражданско-правовой ответственности, так как его применение противоречит гражданско-правовому принципу равенства правового режима субъектов¹².

Ряд авторов считают, что обращение имущества в доход государства является мерой гражданско-правовой ответственности¹³. Основанием для такого вывода может являться нахождение нормы об обращении имущества в доход государства именно в ГК РФ. Однако закрепление определенного правила в гражданском законодательстве не свидетельствует о его гражданско-правовой природе¹⁴.

Доводы о том, что неблагоприятным последствием обращения имущества в доход государства является принудительное прекращение субъективного права собственности на имущество и что обращение с указанным иском происходит в порядке гражданско-процессуального законодательства, не могут служить основанием для квалификации обращения имущества в доход государства как меры гражданско-правовой ответственности без учета цели применения такой меры, субъектного состава и особенностей возникающих отношений.

Использование процессуальной формы в виде иска в порядке ГК РФ можно обосновать тем, что законодатель определил более простой и быстрый механизм борьбы с коррупционными правонарушениями в связи с ратификацией

Конвенции ООН против коррупции¹⁵, в рамках которой Российская Федерация как страна-участница обязалась установить эффективные, соразмерные и оказывающие сдерживающее воздействие гражданско-правовые, административные или уголовные санкции за несоблюдение мер по предупреждению коррупции в частном секторе. Кроме того, сам Гражданский процессуальный кодекс¹⁶ закрепляет возможность рассмотрения и разрешения дел по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений (п. 1 ч. 1 ст. 22), что не свидетельствует об исключительности рассмотрения по правилам ГПК РФ споров, вытекающих из гражданских правоотношений.

Кроме того, Конституционный Суд РФ отметил, что применение гражданской процессуальной формы к искам об обращении имущества в доход государства является лишь способом обеспечения эффективных гарантий судебной защиты в публично-правовых отношениях и обладает значительным преимуществом, так как применение ГПК РФ предполагает наделение ответчика максимальным объемом прав на представление в суд любых допустимых доказательств правомерности происхождения средств, затраченных на приобретение имущества (п. 6.1 Постановления № 49-П). При этом представляется, что такая форма выбрана в связи с отсутствием в действующем законодательстве более эффективной иной процессуальной формы для рассмотрения данных споров, что может подвергнуться изменению с учетом развития законодательства. Например, рассмотрение исков по обращению имущества в доход государства вернее осуществлять по правилам КАС РФ¹⁷, в рамках которого рассматриваются

¹¹ Бочкарев С. А. Указ. соч.

¹² Абабкова А. Ю. Прекращение права собственности лица, совершившего коррупционное правонарушение // *Цивилист*. 2025. № 4. С. 69.

¹³ См.: Ломидзе О. Г., Ломидзе Э. Ю. Указ. соч. ; Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2021. № 11.

¹⁴ *Гражданское право : учебник для студентов вузов : в 4 т. / В. С. Ем [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов*. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. Т. 1 : Общая часть. С. 63.

¹⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // *СЗ РФ*. 2006. № 26. Ст. 2780.

¹⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // *СЗ РФ*. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // *СЗ РФ*. 2015. № 10. Ст. 1391.

дела, возникающие из публичных правоотношений (ч. 1 ст. 1).

Порядок и условия обращения имущества в доход государства установлены специальным законодательством — Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹⁸. В предмет его регулирования входит установление правовых и организационных основ контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей доходу данного лица и его супруги (супруга). Согласно Закону определяются категория лиц, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, порядок его проведения и механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не предоставлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы.

Сравнивая предмет регулирования отношений, определяемых статьей 2 ГК РФ и Законом о контроле за расходами, следует отметить, что отношения по контролю за расходами государственных служащих и иных субъектов и порядок осуществления такого контроля не относятся к частноправовому регулированию. Очевидно, что данным отношениям свойственна публичная природа, так как государство наделило государственно-властными полномочиями по осуществлению контрольных мероприятий над иными субъектами уполномоченных лиц: органы власти, их подразделения и должностных лиц (например, прокуроров). Как справедливо отмечает Д. А. Мальбин, такие лица не обладают гражданской правоспособностью¹⁹, что не позволяет их отнести к субъектам гражданских правоотношений. То есть отношениям между контролируруемыми и находящимися под контролем лицами не присуще равенство, которое является одним из основополагающих принципов гражданского права.

Выявление отличительных признаков антикоррупционного законодательства, которые не позволяют включить такое регулирование в

предмет гражданского права, служит одним из главных аргументов противников применения института исковой давности к искам по обращению имущества в доход государства. В данном случае речь должна идти не о сроках исковой давности в понимании гражданского законодательства, а об иных специальных сроках, которые должны быть установлены нормами публичного права по аналогии со сроками давности в рамках уголовного законодательства.

Таким образом, сравнивая гражданские отношения и отношения по контролю за расходами должностных лиц, следует отметить различия в предмете, субъектном составе и принципах, на которых основывается правовое регулирование. Как следствие, представляется, что закрепления в ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» положения о том, что за совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность, даже в совокупности с пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ недостаточно для квалификации обращения имущества в доход государства как меры гражданско-правовой ответственности за совершение коррупционного правонарушения.

Кроме того, как определил Конституционный Суд РФ, обращение имущества в доход государства «направлено на восстановление социальной справедливости и укрепление социальной солидарности в сфере борьбы с коррупцией» и «не носит компенсаторного характера». То есть Суд постановлением подчеркнул, что обращению имущества в доход государства не свойствен один из основных признаков гражданско-правовой ответственности — компенсационный характер²⁰, что дополнительно подтверждает публично-правовую природу рассматриваемого института. Следствием обращения имущества в доход государства не является восстановление субъективных прав иного участника гражданских правоотношений, что также свидетельствует о публично-правовой составляющей такой меры ответственности.

¹⁸ Российская газета. № 280. 05.12.2012.

¹⁹ Мальбин Д. А. Указ. соч.

²⁰ См.: Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. СПб., 2003. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву ; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : Общие положения. М. : Юридический центр-Пресс, 1997. С. 493.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 49-П сослался на неприменимость исковой давности к аналогичным требованиям прокурора именно ввиду публично-правовой природы спорных отношений, которая заключается в привлечении лица к публичной ответственности за коррупционные нарушения и применении санкции в виде обращения имущества в доход государства.

Таким образом, Конституционный Суд РФ, отвергая тезис о частноправовой природе иска об обращении имущества в доход государства, указал в Постановлении № 49-П, что:

— обращение в суд по данной категории дел направлено не на защиту гражданского права (абз. 1 п. 4.1);

— обращение в суд связано с нарушением не субъективного гражданского права, а антикоррупционных ограничений (абз. 1 п. 4.1);

— целью обращения в суд является не привлечение лица к гражданско-правовой ответственности в смысле возмещения ущерба, а реализация публичного интереса (абз. 2 п. 4.1);

— обращение имущества в доход государства не выступает способом защиты гражданских прав, не направлено на компенсацию потерь, но служит неблагоприятным последствием противоправного поведения — нарушения антикоррупционного законодательства (абз. 3 п. 4.1);

— положения пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ не свидетельствуют о частноправовой природе данного требования, поскольку они лишь призваны обеспечить прозрачный и понятный порядок перехода права собственности к государству (абз. 1 п. 4.2);

— использование гражданско-процессуальной формы не свидетельствует о частноправовой природе спорных отношений, а лишь призвано обеспечить гарантии судебной защиты лица в публично-правовых отношениях (абз. 3 п. 4.2).

Кроме того, основание прекращения права собственности, установленное в пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, было введено Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам”», что также подтверждает публично-правовую природу указанного института: данное основа-

ние прекращения права собственности появилось исключительно в связи с созданием нового законодательного регулирования отношений по контролю за расходами лиц, занимающих государственные должности.

Таким образом, анализ правового регулирования общественных отношений по изъятию имущества в доход государства позволяет квалифицировать изъятие имущества в доход государства именно как публично-правовую, а не гражданско-правовую меру ответственности (санкцию).

Обращение в доход государства имущества субъектов, наделенных конституционными гарантиями

Вопрос о применении указанной меры ответственности к специальным субъектам, которые обладают конституционными гарантиями, до настоящего времени не исследован. В рамках данной работы рассматриваются правовой статус судьи, в том числе судьи в отставке, и возможность обращения его имущества в доход государства на основании нарушения Закона о контроле за расходами.

Правовой статус судьи, в том числе судьи в отставке, включает в себя неприкосновенность. Указанный принцип как особая гарантия лица, занимающего должность судьи, закреплён в ч. 1 ст. 122 Конституции РФ.

Согласно ст. 16 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»²¹ (далее — Закон о статусе судей) неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 07.03.1996 № 6-П, судейская неприкосновенность является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия.

²¹ Российская юстиция. 1995. № 11.

В случае если федерального судью (судью в отставке) привлекают к уголовной ответственности, решение по вопросу о возбуждении уголовного дела принимается председателем Следственного комитета РФ с согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ (п. 3 ст. 16 Закона о статусе судей).

В случае если федерального судью (судью в отставке) привлекают к административной ответственности, то такое решение должно быть принято судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда РФ по представлению Генерального прокурора РФ (п. 4 ст. 16 Закона о статусе судей).

Гарантия в виде обязательного согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ на привлечение судьи (судьи в отставке) к уголовной ответственности либо в виде отнесения вопроса о привлечении к административной ответственности к компетенции Верховного Суда РФ направлена на обеспечение независимости судей от необоснованного привлечения к публичной ответственности.

Закон о статусе судей содержит запрет судье на занятие предпринимательской деятельностью (пп. 4 п. 3 ст. 3) и обязывает судью подавать достоверные сведения о своих доходах и расходах (ст. 8.1). Однако согласно п. 1 ст. 12.1 Закона о статусе судей, совершение судье (в том числе судье в отставке) виновного действия при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, нарушающее положения данного Закона и (или) Кодекса судейской этики, является дисциплинарным проступком.

Таким образом, при предъявлении к судье иска об обращении имущества в доход государства в случае, когда прокуратура утверждает, что судья, пользуясь своим статусом, незаконно осуществлял предпринимательскую деятельность, необходимо изначально привлечь такое лицо к ответственности за совершение дисциплинарного проступка.

Согласно п. 7 ст. 12.1 Закона о статусе судей принятие решения по вопросу об установлении в действиях судьи в отставке признаков дисциплинарного проступка относится к исключительной компетенции квалификационной коллегии судей РФ.

То обстоятельство, что прокуратура просит применять в таких спорах к судьям в отставке санкцию в виде обращения имущества в доход государства, не означает допустимость несоблюдения порядка установления в действиях судьи признаков дисциплинарного проступка.

Согласно ч. 2 ст. 2 Закона о контроле за расходами контроль за расходами судей осуществляется в порядке, установленном в том числе правовыми актами, регулирующими статус судей (Законом о статусе судей).

Таким образом, из специального законодательства, посвященного статусу судей, следует, что вопрос привлечения судьи к ответственности — это компетенция Верховного Суда РФ и квалификационной коллегии судей. Исключением выступает гражданско-правовая ответственность, когда судья является участником частноправовых отношений, например плательщиком алиментов, должником по кредитному договору, заказчиком по договору на оказание услуг и т.п. В случае неисполнения судье в рамках гражданских отношений своих обязательств, очевидно, не требуется получения специальных согласий или рассмотрения дела специальным составом судей для привлечения судьи к ответственности, так как участие судьи в гражданских правоотношениях по общему праву не влияет на его репутацию.

В этой связи возникает вопрос о конкуренции норм, которые должны применяться по отношению к судье (судье в отставке) как к лицу, обладающему специальным статусом, в частности норм, содержащих лишь общие условия о порядке обращения имущества в доход государства (Закон о контроле за расходами), и норм, закрепляющих особый статус судьи, правовые гарантии и порядок привлечения таких лиц к различным видам ответственности (Закон о статусе судей).

В данном случае, если рассматривать конкуренцию общей и специальной норм, то для решения вопроса, какая из них является специальной по отношению к другой, следует отметить, что Закон о контроле за расходами предусматривает применение общего правила к широкому кругу субъектов правоотношений, а Закон о статусе судей устанавливает специальные нормы, которые касаются исключительно статуса судьи (судьи в отставке) и его конституционных гарантий.

Вероятно, в настоящее время в связи с отсутствием условий и порядка обращения имущества в доход государства в Законе о статусе судей судьи применяют положения Закона о контроле за расходами, руководствуясь правилом, согласно которому если ответственность предусмотрена общей и специальной нормами, то она наступает по специальной норме. В связи с тем, что в Законе о статусе судей фак-

тически отсутствует регламентация порядка обращения имущества судьи (судьи в отставке) в доход государства, судьи и органы прокуратуры пользуются единственным возможным способом и применяют положения Закона о контроле за расходами по общему правилу и к судьям (судьям в отставке). В этой связи следует подчеркнуть, что такая судебная и правоприменительная практика противоречит Конституции РФ, которая закрепляет особый статус судьи (судьи в отставке) и его конституционные гарантии.

Если рассматривать конкуренцию специальных норм, когда таковыми являются положения и Закона о контроле за расходами, и Закона о статусе судей, то подлежит применению норма, которая была принята позже. В этом случае приоритет будет иметь Закон о контроле за расходами как нормативный правовой акт, принятый позднее.

Представляется более верным первый подход, согласно которому правила, содержащиеся в Законе о статусе судей, будут специальными нормами в сравнении с установленными в Законе о контроле за расходами.

Сложившаяся ситуация в правовом регулировании отношений по обращению имущества в доход государства, очевидно, приводит к нарушению общеправового критерия определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, который применяется Конституционным Судом РФ в отношении различных правовых споров²², что порождает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу в ущерб конституционным правам и свободам.

В настоящее время обращение имущества в доход государства, по мнению прокуратуры, не требует соблюдения особого порядка получения согласия на подачу такого иска, несмотря на то что по содержанию указанная мера ответственности является публично-правовой, как и санкции, предусмотренные УК РФ и КоАП РФ.

Как следствие, для подачи такого иска необходимо соблюсти особую процедуру по аналогии с привлечением судьи к административной и уголовной ответственности.

Удовлетворение исков об изъятии имущества в доход государства у специальных субъектов, обладающих неприкосновенностью, создает прецедент привлечения судьи любого уровня, в том числе судьи Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, к публичной ответственности в виде обращения имущества в доход РФ путем подачи иска в районный суд. То есть складывается ситуация, когда районным судом может рассматриваться дело о совершении действующим судьей Верховного Суда РФ коррупционного правонарушения, если судья не смог доказать законность происхождения всех своих доходов. В таком случае, очевидно, нарушается и принцип независимости судьи. Сама подача иска об обращении имущества в доход государства, даже если в процессе рассмотрения дела не будет установлен факт получения незаконных доходов или занятия судьей в период исполнения должностных обязанностей предпринимательской деятельностью, нанесет существенный удар по репутации судьи, что недопустимо с точки зрения судебской этики и особого правового статуса судьи, призванного обеспечить защиту публичных интересов.

В рамках дела № 2-3576/2025 по иску заместителя Генерального прокурора РФ об изъятии имущества в доход государства к ряду лиц, в том числе к субъекту, обладающему конституционными гарантиями, рассмотренного Краснотурским городским судом Московской области, суд удовлетворил требование в полном объеме, обратив взыскание на всё заявленное имущество. При этом в решении суда указано, что специальный порядок привлечения судьи, в том числе судьи, пребывающего в отставке, к гражданско-правовой ответственности по антикоррупционному иску не установлен. Далее суд делает вывод, опираясь на позицию Конститу-

²² Постановления Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части второй статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Д. Егорова и Н. В. Чуева»; от 12.11.2024 № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 30.1 и иных положений о подсудности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Подольского городского суда Московской области»; от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение “Берег”, открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод “Микропровод” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор”» // СПС «КонсультантПлюс».

ционного Суда РФ, что обращение имущества в доход государства выступает в качестве специальной меры, предусмотренной в рамках антикоррупционного законодательства для случаев незаконного обогащения. Упоминание указанной меры как специальной не исключает необходимость ее квалификации с точки зрения места в системе правового регулирования с учетом ее правовой природы²³.

В целом из судебного акта по делу № 2-3576/2025 не складывается окончательного понимания, чем является обращение имущества в доход государства — специальной мерой ответственности либо всё же гражданско-правовой мерой, порядок привлечения к которой в настоящее время не урегулирован.

При этом стоит отметить, что в отсутствие специального законодательного механизма обращения имущества в доход государства в отношении специальных субъектов суду необходимо было бы оставить исковое заявление об обращении имущества судьи в доход государства без рассмотрения, руководствуясь абзацем 4 ст. 222 ГПК РФ, в соответствии с которым суд оставляет заявление без рассмотрения в случае, если оно подписано или подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание или предъявление иска, так как прокуратура при подаче такого иска не получила необходимого согласия для привлечения судьи в отставку к публичной ответственности. Либо изначально начать процедуру прекращения статуса судьи, например за совершение дисциплинарного проступка либо уголовного преступления, при наличии оснований, а лишь впоследствии подавать такой иск.

Неприкосновенность (иммунитет) судей как специальных субъектов общественных правоотношений исключает публичную ответственность без соответствующего согласия органа судейского сообщества, в случае получения которого должны быть соблюдены предусмотренные законом особые правила привлечения к ответственности.

На современном этапе правовое регулирование отношений в сфере обращения имущества в доход государства, при условии отсутствия специального порядка или разъяснений высших судебных органов, должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства²⁴, в частности неприкосновенности и независимости судей.

То обстоятельство, что требование прокуратуры основано на нормах антикоррупционного права, не свидетельствует о допустимости обхода специальных процедур, поскольку согласно п. 4 ст. 9 Закона о статусе судей гарантии независимости судьи, в том числе меры его правовой защиты, не могут быть отменены или снижены иными нормативными актами РФ и субъектов Федерации.

Таким образом, рассмотрение исков об обращении имущества в доход государства в отношении судей (судей в отставке) не должно проходить, минуя правовые гарантии неприкосновенности судей.

Заключение

В настоящее время становится всё более актуальным вопрос создания специального порядка предъявления исков об обращении имущества в доход государства субъектам, которые обладают конституционными гарантиями. В отношении судейского сообщества в Законе о статусе судей необходимо предусмотреть специальный механизм обращения имущества, полученного коррупционным путем, в доход государства по аналогии с привлечением судей к административной, уголовной или дисциплинарной ответственности.

Создание специального механизма привлечения к ответственности специальных субъектов правоотношений, наделенных конституционными гарантиями, позволит достичь заложенного в праве итога деятельности²⁵.

²³ URL: https://krasnogorsk--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=874549294&case_uid=58af5581-57ea-4bb6-90d9-7b546c2aee17&delo_id=1540005 (дата обращения: 27.11.2025).

²⁴ П. 5.1 постановления Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона “О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам” в связи с запросом Верховного Суда Республики Башкортостан» // Российская газета. № 277. 07.12.2016.

²⁵ Вавилин Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав : монография. Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2012. С. 34.

При этом стоит отметить, что принцип неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности должен осуществляться государством, ведь коррупция — это коррозия власти,

которая разрушает нравственные устои общества²⁶. Однако реализация указанного принципа не должна приводить к умалению иных конституционных принципов, в том числе основополагающего принципа неприкосновенности судей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абабкова А. Ю. Прекращение права собственности лица, совершившего коррупционное правонарушение // *Цивилист*. 2025. № 4. С. 69–78.
- Бочкарев С. А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // *Журнал российского права*. 2025. № 4. С. 104–121.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : Общие положения. М., 1997. 682 с.
- Вавилин Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав : монография. Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2012. 364 с.
- Голоманчук Э. В., Орлова Е. Р., Попов К. А. К вопросу о понятиях конфискации и обращения имущества в доход государства как основаниях для прекращения права собственности // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. № 10. С. 77–89.
- Иванова А. А. Штраф как вид и мера наказания за безусловные преступления коррупционной направленности // *Lex russica (Русский закон)*. 2025. Т. 78. № 2 (219). С. 66–80.
- Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // *Избранные труды : в 4 т. Т. 1 : Правотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву*. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. 574 с.
- Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб. : Альфа, 1997. 352 с.
- Ломидзе О. Г., Ломидзе Э. Ю. Гражданско-правовые презумпции, возлагающие обязанность доказывания на ответчика // *Российская юстиция*. 2025. № 3. С. 57–72.
- Мальбин Д. А. Комментарий к постановлению Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П // *Цивилист*. 2025. № 1. С. 5–19.
- Носов Д. В., Устинова А. В. О сроках исковой давности при принудительном правопреемстве в случае обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы // *Хозяйство и право*. 2025. № 6. С. 18–33.
- Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2021. № 11. С. 156–186.
- Шобухин В. Ю. Антикоррупционное воспитание в деятельности прокурорских работников и особенности правового регулирования // *Lex russica (Русский закон)*. 2021. Т. 74. № 8 (177). С. 46–57.

REFERENCES

- Ababkova AY. Problems of Pledge and Rental of Property upon Termination of Ownership of a Person Who has Committed a Corruption Offense. *Civilist*. 2025;4:69-78. (In Russ.).
- Bochkarev SA. The Statute of Limitations as the Unfulfilled Hope of Corrupt Officials. *Journal of Russian Law*. 2025;4:104-121. (In Russ.).
- Braginsky MI, Vitryansky VV. Contract law: General provisions. Moscow; 1997. (In Russ.).
- Golomanchuk EV, Orlova ER, Popov KA. Comparative Analysis of Confiscation and Conversion of Property to State Revenue as Grounds for Termination of Ownership. *Property Relations in the Russian Federation*. 2024;10:77-89. (In Russ.).
- Ioffe OS. Responsibility under Soviet civil law. In: Selected works: In 4 vols. Vol. 1: Legal relations under Soviet civil law. Soviet civil law liability. St. Petersburg; 2003. (In Russ.).

²⁶ Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб. : Альфа, 1997. С. 17.

Ivanova AA. A Fine as a Type and Measure of Punishment for Unconditional Crimes of Corruption. *Lex russica*. 2025;78(2):66-80. (In Russ.).

Kirpichnikov AI. Bribe and corruption in Russia. St. Petersburg: Alpha Publ.; 1997. (In Russ.).

Lomidze OG, Lomidze EYu. Civil law presumptions imposing the duty of proof on the defendant. *Russian Justice*. 2025;3:57-72. (In Russ.).

Malbin DA. Commentary on the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 31, 2024 No. 49-P. *Civilist*. 2025;1:5-19. (In Russ.).

Nosov DV, Ustinova AV. On The Limitation of Action in case of Forced Legal Succession in the Event of Forfeiture to the Russian Federation of Property Without Submitted Data Confirming Acquisition of such Property Using Legitimate Income. *Economy and Law*. 2025;6:18-33. (In Russ.).

Shobukhin VYu. Anti-Corruption Education in the Activities of Prosecutors and Peculiarities of its Legal Regulation. *Lex russica*. 2021;74(8)(177):46-57. (In Russ.).

Sklovsky KI. Enforcement of the Law on the Recovery of Property Obtained In Violation of the Anti-Corruption Act. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2021;11:156-186. (In Russ.).

Vavilin EV. Principles of civil law. Mechanism for the implementation and protection of civil rights. Saratov State Law Academy Publ.; 2012. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сбитнев Виталий Сергеевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vssbitnev@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy S. Sbitnev, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vssbitnev@msal.ru

Материал поступил в редакцию 23 июня 2025 г.

Статья получена после рецензирования 5 декабря 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 23.06.2025.

Revised 05.12.2025.

Accepted 15.07.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.037-045

Т. А. Андропова

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Применение экспериментального нормотворчества в регулировании общественных отношений в условиях особого (экстраординарного) правового режима

Резюме. Автор исследовал законодательство, регламентирующее экспериментальный правовой режим, а также проанализировал доктринальные подходы к видам правовых режимов экономической деятельности (общий, специальный (ординарный), особый (экстраординарный) правовые режимы). Изучая вопрос о правовых режимах экономической деятельности, автор указывает на то, что экспериментальное нормотворчество реализуется в рамках специального (ординарного) правового режима. Содержание особого (экстраординарного) правового режима раскрывается посредством анализа законодательства о правовых режимах военного положения, чрезвычайного положения, повышенной готовности и санкционном режиме. В результате исследования выявлены сходные черты и существенные различия между экспериментальным нормотворчеством и особым (экстраординарным) правовым режимом. В статье также освещается вопрос о реализации экспериментальных правовых норм в условиях правового режима повышенной готовности. В итоге автор приходит к выводу о том, что правовая природа экспериментального нормотворчества характеризуется универсальностью, позволяющей применять его в рамках не только специального (ординарного), но и особого (экстраординарного) правового режима.

Ключевые слова: экспериментальное нормотворчество; экспериментальный правовой режим; правовой эксперимент; общий правовой режим; специальный (ординарный) правовой режим; особый (экстраординарный) правовой режим

Для цитирования: Андропова Т. А. Применение экспериментального нормотворчества в регулировании общественных отношений в условиях особого (экстраординарного) правового режима. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 37–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.037-045

The Application of Experimental Rulemaking in the Regulation of Social Relations under a Special (Extraordinary) Legal Regime

Tatiana A. Andronova

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author examined the legislation governing the experimental legal regime and analyzed doctrinal approaches to the types of legal regimes of economic activity (the general legal regime, the special (ordinary) legal regime, and the specific (extraordinary) legal regime). In studying the issue of legal regimes of economic activity, the author points out that experimental rulemaking is implemented within the framework of the special (ordinary) legal regime. The content of the specific (extraordinary) legal regime is examined by the author through an analysis of legislation on the legal regimes of martial law, state of emergency, heightened readiness, and the sanctions regime. As a result of the study, similar features and significant differences between experimental rulemaking and the specific (extraordinary) legal regime were identified. The paper also addresses the implementation of experimental legal norms under the legal regime of heightened readiness. Ultimately, the author concludes

© Андропова Т. А., 2026

that the legal nature of experimental rulemaking is characterized by universality, which makes it possible to apply it not only within the special but also within the specific legal regime.

Keywords: experimental rulemaking; experimental legal regime; legal experiment; general legal regime; special (ordinary) legal regime; special (extraordinary) legal regime

Cite as: Andronova TA. The Application of Experimental Rulemaking in the Regulation of Social Relations under a Special (Extraordinary) Legal Regime. *Lex russica*. 2026;79(8):37-45. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.037-045

Введение

Последние несколько лет экспериментальный подход динамично внедряется в правовую систему. Наблюдается тенденция существенного роста принимаемых нормативных правовых актов, носящих экспериментальный характер. Это связано с тем, что экспериментальный подход в правотворчестве обладает рядом преимуществ и может послужить решением отдельных задач. Основа экспериментального нормотворчества была заложена Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹ и Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»² (далее — Закон об экспериментальных правовых режимах). На сегодняшний день пристальное внимание привлекают вопросы о том, что собой представляет экспериментальный правовой режим (далее также — ЭПР), правовой эксперимент, какие преимущества у экспериментального подхода в законотворчестве, в каких сферах наиболее активно внедряются ЭПР и почему. Однако мы в исследовании затронем не менее значимый вопрос: может ли экспериментальное нормотворчество быть применено в условиях особого (экстраординарного) правового режима?

Основная часть

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса, обозначенного выше, необходимо кратко охарактеризовать экспериментальное нормотворчество и особый (экстраординарный) правовой режим.

Суть экспериментального нормотворчества можно раскрыть через реализацию ЭПР и правового эксперимента. В настоящее время в законодательстве сформулировано легальное определение ЭПР³. Так, согласно ст. 13 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» ЭПР состоит в применении в течение определенного периода специального регулирования в отношении определенной группы лиц или на определенной территории, в том числе в полном или частичном отказе от применения определенной группой лиц или на определенной территории обязательных требований либо в отказе от осуществления разрешительной деятельности в отношении объекта разрешительной деятельности. Как мы видим, характерными чертами ЭПР является то, что он имеет установленный временной период, распространяется на конкретную группу лиц или определенную территорию и при его введении предусматривается полный или частичный отказ от осуществления разрешительной деятельности или применения обязательных требований.

Легальное определение понятия «правовой эксперимент» в настоящий момент отсутствует, поэтому следует обратиться к теоретическим взглядам на него. Если проанализировать мнения ученых о данной категории⁴, то можно

¹ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

² СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

³ Что собой представляет экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций, раскрывается в Законе об экспериментальных правовых режимах.

⁴ См.: Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. М. : Юридическая литература, 1988 ; Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974 ; Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

прийти к выводу о том, что и ЭПР, и правовой эксперимент являются методами преобразования нормативного правового регулирования⁵.

Учитывая вышеизложенное, мы можем подчеркнуть, что в экспериментальном нормотворчестве применяется новаторский подход к созданию и дальнейшей реализации правовых норм. Прежде чем предложенное законодательное нововведение будет внедрено, правовые нормы протестируют на пилотной территории в отношении конкретного круга субъектов и в течение установленного срока. Данная конструкция представляет собой компромисс между апробацией экспериментальных правовых норм и минимизацией рисков для правовой системы, которые могут возникнуть в случае, если апробация не будет проведена.

Характеризуя доктринальные воззрения, мы можем отметить, что в настоящее время в науке предпринимательского права не сложилось единого взгляда на виды правовых режимов экономической деятельности и их соотношение. Между тем можно обозначить подход, согласно которому в зависимости от охвата действием определенной группы общественных отношений правовые режимы подразделяются на *общий* (бессрочный режим, который применяется к определенной группе общественных отношений); *специальный* (к числу специальных правовых режимов относятся специальный режим деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, экспериментальный и преференциальный режимы); *особый (экстраординарный)* (его разновидностями являются правовые режимы военного положения, чрезвычайного положения, повышенной готовности и санкционный режим)⁶.

В юридической литературе сформировавшийся подход к дифференциации правовых режимов является предметом активной научной дискуссии. Так, В. В. Кванина, анализируя теорию сложившихся правовых режимов, указывает на то, что если правовое регулирование общественных отношений не предусматривает

особых ограничений или преимуществ и рассчитано на неограниченный срок и не преследует конкретной цели, то речь здесь идет не о правовом режиме, а об общем правовом регулировании общественных отношений. В связи с этим целесообразно выделять только специальные и особые режимы⁷.

О. А. Тарасенко, соглашаясь с точкой зрения, высказанной В. В. Кваниной, указывает на следующий аспект: категория «особый (экстраординарный) правовой режим» в науке является родовой, в то время как понятие «специальный правовой режим» несет нагрузку как родового, так и видового. Автор рекомендует отказаться от применения термина «особый» при одновременном повышении значения термина «экстраординарный» от вспомогательного до обозначающего основное родовое понятие, объединяющее режимы военного положения, чрезвычайного положения, санкционный режим и режим повышенной готовности. И в этой связи О. А. Тарасенко предлагает ввести родовое понятие «ординарный правовой режим», что позволит без противоречий охватить многообразие специальных правовых режимов⁸.

Исследуя соотношение специальных и экспериментальных режимов, Е. А. Громова отмечает, что экспериментальные правовые режимы являются видом специального режима осуществления предпринимательской деятельности⁹.

Одним из основных моментов, на который необходимо обратить внимание в данной дискуссии, является то, что экспериментальное нормотворчество, как правило, реализуется в рамках специального (ординарного) правового режима.

Содержание особого (экстраординарного) правового режима наиболее ярко проявляется в его разновидностях, указанных выше. В свете вопроса исследования необходимо кратко, опираясь на действующее законодательство, охарактеризовать отдельные отличительные черты разновидностей особого (экстраординарного) правового режима.

⁵ См.: Андропова Т. А. О соотношении терминов «экспериментальный правовой режим» и «правовой эксперимент» // Хозяйство и право. 2025. № 6. С. 34–43.

⁶ Правовые режимы экономической деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2023. С. 34 (авторы § 1 гл. 2 — И. В. Ершова, О. А. Тарасенко).

⁷ См.: Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 234–238.

⁸ См.: Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 51. С. 105–132.

⁹ Правовые режимы экономической деятельности. С. 43 (автор гл. 3 — Е. А. Громова).

Так, согласно Федеральному конституционному закону от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»¹⁰ под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории РФ или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии. Период действия военного положения начинается с даты и времени, установленных указом Президента РФ о его введении, и заканчивается датой и временем его отмены. В период действия военного положения могут быть предусмотрены меры, связанные с введением временных ограничений на осуществление экономической и финансовой деятельности, оборот имущества, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, временно изменены форма собственности организаций, порядок и условия процедур банкротства, режим трудовой деятельности и установлены особенности финансового, налогового, таможенного и банковского регулирования.

Вопрос о чрезвычайном положении регулируется Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹¹, в котором указывается, что введение чрезвычайного положения является временной мерой, применяемой исключительно для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя РФ. Чрезвычайное положение вводится лишь при наличии обстоятельств, которые представляют непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер. Чрезвычайное положение на всей территории РФ или в ее отдельных местностях вводится указом Президента РФ с незамедлительным уведомлением Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Правовые основы режима повышенной готовности¹² предусмотрены Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹³. Данный Закон определяет общие организационно-правовые нормы в области защиты граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории РФ, всего земельного, водного, воздушного пространства в пределах РФ или его части, объектов производственного и социального назначения, а также окружающей среды от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Правительство РФ издает на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных актов Президента РФ постановления и распоряжения в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и обеспечивает их исполнение, а также принимает решение о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории РФ либо на ее части в случае угрозы возникновения и (или) возникновения чрезвычайной ситуации федерального или межрегионального характера.

Говоря о санкционном режиме, следует отметить Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»¹⁴. Согласно данному Закону, специальные экономические меры применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности РФ и (или) нарушающие права и свободы ее граждан. Принудительные меры применяются для выполнения резолюций Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Раскрывая природу санкционного режима, А. А. Мохов отмечает, что данный режим, учи-

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

¹¹ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

¹² В юридической литературе правовой режим повышенной готовности был предметом исследования. Подробнее см.: *Ершова И. В., Петраков А. Ю.* Режим повышенной готовности в системе правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // *Lex russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73. № 9. С. 9–20.

¹³ СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

¹⁴ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.

тывая комплекс применяемых мер и их характер, можно считать одним из особых правовых режимов¹⁵.

А. Р. Рязанова приводит следующие аргументы в пользу того, что санкционному режиму свойственна экстраординарная природа: 1) особые основания введения; 2) ограниченный период действия; 3) усиление государственного регулирования; 4) кардинальное изменение в статусе субъектов экономической деятельности; 5) расширение компетенций государственных органов; 6) введение дополнительных мер поддержки¹⁶.

Охарактеризовав разновидности особого (экстраординарного) правового режима, мы можем выявить их общие составляющие. Так, всем им свойственно то, что их введению предшествуют определенные экстраординарные обстоятельства, они вводятся на определенный срок, при их введении расширяются полномочия органов государственной власти. Акцентируем внимание также на том, что задача разновидностей особого (экстраординарного) правового режима — устранить угрозы и обеспечить безопасность государства.

Если соотнести между собой экспериментальное нормотворчество и особый (экстраординарный) правовой режим, то можно установить как определенное сходство, так и существенные различия между ними.

Сравнивая экспериментальное нормотворчество и разновидности особого (экстраординарного) правового режима, возможно выявить следующие аналогичные характеристики.

Во-первых, при применении экспериментального нормотворчества и введении разновидностей особого (экстраординарного) правового режима *происходят отступление от обычного правового регулирования и применение исключительных правовых механизмов*. Последние будут реализовываться в особых условиях.

Во-вторых, и экспериментальному нормотворчеству, и разновидностям особого (экстраординарного) правового режима *свойствен определенный временной период*. Например, согласно ч. 1 ст. 7 Закона об экспериментальных правовых режимах срок действия ЭПР не может превышать пять лет. Законодательство, регламентирующее введение правовых

режимов военного положения, чрезвычайного положения, повышенной готовности, санкционного режима, также предусматривает, что они вводятся на конкретный срок, о чем ранее мы указывали при их кратком анализе.

В-третьих, экспериментальное нормотворчество и разновидности особого (экстраординарного) правового режима могут *распространяться не на всю территорию государства и не на всех субъектов*, т.е. они могут быть ограничены отдельной территорией и касаться только определенных лиц.

В-четвертых, в обоих случаях мы можем отметить *активную роль государства*, усиление его отдельных функций при введении и контроле за экспериментальным нормотворчеством и разновидностями особого (экстраординарного) правового режима.

Несмотря на наличие общих черт у экспериментального нормотворчества и особого (экстраординарного) правового режима, им присущи и существенные различия.

Первое, что обращает на себя внимание, — это *абсолютно разные цели их введения*. Согласно ст. 3 Закона об экспериментальных правовых режимах целями ЭПР являются формирование новых видов и форм экономической деятельности; развитие конкуренции; расширение состава, повышение качества или доступности товаров, работ и услуг; повышение эффективности государственного или муниципального управления; развитие науки и социальной сферы; совершенствование общего регулирования; привлечение инвестиций в цифровые и технологические инновации; создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых и технологических инноваций.

Введение разновидностей особого (экстраординарного) правового режима тоже определено в законодательстве, но имеет иные цели. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1 Федерального конституционного закона «О военном положении» целью введения военного положения является создание условий для отражения или предотвращения агрессии против РФ.

Согласно ст. 2 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» целями введения чрезвычайного положения являются устранение обстоятельств, послуживших

¹⁵ См.: Мохов А. А. Влияние санкционных режимов на цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 33–39.

¹⁶ Правовые режимы экономической деятельности. С. 160–165 (автор гл. 8 — А. Р. Рязанова).

основанием для его введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя РФ.

Режим повышенной готовности преследует следующие цели: предупреждение возникновения и развития чрезвычайных ситуаций; снижение размеров ущерба и потерь от чрезвычайных ситуаций; ликвидацию чрезвычайных ситуаций; разграничение полномочий в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций между федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления и организациями (ст. 3 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»).

Цели введения санкционного режима можно выявить, опираясь на понятие «санкционный режим экономической деятельности». Для этого необходимо обратиться к научному подходу. Так, анализируя понятие «санкционный режим экономической деятельности», сформулированное А. Р. Рязановой, можно определить следующие цели его введения: данный режим устанавливается 1) для достижения целей внешней политики государства, союза государств, международной организации и 2) в ответ на неправомерные или недружественные действия другого государства или отдельных лиц, связанных с этим государством¹⁷.

В итоге мы можем заключить, что целью внедрения экспериментального нормотворчества выступает апробация новых правовых норм, выявление их эффективности или отсутствия их положительного результата. Общая цель разновидностей особого (экстраординарного) правового режима состоит в защите государства от возникших угроз. Несовпадение целей экспериментального нормотворчества и разновидностей особого (экстраординарного) правового режима предполагает и разные юридические последствия их введения.

Существенным различием между экспериментальным нормотворчеством и особым (экстраординарным) правовым режимом будет

основание их введения. Если экспериментальное нормотворчество имеет инициативный характер введения как со стороны государства, так и со стороны субъектов предпринимательской деятельности, то введение разновидностей особого (экстраординарного) правового режима всегда продиктовано определенной необходимостью. Государство вынуждено вводить данные правовые режимы для защиты населения и окружающей среды.

Среди отличительных черт экспериментального нормотворчества и особого (экстраординарного) правового режима отметим следующее: результаты реализации экспериментального нормотворчества могут быть признаны положительными и внедрены в практическую деятельность хозяйствующих субъектов, а разновидности особого (экстраординарного) правового режима (режимы военного положения, чрезвычайного положения, повышенной готовности, санкционный режим) после достижения целей их введения отменяются.

Несмотря на сущностные различия, мы можем отметить, что экспериментальное нормотворчество может быть применено в условиях особого (экстраординарного) правового режима. В отдельных экстраординарных условиях оно может быть задействовано при применении ранее неизвестных методов управления в кризисных ситуациях, тестировании инновационных технологий при ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, разработке новых временных правовых норм, которые будут направлены на урегулирование последствий чрезвычайной ситуации.

Здесь стоит привести пример, что в условиях правового режима повышенной готовности при пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в различных сферах стали внедряться отдельные цифровые технологии, которые и в дальнейшем получили применение. Например, стало развиваться использование видео-конференц-связи с целью проведения судебных заседаний в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений¹⁸, для повышения доступности медицинской помощи начала

¹⁷ Рязанова А. Р. Санкционный режим экономической деятельности: понятие и правовая природа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 12. С. 210.

¹⁸ См.: постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей Российской Федерации от 18.03.2020 № 808 (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 821 (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

активно развиваться телемедицина¹⁹. Можем отметить: после внедрения телемедицины в жизнь граждан произошло ее дальнейшее развитие в виде установления ЭПР в медицинской деятельности с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан²⁰.

Как видим, в экстраординарных обстоятельствах государство приняло решение о тестировании определенных цифровых технологий. Экспериментальные правовые нормы были реализованы в отдельных сферах и на ограниченный срок с целью апробации нового подхода в регулировании для стабилизации возникшей ситуации в условиях правового режима повышенной готовности. Законодатель, сохраняя общие правила правового регулирования общественных отношений, преобразовал нормативное регулирование в период пандемии COVID-19. Указанный подход к реализации экспериментальных правовых норм в условиях режима повышенной готовности позволяет установить в правовой природе экспериментального нормотворчества такую черту, как универсальность. Благодаря ей экспериментальное нормотворчество применимо в рамках не только специального (ординарного), но и особого (экстраординарного) правового режима. Однако отдельно стоит упомянуть, что такое регулирование общественных отношений может иметь значительную долю риска, поэтому требует постоянного мониторинга со стороны законодателя и возможности корректировки или прекращения его применения в случае выявления негативных последствий.

Заключение

Завершая рассмотрение данного вопроса, прежде всего хотелось бы отметить, что сопоставление экспериментального нормотворчества с особым (экстраординарным) правовым

режимом выявило их определенное сходство и существенные различия.

Среди аналогичных характеристик экспериментального нормотворчества и особого (экстраординарного) правового режима можно указать следующие:

1) отступление от обычного правового регулирования и применение исключительных правовых механизмов;

2) ограниченный временной период;

3) распространение не на всю территорию государства и не на всех субъектов;

4) ведущую роль государства.

Говоря о принципиальных различиях экспериментального нормотворчества и особого (экстраординарного) правового режима, необходимо обозначить:

1) абсолютно разные цели введения;

2) существенную разницу в основании введения;

3) то, что результаты реализации экспериментального нормотворчества могут быть признаны положительными и внедрены в практическую деятельность хозяйствующих субъектов. Особый (экстраординарный) правовой режим прекращается по достижении цели его введения.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) экспериментальное нормотворчество и особый (экстраординарный) правовой режим — два разных инструмента, которые могут соприкасаться для правового регулирования общественных отношений;

2) опыт реализации экспериментальных правовых норм в условиях правового режима повышенной готовности свидетельствует о том, что экспериментальное нормотворчество может быть достаточно эффективно адаптировано к экстраординарным обстоятельствам;

3) правовая природа экспериментального нормотворчества отличается универсальностью, позволяющей реализовывать его в условиях особого (экстраординарного) правового режима.

¹⁹ См.: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19.03.2020 № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5693.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андропова Т. А. О соотношении терминов «экспериментальный правовой режим» и «правовой эксперимент» // *Хозяйство и право*. 2025. № 6. С. 34–43.
- Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 23 с.
- Ершова И. В., Петраков А. Ю. Режим повышенной готовности в системе правовых режимов осуществления предпринимательской деятельности // *Lex russica* (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9. С. 9–20.
- Кванина В. В. Понятие и виды правовых режимов предпринимательской деятельности // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 424. С. 234–238.
- Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974. 184 с.
- Мохов А. А. Влияние санкционных режимов на цивилистический процесс // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 6. С. 33–39.
- Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самошенко. М. : Юридическая литература, 1988. 301 с.
- Правовые режимы экономической деятельности : монография / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2023. 280 с.
- Рязанова А. Р. Санкционный режим экономической деятельности: понятие и правовая природа // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022. № 12. С. 210.
- Тарасенко О. А. Формирование доктрины и законодательства о правовых режимах банковской деятельности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2021. Вып. 51. С. 105–132.

REFERENCES

- Andronova TA. On the relationship between the terms «experimental legal regime» and «legal experiment». *Economy and Law*. 2025;6:34-43. (In Russ.).
- Ershova IV (ed.). Legal regimes of economic activity. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Ershova IV, Petrakov AYU. The High Alert Regime in the System of Legal Regimes Used for the Implementation of Business Activities. *Lex russica*. 2020;73(9):9-20. (In Russ.).
- Kvanina VV. Concept and types of legal regimes of entrepreneurial activity. *Tomsk State University Journal of Law*. 2017;424:234-238. (In Russ.).
- Lazarev VV. Gaps in law and ways to eliminate them. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1974. (In Russ.).
- Mokhov AA. Influence of sanctions regimes on the civil process. *Herald of Civil Procedure*. 2016;6:33-39. (In Russ.).
- Nikitinsky VI, Samoshchenko IS (eds.). Legal experiment and improvement of legislation. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1988. (In Russ.).
- Ryazanova AR. The sanctions regime of economic activity: the concept and legal nature. *Courier of Kutafin University (MSAL)*. 2022;12:210. (In Russ.).
- Tarassenko OA. Formation of the Doctrine and Legislation on Legal Regimes of Banking. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2021;51:105-132. (In Russ.).
- Yeltsov VN. Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Tambov; 2009. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андропова Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, почетный работник сферы образования Российской Федерации, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
taandronova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana A. Andronova, Cand. Sci. (Law), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Associate Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
taandronova@msal.ru

Материал поступил в редакцию 3 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 3 мая 2026 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 03.03.2025.

Revised 03.05.2026.

Accepted 15.07.2026.

В. В. Гошуляк

Пензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация

Модель федерализма в обновленной Конституции Российской Федерации

Резюме. В статье представлена обновленная модель федеративного устройства России через призму поправок к Конституции РФ 2020 г. Автор на основе анализа новейшего российского законодательства и исторического пути российского федерализма доказывает, что в современных условиях либеральный подход к построению федеративного государства был преодолен и заменен консервативным. Россия превратилась из федерации децентрализованного типа в централизованную федерацию с сохранением конституционных основ федеративного устройства государства. Поправки к Конституции РФ в части федеративного устройства характеризуются консервативным началом. Это прослеживается и в предметах совместного ведения, и в законодательном разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, и в выравнивании правового статуса субъектов РФ с сохранением определенной асимметрии, и в укреплении вертикали власти через ее единую систему. Все эти изменения не превратили нашу страну в унитарное государство, а, наоборот, укрепили конституционные принципы федерализма с сохранением России как правового демократического государства.

Ключевые слова: федеративное устройство; федерализм; поправки к Конституции РФ 2020 г.; принцип субсидиарности; конституционные федерации; договорные федерации; Федеративный договор 1992 г.; либерализм; консерватизм; предметы ведения; единая система публичной власти; гражданское общество; федеральные территории; федеральное вмешательство

Для цитирования: Гошуляк В. В. Модель федерализма в обновленной Конституции Российской Федерации. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 46–55. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.046-055

The Model of Federalism in the Updated Constitution of the Russian Federation

Vitaliy V. Goshulyak

Penza State University
Penza, Russian Federation

Abstract. The paper provides for an updated model of the federal structure of Russia through the prism of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation. Based on an analysis of the latest Russian legislation and the historical path of development of Russian federalism, the author demonstrates that, under contemporary conditions, the liberal approach to the construction of a federal state has been superseded and replaced by a conservative approach. Russia has transformed from a decentralized federation into a centralized federation while preserving the constitutional foundations of the state's federal structure. The amendments to the Constitution of the Russian Federation with respect to the federal structure are characterized by a conservative orientation. This is evident in joint jurisdiction, in the legislative delimitation of powers between the federal center and the constituent entities of the Russian Federation, in the alignment of the legal status of the constituent entities while preserving their certain asymmetry, and in the strengthening of the «vertical of

power» through its unified system. None of these changes turned Russia into a unitary state; on the contrary, they strengthened the constitutional principles of federalism while preserving Russia as a legal democratic state.
Keywords: federal structure; federalism; amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020; principle of subsidiarity; constitutional federations; treaty-based federations; 1992 Treaty of Federation; liberalism; conservatism; jurisdiction; unified system of public authority; civil society; federal territories; federal intervention

Cite as: Goshulyak VV. The Model of Federalism in the Updated Constitution of the Russian Federation. *Lex russica*. 2026;79(8):46-55. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.046-055

Введение

В ходе масштабных изменений Конституции РФ 2020 г. в значительной степени была скорректирована российская модель федеративного устройства, которая в научной литературе была воспринята неоднозначно — от восторженных отзывов¹ до неприятия².

Такие крайние оценки российского федерализма связаны с теми дискуссиями, которые развернулись после принятия Конституции РФ 1993 г. Тогда исследователи обратили внимание на республики (государства), их суверенитет в составе России, симметричность и асимметричность статуса субъектов РФ, сложносоставные субъекты Федерации и т.п. В значительной степени с учетом многих решений Конституционного Суда РФ по этим вопросам данные дискуссии уже в прошлом. Но они продолжают оказывать влияние на формирование различных, порой крайних, оценок скорректированной в Конституции и конституционном законодательстве модели российского федерализма.

Основная часть

Федеративное устройство любого государства рождается как результат поиска компромисса между центральной властью и территориями, стремящимися к самоопределению, на основе принципа субсидиарности, который представляет собой «комплекс основополагающих руко-

водящих правил по распределению полномочий и гарантий их реализации, а также ответственности между вышестоящими и нижестоящими уровнями публичного управления, в соответствии с которыми обеспечивается наиболее эффективное и приближенное к населению решение вопросов в рамках сферы конкурирующей компетенции»³.

В современной научной литературе обосновывается позиция, согласно которой федерация — это государство, образованное путем добровольного соглашения входящих в него сторон⁴. Однако это определение, характерное для формирования федеративных государств снизу, не учитывает практики образования федераций конституционным путем сверху — через провозглашение ранее унитарного государства федеративным в конституции. Поэтому в данной дефиниции следует указать, что федеративное государство образовывается путем провозглашения его в конституции таковым либо путем добровольного соглашения сторон. И то и другое присутствует в мировой практике.

Необходимо иметь в виду и тот факт, что государство становится федеративным только в условиях демократии и подлинного народовластия, поскольку в федеративном государстве мы имеем дело с двумя уровнями публичной власти, избранной демократическим путем. Вследствие этого принципы демократии и федерализма являются неразрывно связанными или действующими на условиях «взаимного благоприятствования»⁵.

¹ Виноградов В. В. Порядок создания федеральных территорий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 6. С. 9.

² Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15.

³ Ирхин И. В. Принцип субсидиарности: в поисках баланса между централизацией и децентрализацией (государственно-правовой аспект) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 161.

⁴ Дзидзоев Р. М. Федерация как форма государственного устройства: конституционные иллюзии и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 51.

⁵ Шахов А. А. Федерализм и местное самоуправление: единство смыслов // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 3. С. 31.

Составные части федеративного государства являются не простыми административно-территориальными единицами, в которых реализуется воля центральной власти, а политико-территориальными единицами с собственными органами государственной власти, действующими «в симфонии» с федеральным центром на основе принципа субсидиарности. С учетом степени самостоятельности такие политико-территориальные единицы федерации делятся на централизованные и децентрализованные. Впрочем, здесь могут быть и некоторые нюансы, например выделение административных федераций и т.п.

В основе этого деления федеративных государств может лежать либеральный либо консервативный подход к формированию федеративных государств с учетом способа их образования — конституционного либо договорного. При преобладании либерального подхода составные части федеративного государства обладают максимальной степенью самостоятельности. В современной российской юридической науке поддерживается такая точка зрения с утверждением о том, что федерализм жизнеспособен лишь при этом условии⁶.

Нетрудно заметить, что максимальная степень самостоятельности субъектов характерна для федераций, образованных снизу договорным путем, при котором сами составные части федерации определяют предметы ведения и полномочия двух уровней государственной власти. Для конституционных федераций степень самостоятельности субъектов может быть ограничена, поскольку не субъекты наделяют полномочиями федеральный центр, а, наоборот, он определяет полномочия и, следовательно, степень самостоятельности субъектов. При этом если в момент принятия таких решений будет господствовать либеральный подход, то составные части федеративного государства будут обладать максимальной степенью самостоятельности. Если же возобладает консервативный подход, то мы будем иметь дело не с децентрализованной, а с централизованной федерацией. Впрочем, Российскую Федерацию

некоторые исследователи, не касаясь этой классификации, представляют «классической»⁷.

Для более глубокого понимания поставленных выше вопросов следует проследить, хотя бы в общих чертах, тенденции развития российского федерализма.

Главной причиной федерализации России после Октябрьской революции, на наш взгляд, стал ее распад на ряд самостоятельных частей, провозгласивших независимость, что заставило В. И. Ленина — активного сторонника унитарного централизованного государства — отказаться от этой идеи и стать на путь федерализации. Это в то время был единственный способ сохранения единства государства с учетом его многонационального характера. Так, по инициативе В. И. Ленина Россия была провозглашена федеративным государством сначала в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12.01.1918, а затем в Конституции РСФСР 1918 г.

Окончательно формирование советского российского федерализма завершилось принятием Конституции РСФСР 1937 г. и образованием в составе России автономных республик и автономных областей. Конституция РСФСР 1978 г. в числе субъектов федерации перечислила также автономные округа.

Российский федерализм советского периода был не похож на другие федерации мира. В нем принцип федерализма распространялся не на всю территорию России. Края и области продолжали оставаться частями унитарного государства. Разделение предметов ведения и полномочий между субъектами и федерацией не проводилось. Поэтому Россию в советское время можно считать только условно федеративным государством.

Распад СССР в 1991 г. стал отправной точкой новой российской государственности, включая федеративное устройство, которое в начале 1990-х гг. строилось на основе ценностей либерализма с предоставлением субъектам федерации максимальной степени самостоятельности⁸.

На смену принципу демократического централизма, характерного для советского феде-

⁶ Добрынин Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и дальнейшая эволюция муниципального управления в России: на пути от субсидиарности к «демократическому централизму»? // Государство и право. 2022. № 5. С. 33.

⁷ Югов А. А. Компетенция федеративного государства: анализ российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 50.

⁸ Колюшин Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8.

рализма и нашедшего выражение в обязательности решений вышестоящих государственных органов для нижестоящих, пришел принцип разделения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ. Изменился субъектный состав Федерации. В нее вошли республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа. Принцип федерализма был распространен на всю территорию России.

Становление российского федерализма проходило в сложных социально-экономических и политических условиях. В стране разразился острый экономический кризис, следствием которого стало стремление некоторых субъектов Федерации к суверенизации. Поэтому федеральный центр пошел по пути максимального предоставления самостоятельности субъектам Федерации. Результатом такого подхода стало заключение Федеративного договора 1992 г., состоящего из трех самостоятельных договоров с разными видами субъектов РФ.

Федеративный договор стал первым документом, который установил новые принципы российского федерализма с разграничением предметов ведения и полномочий между субъектами РФ и Российской Федерацией. Он внес определенную долю асимметричности в правовое положение субъектов РФ, связанную с суверенизацией республик, разным набором предметов ведения и полномочий для различных видов субъектов.

Федеративный договор не стал актом, учреждающим Российскую Федерацию по договорному принципу. Она продолжала оставаться конституционной федерацией. Не субъекты учредили Россию как федеративное государство, а Российская Федерация создала субъекты РФ. Поэтому переоценивать значение Федеративного договора, ставить его выше Конституции РФ, как это делалось в политических кругах некоторых республик, потерявших в Конституции РФ 1993 г. прилагательное «суверенные», не стоит.

Значение Федеративного договора, на наш взгляд, состоит в другом: он предотвратил центробежные тенденции, связанные с перераспределением полномочий в пользу регионов, сохранил территориальную целостность России как единого государства. Это был в то время

единственно возможный вариант с учетом процесса суверенизации бывших автономий. Однако по мере укрепления основ новой российской государственности и усиления федеральной власти либеральный подход в построении федеративных отношений впоследствии был заменен консервативным, и Россия постепенно стала превращаться из децентрализованной в централизованную федерацию.

Конституция РФ 1993 г. скорректировала асимметричную модель российского федерализма. По крайней мере, на конституционном уровне был декларирован принцип равноправия субъектов РФ независимо от их видов. Республики перестали быть суверенными. Предметы ведения и полномочия стали одинаковыми для всех субъектов РФ. Конституция провозгласила свое юридическое верховенство, в том числе и над Федеративным договором 1992 г., подтвердив тем самым существование в России конституционной федерации. Практика заключения отдельных договоров с субъектами РФ была свернута, а их конституции и уставы постепенно к началу XXI в. приводились в соответствие с Конституцией РФ.

В федеративных государствах, в отличие от унитарных, распределение власти осуществляется как по горизонтали (принцип разделения властей), так и по вертикали (разделение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти). Указанное разделение властей проводится с учетом конституционного принципа федерализма и характеризующих его других конституционных принципов, а именно: государственной целостности России; единства государственной власти; разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями государственной власти; равноправия и самоопределения народов России.

Проблема разграничения полномочий достаточно сложна. Ее разрешение возможно в случае учета следующих элементов: исключительные полномочия Федерации, субъектов Федерации; совместная или конкурирующая компетенция; остаточные полномочия, не охваченные этими направлениями⁹. Самую большую сложность в этом процессе составляет совместная или конкурирующая компетенция, поскольку Конституция РФ не разграничила, да и не могла разграничить в силу своей специфики как Основного закона предметы совместного

⁹ Гунич С. В., Нежинская К. С. Конституционные основы федеративного устройства Российского государства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 36–37.

ведения Российской Федерации и ее субъектов, а только наметила те сферы, которые подлежат разграничению¹⁰.

Сферы совместного ведения, подлежащие разграничению, в поправках к Конституции РФ 2020 г. были расширены или конкретизированы. Среди них появились сельское хозяйство, обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирование культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью, защита института брака как союза мужчины и женщины, создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Как видим, новые и конкретизированные предметы совместного ведения характеризуются консервативными началами.

Все эти сферы совместного ведения подлежат разграничению между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹¹ достаточно подробно определил полномочия органов государственной власти субъектов РФ в сферах совместного ведения, осуществляемые за счет средств субъектов РФ, включая и те сферы, которые были закреплены поправками к Конституции РФ. В общей сложности Закон определил 176 таких полномочий. Как видим, федеральный законодатель продолжает идти по пути законодательного разграничения полномочий в сферах совместного ведения, хотя вышеупомянутый Федеральный закон допускает проведение такого разграничения договорами и соглашениями, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ. Однако при издании этих нормативных правовых актов должно выполняться требование об установлении прав, обязанностей и ответственности органов государственной власти субъектов РФ, порядка и источников финансового обеспечения осуществления этих полномочий.

Следует при этом отметить, что даже при таком подходе приоритет отдается законодательному разграничению полномочий. Все остальные нормативные акты должны соответствовать указанному Федеральному закону, конкретизируя его положения.

Законодательное разграничение полномочий в сферах совместного ведения утверждает конституционный принцип равенства субъектов РФ независимо от их видов, хотя добиться полного равенства субъектов РФ в силу их географического положения, площади, народонаселения, развития социально-экономической сферы и т.п. не представляется возможным. В этом случае сохраняется определенная асимметрия субъектов РФ.

В основе разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ, как отмечается в научной литературе, должен лежать принцип субсидиарности. «Использование этого принципа в конституционном регулировании позволяет обеспечивать достижение Российской Федерацией и ее субъектами общих целей, максимально использовать потенциал Федерации и ее составных частей»¹².

Анализируемые поправки к Конституции РФ не приводят, да и не могут привести к процессу дефедерализации России. Они, наоборот, утверждают ее как федеративное государство. Институт совместного ведения федеральным центром регулируется вместе с субъектами РФ. Проекты федеральных законов в каждом предмете совместного ведения в обязательном порядке направляются для обсуждения в законодательные (представительные) органы субъектов РФ. Хотя следует признать: у федерального центра больше рычагов воздействия на такое законотворчество. И это имеет конституционные основания, поскольку в соответствии со ст. 71 Конституции РФ федеративное устройство находится в исключительном ведении Российской Федерации. Поэтому говорить об унитаризации территориального устройства, как это отмечается в отдельных научных работах, не приходится¹³. Все изменения в феде-

¹⁰ Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М., 2000. С. 69.

¹¹ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

¹² Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма: Инфра-М, 2020. С. 65.

¹³ Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 15.

ративном устройстве России направлены на укрепление территориальной целостности и суверенитета государства. Договорные начала федеративного устройства, характеризующие децентрализованные федерации, в современных исторических условиях и при усилении внешних угроз для России не востребованы.

Новеллой обновленной Конституции РФ стал закрепленный в ней принцип единства публичной власти. В статьи 67, 71, 83, 131 были включены термины «публичная власть» или «единая система публичной власти». Следует отметить, что в юридической науке эти словосочетания использовались на доктринальном уровне и до закрепления в Конституции РФ как «родовое обозначение» совокупности органов государственной и муниципальной власти¹⁴. Причиной, вызвавшей появление данных терминов в Конституции РФ, стала «недостаточная скоординированность в деятельности государственного и муниципального уровней власти»¹⁵.

К единой системе публичной власти в соответствии с Федеральным законом от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»¹⁶ относятся органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов РФ, иные государственные органы, органы местного самоуправления.

Закрепленная в Конституции РФ единая система публичной власти имеет прямое отношение к федеративному устройству Российской Федерации, поскольку вся государственная власть в нашей стране состоит из двух уровней — федерального и уровня субъектов РФ. Однако эти уровни власти действуют не изолированно друг от друга. Органы государственной власти субъектов РФ только сохраняют определенную автономию в предметах собственного ведения и компетенции субъектов РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов.

Отрицать централизм власти в федеративных государствах не приходится. Подчиненность органов государственной власти субъектов РФ органам государственной власти Российской Федерации диктуется необходи-

мостью соблюдения прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического и культурного развития страны, реализации других конституционных ценностей. Поэтому даже в федеративных государствах должна сохраняться вертикаль власти, иначе мы получим размытую федерацию и создадим условия в лучшем случае для преобразования ее в конфедерацию, а в худшем — для распада единого государства.

Именно такого развития событий ожидают страны объединенного Запада, стремящиеся нанести стратегическое поражение России. Отсюда стремление зарубежных авторов представить процесс укрепления вертикали власти в современной России как попытку ее централизации, характерную для авторитарного правления с единым правителем, принимающим окончательные решения¹⁷.

Единая система публичной власти в федеративном государстве имеет функциональное значение и призвана повысить эффективность управления всеми сферами жизнедеятельности общества и государства. На смену центробежным тенденциям конца XX — начала XXI в., при которых региональные власти стремились перераспределить государственные полномочия в свою пользу, пришли центростремительные тенденции, связанные с укреплением вертикали власти, которые никак нельзя связывать с дефедерализацией России. Они не превращают нашу страну в унитарное государство, а, наоборот, укрепляют конституционные принципы федерализма. Здесь, как мы видим, на смену либерализму в управлении пришел консерватизм. Россия при этом остается правовым демократическим государством с принципами верховенства права, разделения властей, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, законности, демократизма, народовластия. Всё это конституционные ценности, которые незыблемы и после поправок к Конституции РФ 2020 г.

Консервативные начала в обновленной Конституции РФ получило и гражданское общество. Этот термин впервые был закреплен на конституционном уровне: в ст. 114 в полномочиях Правительства РФ определяются принятие мер

¹⁴ Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19.

¹⁵ Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Указ. соч. С. 207.

¹⁶ СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8039.

¹⁷ Bondarenko A. Relations between the Center and the Regions and Neo-patrimonial Governance in Russia: the History of Two Regions // Russian politics. 2024. No. 3. P. 315–341.

по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечение их участия в выработке и проведении государственной политики, а в ст. 75.1 говорится о взаимном доверии общества и государства. Это свидетельствует о том, что единая система публичной власти не означает безграничности государственной власти во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Конституция РФ в этой связи определила надежный баланс свободы и власти на основе принципов правового демократического государства.

В самом же гражданском обществе были усилены консервативные начала с упором на традиционные ценности, характерные для России как государства-цивилизации. Здесь свойственная консерватизму идея сильного государства была увязана с духовно-нравственными основами, заложенными в гражданском обществе, которое само по себе становится весомым ограничителем для всевластия государства. Поэтому и с этих позиций нельзя укрепление вертикали государственной власти связывать с авторитаризмом, как это делается в отдельных научных работах, включая российских авторов.

Новеллой обновленной российской Конституции стала возможность в соответствии со ст. 67 создания на территории Российской Федерации на основе федерального закона федеральных территорий. Эта новелла неоднозначно была воспринята научным сообществом. При этом если одни исследователи увидели в федеральных территориях территории с особым статусом¹⁸, то другие — нарушение конституционного принципа равенства субъектов РФ и утверждение асимметричных начал в федеративном устройстве России¹⁹. Конституционный Суд РФ в заключении от 16.03.2020 подчеркнул, что анализируемая поправка к Конституции РФ «не предполагает возможности образования

федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации», и не может расцениваться как противоречащая статье 5 Конституции РФ, «исчерпывающим образом определяющей состав России как федеративного государства...»²⁰. Однако это решение не повлияло на развернувшуюся дискуссию, поскольку речь идет о новом типе публично-правового образования, да и законодательство о федеральных территориях, за исключением Федерального закона от 22.12.2020 «О федеральной территории “Сириус”»²¹, находится в зачаточном состоянии.

На наш взгляд, наличие федеральных территорий никак не влияет на конституционные принципы федеративного устройства России и взаимоотношения федерального центра с субъектами РФ. По существу, федеральные территории — это те же территории с особым статусом, которые существуют в нашей стране уже не одно десятилетие, но только выведенные из юрисдикции субъекта Федерации. Они не могут влиять на конституционно-правовой статус субъектов РФ, который на конституционном уровне является равным для всех субъектов независимо от их видов.

Неравенство и известную асимметричность в конституционно-правовом статусе субъектов РФ может создавать конституционная норма о возможности вхождения автономных округов в состав края (области). В настоящее время осталось только три автономных округа (Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский), которые находятся в составе Архангельской и Тюменской областей.

Идеальным для равного конституционно-правового статуса субъектов РФ и утверждения принципа их симметричности было бы исключение из Конституции нормы о сложносоставных субъектах Федерации. Однако поправками 2020 г. это не было предусмотрено, хотя зна-

¹⁸ Гриценко Е. В. Конституционная география России: как не заблудиться в лабиринтах особых режимов и статусов территорий? // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 3. С. 24.

¹⁹ Праскова С. В. К вопросу о преобразовании закрытых административно-территориальных образований в федеральные территории // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 40.

²⁰ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 56.

²¹ СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

чительная часть автономных округов до этого была присоединена к краям или областям. Кроме того, современная российская действительность имеет примеры неудачного объединения таких субъектов РФ. Так, в 1994 г. была предпринята попытка выхода Ненецкого автономного округа из состава Архангельской области, а в 2020 г. такая же неудачная попытка присоединения этого округа к Архангельской области²².

Нуждается также в закреплении на конституционном уровне институт федерального вмешательства в дела субъектов РФ, которые не исполняют федеральное законодательство, поддерживают сепаратизм, нарушают конституционный правопорядок. Включение этой нормы привносит элемент завершенности в конституционную модель федерализма в России. Правовая природа этого института заключается в создании особого правового режима для субъекта РФ с целью восстановления конституционного правопорядка в субъектах РФ, и он может рассматриваться в качестве меры конституционно-правовой ответственности²³.

Заключение

Таким образом, анализ поправок 2020 г. к Конституции РФ в части, касающейся федеративного устройства, показал, что данные поправки выражают консервативный подход к государственному устройству, усиливают вертикаль власти и принцип субсидиарности во взаимоотношениях федерального центра с субъектами Федерации, относят Россию к федерациям централизованного типа с сохранением основополагающих конституционных принципов российского федерализма.

Для российской Конституции в разные исторические периоды действовали различные подходы к федеративному устройству. После заключения Федеративного договора 1992 г. и принятия Конституции РФ преобладал либеральный подход, характерный для децентрализованных федераций, с предоставлением максимальной степени самостоятельности субъектам РФ. Он был вызван экономическим кризисом, стремлением субъектов Федерации к суверенизации, наличием центробежных тенденций, связанных с перераспределением полномочий в пользу субъектов. Этот подход сыграл на том раннем этапе современной российской государственности положительную роль в сохранении территориальной целостности и единства государства.

По мере развития новой российской государственности и усиления федеральной власти в новых исторических условиях либеральный подход к построению федеративных отношений был заменен консервативным, и Россия постепенно стала превращаться из децентрализованной в централизованную федерацию. Поправки к Конституции РФ в части федеративного устройства характеризуются консервативными началами. Это прослеживается и в предмете совместного ведения, и в законодательном разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, и в выравнивании правового статуса субъектов РФ с сохранением их определенной асимметрии, и в укреплении вертикали власти через ее единую систему. Все эти изменения не превратили нашу страну в унитарное государство, а, наоборот, укрепили конституционные принципы федерализма с сохранением России как правового демократического государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов В. В. Порядок создания федеральных территорий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 6. С. 9–11.

Гафурова Э. Э. К вопросу о конституционных основах советского федерализма и их преемственности в построении Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 5. С. 11–13.

Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. М. : Янус-К, 2000. 335 с.

²² Кравцова Е. А. Правовое положение сложносоставных субъектов Российской Федерации с точки зрения конституционного принципа равноправия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 36.

²³ Гафурова Э. Э. К вопросу о конституционных основах советского федерализма и их преемственности в построении Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 5. С. 13.

- Гриценко Е. В. Конституционная география России: как не заблудиться в лабиринтах особых режимов и статусов территорий? // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 3. С. 4–42.
- Гунич С. В., Нежинская К. С. Конституционные основы федеративного устройства Российского государства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 36–41.
- Дзидзоев Р. М. Федерация как форма государственного устройства: конституционные иллюзии и реальность // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 50–53.
- Добрынин Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и дальнейшая эволюция муниципального управления в России: на пути от субсидиарности к «демократическому централизму»? // Государство и право. 2022. № 5. С. 33–46.
- Ирхин И. В. Принцип субсидиарности: в поисках баланса между централизацией и децентрализацией (государственно-правовой аспект) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11. С. 160–171.
- Колюшин Е. И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8–14.
- Кондрашев А. А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15–25.
- Кравцова Е. А. Правовое положение сложносоставных субъектов Российской Федерации с точки зрения конституционного принципа равноправия // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 9. С. 35–38.
- Праскова С. В. К вопросу о преобразовании закрытых административно-территориальных образований в федеральные территории // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 40–65.
- Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : Инфра-М, 2020. 240 с.
- Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
- Шахов А. А. Федерализм и местное самоуправление: единство смыслов // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 3. С. 30–33.
- Югов А. А. Компетенция федеративного государства: анализ российского законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 46–53.
- Bondarenko A. Relations between the Center and the Regions and Neo-patrimonial Governance in Russia: the History of Two Regions // Russian politics. 2024. No. 3. P. 315–341.

REFERENCES

- Bondarenko A. Relations between the Center and the Regions and Neo-patrimonial Governance in Russia: the History of Two Regions. *Russian politics*. 2024;3:315-341.
- Chertkov AN. Public power: composition, unity and essence of interaction. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;10:19-23. (In Russ.).
- Dobrynin NM. Constitutional principle of the integrity of public power and further evolution of the municipal governance in Russia: on the way from subsidiarity towards «democratic centralism»? *State and Law*. 2022;5:33-46. (In Russ.).
- Dzidzoev RM. Federation as a form of state structure: constitutional illusions and reality. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;4:50-53. (In Russ.).
- Gafurov EE. On Constitutional Fundamentals of Soviet Federalism and Their Continuity in the Development of the Russian Federation. *State Power and Local Self-Government*. 2024;5:11-13. (In Russ.).
- Goshulyak VV. Theoretical and legal problems of the constitutional and statutory legislation of the constituent entities of the Russian Federation. Moscow: Janus-K Publ.; 2000. (In Russ.).
- Gritsenko EV. Constitutional Geography: How not to Get Lost in the Labyrinths of Special Regimes and Territorial Status? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie (Comparative Constitutional Review)*. 2024;3:4-42. (In Russ.).
- Gunich SV, Nezhinskaya KS. Constitutional foundations of the federal structure of the Russian state. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;4:36-41. (In Russ.).

Irkhin IV. Subsidiarity Principle: In Search of a Balance between Centralization and Decentralization (State Legal Aspect). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(11):160-171. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Klishas AA. Thematic commentary on the law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities». Moscow: Norma Publ.; 2020. (In Russ.).

Kolyushin EI. Values of truth in state (constitutional) law of Russia. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;2:8-14. (In Russ.).

Kondrashev AA. Trends in the constitutional development of Russia in the context of the constitutional reform of 2020. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;11:15-25. (In Russ.).

Kravtsova EA. The legal status of complex constituent entities of the Russian Federation from the point of view of the constitutional principle of equality. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;9:35-38. (In Russ.).

Praskova SV. To the question of conversion of closed administrative-territorial formations into federal territories. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*. 2023;20(4):40-65. (In Russ.). DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-4-40-65.

Shakhov AA. Federalism and local self-government: unity of meanings. *State Power and Local Self-Government*. 2024;3:30-33. (In Russ.).

Vinogradov VV. The Procedure for the Establishment of Federal Territories in the Russian Federation. *State Power and Local Self-Government*. 2022;6:9-11. (In Russ.).

Yugov AA. Competence of the federal state: analysis of Russian legislation. *Constitutional and Municipal Law*. 2020;6:46-53. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, директор Юридического института Пензенского государственного университета
д. 40, Красная ул., г. Пенза 440026, Российская Федерация
vvgoshulyak@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy V. Goshulyak, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Institute of Law,
Penza State University, Penza, Russian Federation
vvgoshulyak@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 6 мая 2025 г.

Статья получена после рецензирования 4 июня 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 06.05.2025.

Revised 04.06.2025.

Accepted 15.07.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.056-073

С. Ю. Поярков

Всероссийский научно-исследовательский институт
физико-технических и радиотехнических измерений
г. Солнечногорск, Московская область, Российская Федерация

Становление адаптивного конституционализма через призму текстов национальных конституций: типология моделей и сценарии трансформации

Резюме. В статье обоснована авторская концептуализация адаптивного конституционализма как современной модели правового регулирования, способной обеспечить устойчивость и динамичность конституционного порядка в условиях радикальных внешних и внутренних трансформаций. На базе сопоставительного анализа девяти современных конституций различных стран и правовых традиций разработана типология моделей адаптивного конституционализма: институционально гибкой, культурно-ценностной, политико-правовой переходной, судебной-интерпретативной и латентно адаптивной. Критерии разграничения этих моделей сведены к трем основным параметрам. Во-первых, это доминирующий источник адаптации: в одних странах адаптивность обеспечивается парламентом или конституционными комиссиями (законодатель), в других — конституционным судом (суд), в третьих — участием народа через референдум или учредительное собрание (народ). Во-вторых, это уровень институционализации изменений: механизмы адаптации встроены в саму конституционную ткань либо действуют как внешние по отношению к тексту. В-третьих, степень нормативной открытости текста: возможность гибкой интерпретации, широкие формулировки, ссылки на международное право, открытые ценностные декларации. Сценарный анализ позволил выявить четыре базовых направления развития конституционного порядка: эволюционное, реформаторское, трансформационное и гибридное. Каждый сценарий исследован с точки зрения внутренних ограничений, ресурсов устойчивости и политико-правовых рисков.

Ключевые слова: адаптивный конституционализм; гибкость конституции; институциональные механизмы; сценарный анализ; сравнительное правоведение; легитимность; конституционная идентичность; цифровая трансформация; модели правового обновления

Для цитирования: Поярков С. Ю. Становление адаптивного конституционализма через призму текстов национальных конституций: типология моделей и сценарии трансформации. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 56–73. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.056-073

The Emergence of Adaptive Constitutionalism through the Lens of National Constitutional Texts: A Typology of Models and Transformation Scenarios

Sergei Yu. Poyarkov

All-Russian Scientific Research Institute for Physical-Engineering and Radiotechnical Metrology
Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The paper substantiates the author's conceptualization of adaptive constitutionalism as a contemporary model of legal regulation capable of ensuring the stability and dynamism of the constitutional order under conditions of radical external and internal transformations. Based on a comparative analysis of nine modern constitutions from different countries and legal traditions, the study has developed a typology of models of adaptive constitutionalism. It includes the institutionally flexible model, the cultural-value model, the politico-legal transitional model, the judicial-interpretive model, and the latent adaptive model. The criteria distinguishing these models are reduced to three main parameters. First, this is the dominant source of adaptation — in some

© Поярков С. Ю., 2026

countries adaptability is ensured by parliament or constitutional commissions (the legislature), in others by the Constitutional Court (the judiciary), and in still others by public participation through referendum or a constituent assembly (the people). Second, this is the level of institutionalization of change: mechanisms of adaptation are either embedded in the constitutional *fabric* itself or function as mechanisms external to the text. Third, this is the degree of normative openness of the text: the possibility of flexible interpretation, broad formulations, references to international law, and open value declarations. Scenario analysis made it possible to identify four basic directions in the development of the constitutional order: evolutionary, reformist, transformational, and hybrid. Each of these scenarios is analyzed in terms of its internal constraints, resources of resilience, and politico-legal risks.

Keywords: adaptive constitutionalism; constitutional flexibility; institutional mechanisms; scenario analysis; comparative law; legitimacy; constitutional identity; digital transformation; models of legal renewal

Cite as: Poyarkov SYu. The Emergence of Adaptive Constitutionalism through the Lens of National Constitutional Texts: A Typology of Models and Transformation Scenarios. *Lex russica*. 2026;79(8):56-73. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.056-073

Введение

Современный этап развития конституционного права, ознаменованный ускоренной трансформацией институтов публичной власти и правовых систем, выявляет глубокие внутренние противоречия между традиционно закрепленными в текстах конституций основаниями государственности и меняющейся социальной, технологической и политической реальностью. Конституции, создававшиеся как акты стабильности, сегодня всё чаще сталкиваются с необходимостью адаптации к новым вызовам — от цифровой трансформации и изменения структуры политического участия до глобальных кризисов, затрагивающих устойчивость государств. В этой связи на передний план выходит идея адаптивного конституционализма как новой исследовательской и практической парадигмы, способной объяснить и направить процессы эволюции конституционного порядка без разрушения его легитимности и исторической преемственности.

Актуальность темы становления адаптивного конституционализма обусловлена как внутренними потребностями правовых систем, так и внешними вызовами, затрагивающими практически все конституционно организованные государства. С одной стороны, наблюдается исчерпанность потенциала классической модели либерального конституционализма, с

ее акцентом на стабильные институты и формальные гарантии, с другой — усиливается запрос на гибкие и чуткие к изменениям формы конституционного регулирования. В условиях, когда социальная ткань становится всё более сложной, а процессы глобализации и цифровизации подрывают традиционные формы политической организации, конституционный порядок требует принципиально новых подходов к своей нормативной структуре и функционированию.

На этом фоне в научной и правовой литературе всё чаще поднимается вопрос о пересмотре принципов и механизмов конституционной стабильности. Исследователи, такие как D. A. Strauss¹, R. Dixon², T. Ginsburg³, разрабатывая понятия «живая конституция», «эволюционный конституционализм», «адаптивная легитимность», подчеркивают необходимость учета динамики социальной среды в интерпретации и реформировании основных законов. В частности, речь идет о том, что адаптивный подход позволяет избежать институционального стопа и сохранить релевантность конституционного порядка в условиях перемен. Это положение находит отклик и в отечественной науке, где на рубеже 2010–2020-х гг. усилилось внимание к гибкости конституционно-правовых институтов (см. работы Н. С. Бондаря⁴, Р. А. Ромашова⁵, В. А. Смирнова⁶, Т. Я. Хабриевой⁷ и др.).

¹ Strauss D. A. The Living Constitution. Oxford University Press, 2010.

² Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // Modern Law Review. 2024. Vol. 87 (4). P. 799–832.

³ Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago : University of Chicago Press, 2018.

⁴ Бондарь Н. С., Берлявский Л. Г. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 4. С. 46–59.

⁵ Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 22–26.

В то же время, несмотря на растущий интерес к теме, категория адаптивного конституционализма до сих пор не получила системного теоретического оформления. Преобладают дискуссионные и фрагментарные подходы, ориентированные либо на отдельные аспекты трансформации (например, конституционные реформы или судебную интерпретацию), либо на обобщения, не опирающиеся на компаративный эмпирический материал. На практике это приводит к тому, что обсуждение адаптивности сводится к оценке частных случаев пересмотра конституций, без анализа того, какие структурные элементы текстов позволяют системам быть гибкими, но не разрушительными для собственной легитимности. Между тем именно структура, процедурность и участие формируют основу адаптивного конституционного дизайна, способного противостоять как эрозии институтов, так и чрезмерной радикализации.

Таким образом, в исследовании предпринимается попытка преодолеть имеющийся теоретический разрыв между концептуальным уровнем дискуссии об адаптивности и ее институциональными проявлениями в текстах действующих конституций. Основная цель работы — выявить признаки становления адаптивного конституционализма на основе сравнительного анализа национальных конституций девяти государств, представляющих разные правовые системы, политические режимы и региональные традиции. Такой подход позволит не только зафиксировать наличие адаптивных черт, но и выстроить типологию моделей, в рамках которых реализуется тот или иной вариант «живого» конституционного порядка.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и системном подходе к изучению адаптивности как юридически значимого свойства конституции, проявляющегося не только в механизмах пересмотра или динамике судебной практики, но и в самом тексте, его логике, процедурной структуре, встроенных институтах и методах обратной связи с обществом. Предлагаемое исследование опирается на междисциплинарную методологию, сочетающую элементы структурно-функционального анализа, формально-юридического подхода (при анализе норм конституций), компаративного метода (сравнение разных пра-

вовых систем), а также кейс-метода (рассмотрение конкретных национальных примеров с акцентом на их уникальные черты). Особое внимание уделяется принципу институциональной чувствительности, позволяющему понять, насколько определенная конституция способна реагировать на изменения внешней среды, не теряя при этом своей правовой сущности. В этой связи исследование ориентировано не столько на оценку соответствия формальных норм некоему идеалу, сколько на выявление скрытых механизмов адаптации, встроенных в текст, структуру и дух конституции.

Таким образом, статья стремится соединить теоретическую глубину и доктринальную строгость с эмпирическим богатством сравнительно-правового анализа, предлагая системное понимание адаптивного конституционализма как новой фазы в развитии правового государства. В условиях, когда перед конституциями стоят задачи не просто сохранения, но и обновления легитимности, поиск таких моделей, которые обеспечивают устойчивость через гибкость, становится не только научной, но и практической необходимостью.

Теоретико-правовые основы адаптивного конституционализма

Формирование представлений об адаптивном конституционализме как о самостоятельной концепции в системе современного конституционного права представляет собой важный этап в развитии юридической мысли, когда трансформационные процессы рассматриваются не как исключение из нормы, а как естественное и даже необходимое условие поддержания жизнеспособности основного закона. Истоки идеи адаптивности в праве восходят к классическим представлениям о природе конституции как акта особого рода, заключающего в себе как нормативную жесткость, так и потенциальную изменяемость. Однако на протяжении значительного периода в правовой науке господствовала парадигма нормативного конституционализма, трактующего конституцию прежде всего как фиксированную систему высших правовых норм, устойчивых во времени и призванных противостоять произвольным изме-

⁶ Смирнов В. А. Теория «живой конституции» в современном конституционализме // Современное право. 2022. № 2. С. 98–107.

⁷ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука РАН, 2016.

нениям. Такой подход, основанный на идее стабильности и сопротивления изменениям, особенно ярко проявлялся в немецкой доктрине *Verfassungsstaat* и американской концепции оригинализма, где акцент делался на первоначальном смысле текста как главном ориентире для его применения и интерпретации.

Тем не менее начиная с конца XX в. и особенно в первой четверти XXI в. всё активнее формируется эволюционная модель конституционализма, где адаптация к социальным, экономическим и политическим изменениям рассматривается не как угроза, а как проявление зрелости конституционной системы. В рамках этой модели подчеркивается: конституция не может быть лишь закрытым текстом, застывшим в момент своего принятия, но должна быть восприимчивой к внутренним и внешним вызовам, сохраняя при этом ядро своей юридической идентичности. В науке подобный поворот в мышлении проявился в работах ряда авторов, которые исследуют эволюционный путь развития конституций через судебные интерпретации и социальные механизмы. Они показывают, что качество и эффективность конституции меняются со временем: одни нормы угасают, другие становятся более зрелыми. Такой подход раскрывает природу адаптивности основного закона как признака жизненного цикла зрелой системы⁸. При этом Н. Brunkhorst, анализируя эволюцию конституционного права, указывает на его реакцию на глобальные и региональные кризисы начала XXI в. Он отмечает, что адаптация в условиях кризиса становится нормальным и зрелым проявлением развития конституционной системы⁹. Аналогичные идеи развивает и J. Elster, который вводит в оборот концепт «разумный институциональный дизайн», в основе которого лежит идея адаптивности как залога эффективности и устойчивости правовых институтов в долгосрочной перспективе¹⁰.

Юридическая категория адаптивности предполагает более четкое отграничение от смежных понятий, таких как «гибкость», «устойчи-

вость», «изменяемость» и «пластичность». «Гибкость» в данном контексте следует понимать как способность правовой системы или ее отдельных институтов варьироваться в рамках установленных процедур без разрушения системы. Устойчивость же, напротив, предполагает сопротивляемость быстрым изменениям и ориентирована на воспроизводство существующего порядка. Адаптивность объединяет эти начала, представляя собой способность не просто к изменению, но к такому, которое усиливает целостность, функциональность и легитимность системы. Это свойство предполагает, во-первых, наличие процедурной базы, допускающей переосмысление норм и институтов, и, во-вторых, политико-правовую культуру, признающую необходимость перемен как часть естественного жизненного цикла конституционного порядка. В этом смысле адаптивность выступает не как оппозиция устойчивости, а как ее структурное продолжение, обеспечивающее долговечность через эволюцию.

Основные признаки адаптивного конституционализма, выявленные в ходе изучения правовых систем различных государств и обсуждений в академической литературе, могут быть сгруппированы в несколько функциональных блоков.

Во-первых, адаптивность проявляется в процедурности и открытости конституционного процесса. Речь идет не просто о формальной возможности изменения текста, но о наличии институциональных каналов, обеспечивающих участие различных социальных групп, экспертного сообщества и иных субъектов в обсуждении и подготовке изменений. Эта особенность находит выражение, например, в Конституции Южно-Африканской Республики 1996 г.¹¹, где процедура поправок детализирована таким образом, чтобы обеспечить не только юридическую, но и общественную легитимацию изменений.

Во-вторых, ключевым элементом адаптивности является институциональная восприимчи-

⁸ Elkins Z., Ginsburg T. G., Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

⁹ Brunkhorst H. Constitutional Evolution in the Crisis of the Early Twenty-First Century // Social Research: An International Quarterly. 2014. Vol. 81 (3). P. 519–539.

¹⁰ Elster J. The Optimal Design of a Constitution-making Process // La sagesse collective: principes et mécanismes : colloque / Collège de France. 22.05.2008. URL: <https://www.college-de-france.fr/fr/agenda/colloque/la-sagesse-collective-principes-et-mecanismes/the-optimal-design-of-constitution-making-process> (дата обращения: 27.07.2025).

¹¹ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6455> (дата обращения: 27.07.2025).

вость к изменениям, заключающаяся в способности органов публичной власти, прежде всего парламента и суда, не только реагировать на вызовы, но и делать это в рамках правовой процедуры, не нарушая основ конституционного строя. Ярким примером здесь служит деятельность Верховного суда Индии, сформировавшего концепцию базовой структуры Конституции, с помощью которой одновременно охраняется ее фундамент и допускаются модернизационные изменения через судебную интерпретацию (например, в решении по делу *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* (1973)¹² Суд утвердил принцип: Конституцию можно изменять, но нельзя нарушить ее базовую структуру (*basic structure*) — таким образом защищается фундаментальное ядро без отказа от модернизации).

Третьим, не менее важным, признаком является правовая динамичность при сохранении идентичности. Это означает, что адаптация должна быть направлена не на разрушение, а на обновление основ в новых условиях. Такая динамика реализуется, например, через механизмы постоянной ревизии конституционного законодательства, создание временных комиссий по конституционной реформе (как в Чили), разработку специальных правовых доктрин, ориентированных на защиту конституционной целостности. При этом адаптация допускает разную скорость — от медленной настройки до резкой трансформации, как это происходило, например, в Германии в послевоенный период или в Бразилии после падения военной диктатуры.

Четвертым важным элементом адаптивного конституционализма являются горизонтальность и участие. В условиях кризиса представительной демократии традиционные вертикаль-

ные модели управления всё чаще оказываются недостаточными для легитимации изменений. Конституции XXI в., как справедливо отмечает В. Аскерман, должны предусматривать формы прямого и консультативного участия граждан в принятии решений, в том числе в сфере конституционного нормотворчества¹³. Так, в ряде государств (например, в Исландии, Ирландии, Чили) были предприняты попытки разработки новых конституций или реформ существующих с привлечением широкой общественности через конституционные собрания, онлайн-консультации и народные голосования¹⁴.

Наконец, адаптивный конституционализм предполагает наличие баланса между стабильностью и обновлением. Это, пожалуй, самая сложная и чувствительная грань адаптивности, поскольку любое изменение основного закона потенциально содержит риск утраты им легитимности. В связи с этим важнейшим элементом становится встроенность механизмов саморефлексии, таких как обязательная юридическая оценка реформ, институционализированные процедуры общественного контроля за изменениями, гибкие нормы, допускающие эволюционное развитие прав без внесения формальных поправок. Такого рода механизмы можно наблюдать, например, в практике Конституционного совета Франции, последовательно развивающего правовую доктрину без изменения текста Конституции 1958 г.¹⁵

Связь адаптивного конституционализма с категорией конституционной идентичности особенно важна в контексте современных вызовов суверенитету, культурной самобытности и плюрализму. «Конституционная идентичность» — понятие, активно обсуждаемое в правовой науке (D. Grimm¹⁶, В. И. Крусс¹⁷, В. И. Пав-

¹² *Raikwal S., Sahai A.* The evolution of the basic structure doctrine through landmark judgments // URL: <https://ijalr.in/volume-5-issue-3/the-evolution-of-the-basic-structure-doctrine-through-landmark-judgments-siddharth-raikwal-dr-anumeha-sahai/> (дата обращения: 27.07.2025).

¹³ *Ackerman B.* We the People: Transformations. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000.

¹⁴ *Popescu D., Loveland M.* Judging Deliberation: An Assessment of the Crowdsourced Icelandic Constitutional Project // *Journal of Deliberative Democracy*. 2022. Vol. 18 (1) ; *García J. F.* A failed but useful constitution-making process: How Bachelet's process contributed to constitution-making in Chile // *Global Constitutionalism*. 2024. Vol. 13 (1). P. 239–249.

¹⁵ URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

¹⁶ *Grimm D.* Three Meanings of Constitutional Identity and Their Prospects in the European Union // *European Yearbook of Constitutional Law 2022: A Constitutional Identity for the EU?* Springer, 2023. P. 13–24.

¹⁷ *Крусс В. И.* Конституционная идентичность России: актуальность и целеполагание // *Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения*, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 571–573.

лов¹⁸ и др.), — включает в себя те ценности и принципы, которые государство признает неотъемлемыми и не подлежащими отмене даже в условиях реформ. В этом смысле адаптивность должна действовать в пределах конституционной идентичности, не разрушая ее, но обновляя средства ее выражения. Особенно ярко это проявляется в государствах, стремящихся сочетать универсальные ценности с национальными традициями, таких как Япония, Индия, Южная Корея. Более того, в условиях юридического плюрализма, когда конституционное право взаимодействует с обычным правом, религиозными нормами, международными стандартами и региональными актами, адаптивность оказывается инструментом согласования различных правовых порядков, позволяющим обеспечивать непрерывность правового развития и при этом учитывать сложность правовой картины современного мира.

Таким образом, адаптивный конституционализм предстает как система принципов и механизмов, направленных на обеспечение устойчивого, но гибкого функционирования основного закона в условиях непрерывно изменяющейся среды. Это не просто теория о возможности изменений, но юридически оформленная парадигма, задающая новые рамки для трактовки самого понятия «конституция» — не как монументального текста, но как живого правового организма, способного не только выживать, но и развиваться, не теряя своей сущности.

Критерии отбора и обоснование выборки конституций

Выбор государств для проведения сравнительно-правового анализа текстов конституций с целью выявления признаков адаптивного конституционализма требует не столько механического перечисления государств с разными формами правления или уровнями экономического развития, сколько методологически обоснованного подхода, позволяющего охватить максимальный спектр юридических, институциональных и культурно-цивилизационных контекстов. Такой подход должен учитывать несколько ключевых параметров: региональную принадлежность, тип правовой системы, осо-

бенности политического режима, историческую траекторию конституционного развития, а также степень участия общества в процессе конституционного реформирования. В совокупности эти факторы позволяют выделить конституционные системы, обладающие потенциальной исследовательской значимостью как в эмпирическом, так и в концептуальном аспектах.

Первым критерием отбора государств в данном исследовании выступает региональное и цивилизационное разнообразие. Это обусловлено необходимостью выявления универсальных и уникальных черт адаптивного конституционализма, проявляющихся в различных историко-культурных условиях. Так, анализ конституций государств Латинской Америки, Европы, Азии и Африки позволяет проследить, каким образом идея адаптации реализуется в обществах с различными моделями взаимодействия власти и социума, с разной степенью зрелости правовых институтов, с различными источниками легитимности. Это особенно важно, если исходить из понимания конституции не как сугубо правового документа, а как выражения общественного договора, в котором закрепляются не только нормы, но и глубинные социальные ожидания, правовые архетипы, политические традиции и идентичности.

Вторым критерием выбора является тип правовой системы — континентальная, англосаксонская, смешанная или иная форма. Это обусловлено тем, что адаптивность может проявляться по-разному в системах с преобладанием прецедентного права (например, в Канаде), с доминированием писаного закона (Германия, Япония) или в государствах с правовым дуализмом (например, Южно-Африканская Республика, где сосуществуют общее право и элементы традиционного африканского права). Сравнение этих моделей позволяет выявить, какие механизмы — судебные, законодательные, культурные — преобладают в обеспечении адаптивной функции конституции и как они соотносятся с текстом основного закона.

Третьим важным фактором являются политико-правовой режим и стадия развития конституционного порядка. Отобраны как устойчивые демократии с давними конституционными традициями (Германия, Швеция, Канада), так и государства, прошедшие через острые социально-политические трансформации (Южно-

¹⁸ Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 36–42.

Африканская Республика, Бразилия, Чили), в которых конституция выступала не только как юридический акт, но и как инструмент национального примирения, социального обновления и переосмысления основ государственного бытия. Эти кейсы представляют особый интерес в контексте изучения адаптивности, поскольку демонстрируют, как механизмами адаптации могут становиться не только формальные процедуры пересмотра, но и сама логика политического перехода, встраиваемая в конституционную сферу.

С учетом вышеизложенного в качестве предмета изучения были выбраны следующие девять государств: Канада, Германия, Южно-Африканская Республика, Индия, Бразилия, Швеция, Япония, Чили (в процессе реформы) и Южная Корея. Каждое из них представляет собой уникальный случай, позволяющий проследить особенности адаптивного конституционализма в конкретных институциональных, правовых и культурных условиях.

Канада вошла в выборку как представитель государств англосаксонской правовой семьи, обладающий нетипичной для данной традиции писаной конституцией, включающей в себя Конституционный акт (Constitution Act) 1867 г. (ранее — Британский Североамериканский акт), Конституционный акт 1982 г. и Канадскую хартию прав и свобод. Особый интерес представляет механизм федеративной адаптации в условиях многоуровневой идентичности, вбирающей англоязычные и франкоязычные сообщества, а также коренные народы. Канада — пример адаптивного федерализма, в котором механизм асимметричной автономии служит инструментом сохранения единства при высокой степени регионального разнообразия¹⁹.

Германия включается в выборку как представитель континентальной правовой традиции, обладающий жесткой и одновременно гибкой конституцией (Основной закон (Grundgesetz) 1949 г.)²⁰, признанной одной из самых стабильных в Европе. Особый интерес представляет

система «вечных положений» (абз. 3 ст. 79), одновременно задающих жесткие границы и позволяющих адаптацию внутри этих границ. Федерализм, система конституционного контроля и нормативная культура Германии дают возможность проследить, как адаптивность реализуется при высокой институциональной ригидности, не разрушая фундаментальных основ правопорядка.

Южно-Африканская Республика представляет уникальный пример постконфликтной Конституции, разработанной в рамках переходного правосудия. Особенность южноафриканской модели заключается в концептуальной открытости к изменениям и включенности в текст механизмов, способствующих инклюзивному принятию решений. Участие широкого круга акторов — от парламентских комиссий до гражданского общества — делает южноафриканскую Конституцию интересным примером «участвующего конституционализма» (participatory constitutionalism), развиваемого в работах T. Roux²¹ и D. Davis²².

Индия, обладая одной из самых объемных и динамично развивающихся конституций в мире (принята в 1950 г.), демонстрирует мощный судебный вектор адаптации, осуществляемый через доктрину базовой структуры и многочисленные конституционные поправки (на сегодняшний день более 100). Здесь адаптивность реализуется в контексте правового плюрализма, многоязычия и религиозного многообразия, что делает индийскую модель особенно интересной с точки зрения институционального согласования разнообразных правовых и социальных реальностей²³.

Бразилия входит в перечень как страна с богатым опытом демократического возрождения и высокой степенью социально-экономического расслоения, отраженного в тексте Конституции 1988 г.²⁴ Сформированная в условиях выхода из военного режима, она изначально задумывалась как инструмент социальной адаптации и включения ранее исключенных групп. Именно

¹⁹ Macfarlane E. Governing from the Bench: The Supreme Court of Canada and the Judicial Role. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2012.

²⁰ URL: <https://www.verfassungen.de/gg49-i.htm> (дата обращения: 27.07.2025).

²¹ Roux T. Transformative Constitutionalism and the best interpretation of the South African Constitution: distinction without a difference? // Stellenbosch Law Review. 2009. Vol. 20 (2). P. 258–285.

²² Davis D. Transformative Constitutionalism and the Common and Customary Law // South African Journal on Human Rights. 2010. Vol. 26 (3). P. 403–509.

²³ Austin G. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Oxford University Press, 2000.

²⁴ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11795> (дата обращения: 27.07.2025).

Бразилия показывает, как социальные права и механизмы их реализации могут служить средствами конституционной адаптации в условиях неравенства и нестабильности.

Швеция, несмотря на отсутствие классической писаной конституции в виде единого текста, представляет интерес благодаря системной реформе основного закона, завершившейся в 1974 г.²⁵, и последующим корректировкам. Ее модель, отличающаяся высокой процедурной гибкостью и политической ответственностью, представляет собой пример «мягкой адаптивности», реализуемой через согласие политических элит и юридическое самоконтролирование.

Конституция Японии 1947 г. (так называемая Конституция мира)²⁶ остается неизменной более 75 лет и являет собой уникальный пример латентной адаптивности: изменения происходят не на уровне формального текста, а в интерпретации и правовой практике. Это особенно видно в вопросах, касающихся обороны, участия в международных миссиях и толкования ст. 9. Модель Японии позволяет анализировать, как судебная и административная практика может выполнять адаптивную функцию в условиях политической и культурной приверженности текстуальной стабильности.

Чили включено в выборку как наиболее яркий пример «живого» конституционного процесса. После протестов 2019 г. государство инициировало широкую общественную дискуссию о необходимости принятия новой конституции²⁷. Несмотря на сложный и неоднозначный процесс, Чили иллюстрирует, как адаптивность может принимать форму конституционного перезапуска в рамках демократической процедуры, основанной на участии и консенсусе.

Южная Корея представляет собой синтез модернизации и традиции. Конституция 1987 г.²⁸ была результатом массового движения за демократию и сохраняет высокую восприимчивость к цифровым, международным и социальным вызовам. Особый интерес вызывают институты парламентского контроля, цифровой демократии и судебной защиты прав, встраиваемые в конституционный ландшафт страны на фоне быстро меняющейся технологической среды.

Таким образом, совокупность выбранных государств не только обеспечивает региональную и правовую репрезентативность, но и демонстрирует широкий спектр способов реализации адаптивности в конституционных текстах и практике. Такой подход позволяет перейти от формального сравнения к содержательному выявлению моделей адаптивного конституционализма, а также прогнозированию возможных сценариев эволюции конституционного порядка в разных частях мира.

Анализ текстов национальных конституций через призму адаптивности

Продолжая сопоставительный анализ национальных конституций через призму адаптивного конституционализма, необходимо акцентировать внимание на содержательных и процедурных элементах, которые свидетельствуют о степени открытости конституционного текста и правовой системы к изменениям. Под адаптивными механизмами понимаются не только формальные процедуры пересмотра конституции, но и — шире — совокупность норм и институтов, способных отвечать на новые вызовы, обеспечивая при этом сохранение легитимности и устойчивости конституционного порядка. При этом важно различать адаптивность как потенциальную возможность (заложенную в тексте или структуре системы) и как реализованную практику, что требует ссылки на конкретные статьи конституций и сопоставления их с фактической конституционной динамикой.

В Канаде адаптивность проявляется в двойственном характере конституционного текста: он сочетает элементы писаного и неписаного права, что придает гибкость системе. Конституционный акт 1982 г.²⁹ содержит сложную процедуру пересмотра (ст. 38–49). Так, по общему правилу (ст. 38) для внесения поправок необходимо согласие 2/3 провинций, представляющих не менее 50 % населения, что свидетельствует о стремлении сохранить федеративное равновесие. Однако существуют и особые процедуры: например, согласно ст. 43 изменения, касающиеся отдельных провинций, могут

²⁵ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16262> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁶ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2637> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁷ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21145> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁸ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7145> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁹ URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=47> (дата обращения: 27.07.2025).

вноситься с согласия лишь затронутых субъектов. Эта децентрализованная модель пересмотра фактически обеспечивает возможность асимметричной адаптации — важного признака федерализма нового типа. Кроме того, Канадскую хартию прав и свобод (ч. I Конституционного акта 1982 г.) отличает сочетание гибкости и охраны прав: статья 1 прямо предусматривает возможность ограничения прав, если такие ограничения обоснованы в демократическом обществе, а статья 33 (так называемая *notwithstanding clause*) дает право федеральному парламенту или провинциям временно приостанавливать действие отдельных положений Хартии. Эти нормы позволяют реагировать на критические вызовы без разрушения структуры правовой системы, что делает Канаду типичным примером «адаптивного конституционного плюрализма»³⁰.

Конституция Южно-Африканской Республики представляет собой классический образец адаптивного перехода, как результат трансформации правового порядка и как средство преодоления постапартеидного наследия. Уже в преамбуле закреплён трансформационный пафос: «положить конец разделению и несправедливости прошлого». Процедура изменения Конституции подробно прописана в ст. 74: общим требованием являются большинство в 2/3 в Национальной ассамблее и 6 из 9 провинциальных делегаций в Национальном совете провинций, однако отдельные положения требуют квалифицированного большинства в 75 %. Эта процедура дополняется нормами о широком участии общественности (ст. 59 и п. 1 ст. 72), закрепляющими обязанность законодательных органов обеспечивать вовлеченность народа в парламентские процессы. Кроме того, в ст. 181 перечислены независимые институты, предназначенные для укрепления конституционной демократии: Комиссия по правам человека, Комиссия по вопросам равенства. Эти органы функционируют как каналы адаптации: через них осуществляется мониторинг соответствия политики конституционным ценностям. Особый интерес представляет статья 39, предписывающая судам при интерпретации Билля о правах учитывать международное право и, может, сравнительное конституционное право. Это превращает конституционный текст в динамическую структуру, открытую к глобальному

правовому полю, что принципиально важно в условиях глобализации.

Конституция Индии³¹, вступившая в силу 26 января 1950 г., демонстрирует уникальное сочетание формальной подвижности и глубинной правовой преемственности. Процедура пересмотра изложена в статье 368, предусматривающей три типа поправок — от простого большинства до квалифицированного, с участием штатов. Однако именно судебная практика стала главным инструментом адаптации. Так, в решении по делу *Kesavananda Bharati v. State of Kerala* Верховный суд сформулировал доктрину базовой структуры, согласно которой ни один орган, включая парламент, не может изменять фундаментальные принципы Конституции, такие как суверенитет, демократия, светский характер государства, верховенство закона. Эта концепция, не закреплённая в тексте, стала краеугольным камнем индийского конституционализма, отражая глубинную юридическую адаптивность в сочетании с охраной конституционной идентичности. Статья 21 Конституции, гарантирующая «право на жизнь и личную свободу», интерпретируется столь широко, что охватывает уже более десятка социальных и экологических прав — от права на чистую окружающую среду до права на достойную смерть. Таким образом, именно активная интерпретация становится ключевым каналом включения новых прав и норм, превращая Конституцию Индии в «живой» текст, находящийся в непрерывном диалоге с обществом.

Швеция представляет собой исключительный случай, когда адаптивность реализуется не столько через текст, сколько через правовую культуру и институциональные традиции. Основной закон состоит из четырех актов, прежде всего Акта о форме правления 1974 г. (*Regeringsformen*). Согласно ему процедура пересмотра конституции в Швеции действительно требует двух решений Риксдага с промежуточными всеобщими выборами между ними. Это положение содержится в § 18 гл. 8: поправки требуют принятия двумя парламентскими созовыми с промежуточными выборами. Однако именно высокая степень консенсуса среди политических сил и доверие к парламентским институтам создают среду, в которой адаптация осуществляется мягко и без кризисов. В конституцию включены нормы, открытые к интерпре-

³⁰ Hogg P. W. *Constitutional Law of Canada* : 2024 Student Edition. The Carswell Company Ltd., 2024.

³¹ URL: <https://legalns.com/download/books/cons/india.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

тации, например параграф 2 гл. 1 Акта о форме правления, провозглашающий человеческое достоинство, свободу и равенство как ценностные основания права, что позволяет развивать новые правовые категории без изменения текста. Дополнительной чертой шведской модели является институциональная прозрачность: право на свободу получения информации как конституционно защищенное, обеспечивающее участие граждан в контроле за государством в основном закреплено в Акте о свободе печати (Tryckfrihetsförordningen), который является одной из четырех частей конституции. Параграф 1 гл. 2 Акта о форме правления (которая касается основных свобод и прав) устанавливает свободу выражения мнений и свободу информации. Эти нормы служат своего рода правовым барометром общественных изменений.

В случае с Южной Кореей Конституция устанавливает относительно жесткую процедуру пересмотра: согласно ст. 130 поправки требуют одобрения в Национальном собрании квалифицированным большинством (2/3) и последующего всенародного референдума. Однако значимую роль в адаптивности играет Конституционный суд (ст. 111), обладающий полномочиями как по абстрактному, так и по конкретному нормоконтролю. Именно он стал источником правовой модернизации, включая в сферу защиты такие феномены, как цифровые права, права меньшинств, вопросы кибербезопасности. Так, в решении от 23.08.2012 2010Hun-Ма47³² Суд признал неконституционным обязательство регистрировать реальные имена пользователей в Интернете, тем самым заложив основы цифрового права на анонимность. Кроме того, в ст. 10 Конституции закреплено право на человеческое достоинство, стремление к счастью и развитие личности, которое суд систематически наполняет конкретным содержанием в духе современных вызовов.

В Бразилии Конституция также является предметом активной адаптации, прежде всего в социальной и экологической плоскостях. Статья 6 включает в число основных социальных прав доступ к образованию, здравоохранению, труду, жилью, транспорту, продовольствию и окружающей среде. Особого внимания заслуживает статья 225, провозглашающая право на экологически сбалансированную окружающую среду как фундаментальное. Кроме того,

Федеральный верховный суд (Supremo Tribunal Federal), несмотря на отсутствие формального статуса отдельного конституционного органа, активно развивает правовые доктрины, направленные на защиту уязвимых групп и институциональную стабильность. Бразильская модель фактически демонстрирует «содержательную адаптивность» — способность помещать в сферу конституционной защиты актуальные социальные проблемы.

Япония представляет собой парадоксальный случай: Конституция ни разу не подвергалась формальным изменениям. Согласно ст. 96 для внесения поправок требуются квалифицированное большинство в обеих палатах парламента и одобрение на референдуме. Однако, несмотря на такую жесткость, Конституция фактически адаптировалась через судебную и исполнительную практику. Особенно показательно это в отношении статьи 9, запрещающей ведение войны и содержание вооруженных сил: интерпретация ее положений позволила Японии создать Силы самообороны, а в последние годы — расширить их полномочия. Это пример «интерпретативной адаптивности», где реальное содержание конституционных норм меняется без коррекции текста, что порождает двойственное восприятие легитимности как со стороны международного сообщества, так и внутри страны.

Чили представляет редкий случай «процедурной перезагрузки» конституционного порядка. Конституция 1980 г., несмотря на многочисленные поправки, оставалась символом авторитарного прошлого, что вызывало общественное недоверие. В 2019–2020 гг. был запущен процесс принятия новой конституции с участием Конституционного собрания, избранного на основе паритета полов и с включением представителей коренных народов. Несмотря на то что первая версия проекта была отвергнута на референдуме в 2022 г., сам процесс иллюстрирует высокую степень процедурной адаптивности: он реализует включенность, прозрачность и потенциал обновления без насилия и кризиса институциональности. Норма о возможности полного пересмотра Конституции в рамках действующего правового порядка стала важной демонстрацией адаптации через демократический процесс.

Таким образом, каждый из анализируемых кейсов иллюстрирует особенности адаптации

³² URL: https://isearch.ccourt.go.kr/download.do?filePath=/st_xml/sdata3/ccourt/xmlData_new/xmlFile/0/010400/2012/pdf/e2010m47_1.pdf (дата обращения: 27.07.2025).

конституционного текста в зависимости от правовой культуры, институтов и формы государственной легитимности. Адаптивность здесь не отвлеченная идея, а измеряемая правовая реальность, закрепленная в статьях, механизмах и институтах, которые в совокупности создают подвижную, но не разрушительную конструкцию основного закона.

Типология моделей адаптивного конституционализма

Типология моделей адаптивного конституционализма, предложенная на основе детального анализа текстов и практик функционирования девяти национальных конституций, позволяет не только систематизировать эмпирический материал, но и выявить структурные основания, определяющие различия в подходах к трансформации конституционного порядка. Принципиальными становятся отказ от упрощенного бинарного деления на жесткие и гибкие конституции, господствовавшего в компаративистике XX в. (A. V. Dicey, C. F. Strong), и переход к многоуровневой оценке адаптивности, включающей институциональный, культурно-ценностный, процедурный и интерпретативный уровни.

Институционально гибкая модель, представленная в первую очередь Федеративной Республикой Германия и Республикой Корея, основывается на развитом механизме конституционного контроля, четкой системе распределения полномочий и формализованной, но гибкой процедуре правовой интерпретации. В Германии, как уже отмечалось, статья 79 Основного закона защищает базовые положения конституционного строя от пересмотра (так называемая вечная оговорка), но в то же время институциональная структура Федерального конституционного суда Германии (Bundesverfassungsgericht), основанная на ст. 92–94, обеспечивает возможность эволюционного развития права без внесения формальных изменений. Аналогичным образом в Южной Корее Конституционный суд (ст. 111 Конституции) стал важнейшим каналом правового реагирования на вызовы цифровой эпохи. Оба примера демонстрируют, что адаптация может достигаться не путем изменения текста, а через институциональную обработку

вызовов — посредством правового толкования, мониторинга, гибкого применения норм. Такой подход поддерживается в научной литературе: в частности, немецкий исследователь К. Хессе подчеркивал важность «герменевтической пластичности» текста как условия устойчивости конституционного порядка³³.

Культурно-ценностная адаптация, характерная для Канады и Швеции, предполагает не столько механическую гибкость правовых институтов, сколько их устойчивую способность к инкорпорации меняющихся общественных ожиданий на основе консенсусной легитимации. В Канаде, как известно, существует уникальное сочетание писаного и обычного права, при котором конституционные обычаи и судебные прецеденты не менее значимы, чем формальные поправки. Например, институт *honour of the Crown* в контексте отношений с коренными народами вытекает не из конкретной статьи конституции, а из сложившейся практики, признанной Верховным судом Канады. Шведская конституционная модель, представленная в Акте о форме правления, закрепляет принципы человеческого достоинства, свободы, равенства и устойчивости, придавая им не только декларативное, но и программное значение. При этом изменения в основном законе возможны, но происходят редко: сама культура принятия решений, уровень доверия к институтам и готовность к рациональному компромиссу формируют особый тип адаптивности, который может быть назван ценностно-институциональной стабильностью. Этот подход хорошо раскрыт в работах скандинавских исследователей. Например, M. Zamboni обращает внимание на структуру государственного управления и культурное различие между дискурсом и конституционной культурой Швеции: изменения происходят редко, несмотря на наличие формальных механизмов, и при этом высокий уровень доверия и политическая дисциплина обеспечивают адаптивность без формальных поправок³⁴.

Политико-правовая переходная модель, воплощенная в конституционных системах Южно-Африканской Республики и Чили, демонстрирует, как процесс конституционного преобразования становится средством адаптации. В Южно-Африканской Республике согласно ст. 1 Конституции провозглашается демократиче-

³³ Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Müller, 2020.

³⁴ Zamboni M. The Role of the Constitution in Sweden: Addressing its Patchy Legal Legitimacy and the (Half-Way) Transition from Political to Legal Constitutionalism // ICL Journal. 2025. Vol. 19 (1). P. 47–85.

ское государство, основанное на достоинстве, равенстве и свободе. Но ключевым становится механизм постоянной реконфигурации институциональных границ в ответ на меняющиеся социальные реалии. Например, институт общественного защитника (Public Protector), установленный статьей 182, активно используется в качестве инструмента гражданского контроля над исполнительной властью. Процесс разработки новой конституции в Чили, несмотря на отказ от первого проекта на референдуме 2022 г., служит показательным примером того, как общество через демократические процедуры стремится легитимировать фундаментальные изменения политической системы. Взгляды чилийских юристов и общественных деятелей, таких как F. Atria и V. Undurraga, являются ключевыми для понимания этого феномена. Однако их подходы имеют разные акценты. F. Atria, давний и последовательный критик Конституции, утверждает, что она изначально была недемократической и содержала ловушки для нейтрализации народной воли³⁵. Для него конституционный процесс — это не просто адаптация, а необходимый разрыв с авторитарным наследием и попытка учредить власть на подлинно демократических основаниях. Его работы аргументируют необходимость создания совершенно нового общественного договора, рожденного из суверенной воли граждан. V. Undurraga, занимавшая пост президента Экспертной комиссии на втором этапе процесса, акцентирует внимание на процедурной легитимности и достижении консенсуса. С ее точки зрения, настойчивость чилийского общества в поиске новой конституционной формулы после первой неудачи демонстрирует его приверженность демократическим институтам³⁶. Легитимность итогового текста, по ее мнению, напрямую зависит от качества диалога, инклюзивности и способности создать общую правовую рамку — «дом для всех» (*una*

casa para todos). Таким образом, адаптивность политической системы может проявляться не только через гибкость текста конституции, но и через устойчивость самого демократического процесса, нацеленного на достижение широкого общественного согласия.

Судебно-интерпретативная модель, реализованная в Индии и Бразилии, демонстрирует, как суды становятся активными агентами конституционного обновления. В Индии, как подчеркивают Т. К. Thommen³⁷ и У. Вахи³⁸, Верховный суд не просто применяет нормы Конституции — он участвует в их переформулировании. Так, уже упоминавшаяся статья 21 о праве на жизнь стала источником юриспруденции, расширяющей сферу действия прав человека. Аналогично в Бразилии Федеральный верховный суд на основании ст. 102 Конституции обладает широкими полномочиями по контролю за соответствием законодательства основному закону и активно использует эти полномочия в защите прав меньшинств, окружающей среды, политических свобод. Здесь адаптивность реализуется за счет гибкости доктринального инструментария: концепция нового конституционного порядка (*Novo Constitucionalismo*), распространенная в бразильской доктрине, допускает активную роль суда в изменении смыслового ядра Конституции³⁹. Именно такие процессы и позволяют говорить об интерпретативной форме адаптивности, при которой изменяется не текст, а его семантическая матрица.

Наконец, **латентно адаптивная модель**, представленная Японией, отражает ситуацию, при которой конституционный текст остается прежним, но его применение изменяется в зависимости от политических и международных обстоятельств. Конституция Японии, как известно, ни разу не подвергалась формальным изменениям. Тем не менее, например, статья 9, запрещающая ведение войны, была

³⁵ Atria F. La Constitución Tramposa. LOM Ediciones, 2013.

³⁶ Informe final de la comisión experta // URL: <https://www.procesoconstitucional.cl/wp-content/uploads/2023/08/informe-final-comision-experta.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

³⁷ Взгляды судьи Т. К. Thommen ярко проявились в одном из знаковых дел, касающихся толкования статьи 21: *Delhi Transport Corporation v. D. T. C. Mazdoor Congress* (1991 AIR 101, 1991 SCR (1) 191). В этом решении, хотя оно касалось трудового права, судья широко обсуждал природу конституционных гарантий. Он подтвердил, что толкование Конституции должно быть динамичным, чтобы соответствовать меняющимся социальным потребностям.

³⁸ Baxi U. *Courage, Craft and Content: The Indian Supreme Court in the Eighties*. Bombay : N. M. Tripathi, 1985.

³⁹ Barroso L. R. *O novo direito constitucional brasileiro: contribuições para a construção teórica e prática da jurisdição constitucional no Brasil*. Belo Horizonte : Fórum, 2013.

в течение десятилетий предметом активного толкования: от запрета на наличие армии до допустимости существования Сил самообороны и даже ограниченного участия в международных миссиях. Такая трансформация возможна благодаря исполнительному и парламентскому правотворчеству, формально не меняющему текст, но фактически адаптирующему его к новым реалиям. Это свидетельствует о том, что японский конституционализм «живет» не через формальные поправки, а через политический смысл, придаваемый его нормам. Латентная адаптация тем самым представляет собой скрытую форму трансформации: она лишена драматизма, но сохраняет возможность значительных сдвигов в содержании правовых норм.

Критерии разграничения этих моделей можно свести к трем основным параметрам. Во-первых, это доминирующий источник адаптации: в одних странах адаптивность обеспечивается парламентом или конституционными комиссиями (законодатель), в других — конституционным судом (суд), в третьих — участием народа через референдум или учредительное собрание (народ). Во-вторых, это уровень институционализации изменений: встроены ли механизмы адаптации в само конституционное регулирование либо действуют как внешние по отношению к тексту. В-третьих, степень нормативной открытости текста: возможность гибкой интерпретации, широкие формулировки, ссылки на международное право, открытые ценностные декларации.

Таким образом, предложенная типология позволяет не только систематизировать наблюдаемое разнообразие подходов к конституционной адаптации, но и выявить глубинные механизмы, посредством которых государства обеспечивают устойчивость и жизнеспособность своих конституционных систем в условиях неопределенности. Именно через такую типологию возможно создание операциональной модели адаптивного конституционализма, применимой для прогностического анализа развития конституционного порядка в условиях глобальной и национальной трансформации.

Варианты развития конституционного порядка в рамках адаптивной модели

Для развития конституционного порядка в условиях нарастающей нестабильности глобальной правовой и политической среды всё более акту-

альным становится сценарный подход, позволяющий смоделировать потенциальные траектории адаптации национальных правовых систем с учетом как их внутренних особенностей, так и транснациональных влияний. В рамках предложенной адаптивной модели целесообразно выделить четыре базовых сценариев: эволюционного, реформаторского, трансформационного и гибридного. Каждый из них базируется на различных механизмах реагирования на вызовы — от институционального самосохранения до системной переориентации идентичности. При этом такие сценарии необязательно развиваются в чистом виде: на практике они часто комбинируются или сменяют друг друга в результате политических или социокультурных сдвигов.

Эволюционный сценарий характерен для государств с высокой степенью институциональной стабильности и укорененной правовой культурой, где адаптация осуществляется без радикального пересмотра основного закона. Наиболее ярким примером здесь является Швеция, в которой основной закон подвергался изменениям крайне редко, а основным инструментом адаптации выступает согласованное развитие норм и процедур в рамках парламентской демократии. Так, глава VIII Акта о форме правления предусматривает процедуру поправки через два последовательных решения Риксдага, разделенных парламентскими выборами, что позволяет обществу вовремя реагировать на предложения реформ. Однако в реальности этот механизм используется умеренно, приоритет отдается политическим компромиссам, консенсусу и тонкой настройке административных практик. Япония также может быть отнесена к данной группе, несмотря на формальную жесткость текста Конституции. Ни одна поправка в нее так и не была внесена, а интерпретация норм, прежде всего ст. 9, происходит на фоне широкой общественной дискуссии, действующего законодательного поля и практики исполнительной власти. Эволюционность здесь принимает форму «тихой адаптации» — структурно-семантических сдвигов, не зафиксированных формально, но значимых в плане содержания конституционного порядка.

Реформаторский сценарий, напротив, предполагает сознательное и институционально закрепленное движение к обновлению конституционной ткани. Пример такого подхода — Южно-Африканская Республика: ее Конституция изначально задумывалась как «живой» документ, способный реагировать на наследие

апартеида и современные вызовы. Процедура внесения изменений, изложенная в ст. 74, допускает как квалифицированное парламентское голосование, так и участие провинциальных органов, что делает систему устойчивой к произвольным изменениям, но одновременно восприимчивой к трансформациям. Важным элементом реформаторского подхода является институт независимых органов, действующих на основании ст. 181, таких как Комиссия по вопросам равенства и Комиссия по правам человека, которые позволяют гибко реагировать на социальную динамику. В Индии, как уже отмечалось, главным проводником реформ стала судебная власть. При этом парламент также активно использует ст. 368 для внесения поправок, что делает индийский случай уникальным примером сбалансированного дуализма — сочетания законодательной и интерпретативной адаптаций. Более 100 поправок к Конституции Индии свидетельствуют о системной институциональной работе по актуализации правового порядка без разрушения его идентичности.

Трансформационный сценарий — один из наиболее чувствительных в плане рисков и политической легитимности. Он предполагает не просто коррекцию норм или структур, а перепределение самого государства в правовом смысле. Чили — хрестоматийный пример такого сценария. После массовых протестов 2019 г. начался процесс формирования новой конституции, отражающей не только политические, но и социокультурные изменения. Особенностью стало включение принципов гендерного равенства, прав коренных народов и экологической устойчивости. Процедура, предусматривающая выбор Конституционного собрания на основе равенства полов и участия представителей индейских народов, сама по себе выступила актом конституционного обновления. Несмотря на то что проект был отклонен на референдуме в 2022 г., сам факт запуска переформатирования конституционной идентичности, не сопровождавшийся крахом институтов или правовым коллапсом, стал важным свидетельством жизнеспособности трансформационного сценария. Бразилия в значительной степени повторяет эту траекторию: Конституция, возникшая на волне демократизации после военного режима, с самого начала была направлена на трансформацию общества через право, отсюда включение в основной текст широкого набора социальных, культурных и экологических прав (ст. 5, 6 и 225). Однако дальнейшее развитие сопровождалось

институциональными кризисами, вызванными попытками политических элит использовать адаптивные механизмы в собственных интересах. Это иллюстрирует двойственность трансформационного подхода: он может вести как к демократическому обновлению, так и к подрыву правовых оснований в случае утраты институционального баланса.

Гибридный сценарий является наиболее распространенным и в то же время концептуально сложно схватываемым. Он сочетает элементы стабильности текста и подвижности практики, формальной неизменности и живого реагирования на вызовы. Примером служит Канада, где конституция представляет собой сложный массив документов, включая Конституционный акт 1867 г., Конституционный акт 1982 г. и сопутствующие законы, а также конституционные обычаи. Формальные изменения происходят редко из-за высокой сложности процедуры (ст. 38–49 Конституционного акта 1982 г.), но адаптация обеспечивается через судебную практику, в особенности Верховного суда Канады, и активную роль провинциальных парламентов. Южная Корея также демонстрирует элементы гибридности: Конституция формально жесткая, но институциональная структура, прежде всего Конституционный суд, и активное участие гражданского общества создают условия для устойчивой подвижности. Особенно интересен в этом контексте механизм публичных слушаний и цифрового взаимодействия с гражданами, развиваемый на основе статьи 10 Конституции, закрепляющей принцип человеческого достоинства и стремления к счастью. В этом случае гибкость реализуется не столько через изменение норм, сколько через расширение каналов общественного влияния на интерпретацию и применение закона.

Каждый из сценариев, однако, сопряжен с определенными рисками, которые нельзя игнорировать при моделировании будущего развития конституционных систем. Во-первых, существует реальная угроза эрозии легитимности: частые изменения основного закона, особенно в трансформационном или реформаторском сценариях, могут быть восприняты обществом как проявление институциональной нестабильности, вызывая снижение доверия к правовой системе. Это особенно актуально в условиях, когда изменения иницируются политическим меньшинством или без должного участия граждан. Во-вторых, в условиях слабости институтов возможен захват адаптивных механизмов

политическими или экономическими элитами, использующими конституционные реформы для сохранения власти или перераспределения ресурсов, — ситуация, неоднократно описанная в литературе как форма конституционного популизма (см. работы J.-W. Muller⁴⁰ и R. Smith⁴¹). На, конец, существует опасность конституционной амнезии — утраты исторической и правовой преемственности при чрезмерном уповании на обновление. В этом случае разрыв с традицией может привести к делегитимации всей правовой системы, особенно в обществах с глубоко укорененными символическими кодами (например, Япония или Германия).

Таким образом, сценарный подход позволяет не только систематизировать возможные пути развития адаптивного конституционализма, но и оценить их применимость с учетом политико-правовых реалий конкретных государств. В условиях неопределенности будущего, обостренного цифровыми, экологическими, культурными и геополитическими вызовами, именно способность к предвидению и осмысленному управлению конституционными изменениями становится критерием зрелости правовой системы. А адаптивный конституционализм не только концепт, но и методология, открывающая горизонты для нового понимания динамики правового порядка.

Заключение

Исследование позволило сформулировать и обосновать авторскую концептуализацию адаптивного конституционализма как правовой модели, способной обеспечить устойчивое развитие конституционного порядка в условиях глобальной трансформации политико-правовой реальности. Одним из ключевых достижений работы стали выявление и систематизация критериев адаптивности, позволяющих отличать формально гибкие, но по сути инертные конституционные конструкции от по-настоящему восприимчивых к изменениям правовых систем, обладающих механизмами внутреннего обновления при сохранении институциональной и ценностной непрерывности. К числу таких критериев отнесены процедурная открытость, институциональная восприимчивость, правовая динамика в сочетании с идентичностью, гори-

зонтальность взаимодействий, а также наличие механизмов гражданского участия и правового плюрализма.

На основании сопоставительного анализа девяти современных национальных конституций, представляющих различные цивилизационные, правовые и политические традиции, предложена типология моделей адаптивного конституционализма: институционально гибкой, культурно-ценностной, политико-правовой переходной, судебной-интерпретативной и латентно адаптивной, каждая из которых отражает свой путь легитимации изменений в условиях усложняющегося взаимодействия между государством, обществом и международной средой. Подобная классификация не только теоретически осмысляет специфику адаптации, но и позволяет выявить наиболее уязвимые звенья правовых систем в процессе трансформации, будь то чрезмерная формализация, монополизация интерпретации или отрыв от культурных оснований легитимности. Тем самым открывается путь к более точному и эмпирически обоснованному анализу реальной устойчивости конституционного порядка в конкретных странах.

Сценарный подход, примененный в заключительной части исследования, позволил выделить четыре базовых направления развития конституционного порядка в условиях адаптивной модели: эволюционное, реформаторское, трансформационное и гибридное. Каждый сценарий, как показал анализ, обладает своей логикой развития, институциональной базой, а также своими рисками и ограничениями. Так, эволюционный сценарий оказывается эффективным лишь при высокой степени консенсуса и культурной стабильности; реформаторский требует баланса между политической волей и общественным доверием; трансформационный рискует подорвать правовую идентичность в случае утраты институциональной преемственности; гибридный же, при всей своей гибкости, нуждается в сложной координации между различными центрами правового влияния. Указанные сценарии могут служить основой для построения прогностических моделей, оценки правовых рисков, планирования реформ и оценки потенциальной устойчивости национального конституционного порядка в долгосрочной перспективе.

⁴⁰ Muller J.-W. What is Populism? Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press, 2016.

⁴¹ Smith R. That is Not Who We Are! Populism and Peoplehood. New Haven, CT : Yale University Press, 2020.

Теоретическая значимость исследования заключается прежде всего в утверждении адаптивного конституционализма как самостоятельного направления современной правовой мысли, в котором сочетаются идеи институционального конструктивизма, теории жизненного цикла конституций и правовой эволюции. В отличие от классического нормативизма, предполагающего статичность и универсализм конституционной формы, адаптивный подход исходит из принципа контекстуальности, множественности возможных траекторий развития и важности встроенных механизмов обратной связи. С этой точки зрения особенно важным представляется развитие методологии междисциплинарного анализа, позволяющего учитывать не только юридические, но и политические, культурные и технологические параметры функционирования правовых систем.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их применения для конституционного проектирования, правовой экспертизы, анализа устойчивости государственных институтов, а также оценки

легитимности предпринимаемых реформ. Предложенная типология может быть использована для разработки индикаторов адаптивности при мониторинге правовых систем, особенно в условиях политических или социальных кризисов. Кроме того, концепт адаптивного конституционализма способен выступать теоретическим основанием для правотворческих инициатив, направленных на институциональное обновление без подрыва основ правового государства, что особенно важно для государств, находящихся в состоянии транзита или системного напряжения.

Таким образом, адаптивный конституционализм в современной интерпретации выходит далеко за рамки академического интереса: он становится ответом на фундаментальный вызов времени — как сохранить правопорядок в мире, где постоянство стало исключением, а изменчивость — правилом. В этом контексте задача юриспруденции — не просто фиксировать перемены, но проектировать формы правовой устойчивости, способные не разрушаться под давлением перемен, а использовать их как ресурс для собственного обновления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарь Н. С., Берлявский Л. Г. От «живой конституции» к судебному конституционализму: сравнительно-правовой концепт России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 4. С. 46–59.

Крусс В. И. Конституционная идентичность России: актуальность и целеполагание // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 571–573.

Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // Право.by. 2022. № 5 (79). С. 36–42.

Ромашов Р. А. Юридическая техника изменения конституционного законодательства в системе «живого» права современной России // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 22–26.

Смирнов В. А. Теория «живой конституции» в современном конституционализме // Современное право. 2022. № 2. С. 98–107.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука РАН, 2016. 320 с.

Ackerman B. We the People: Transformations. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000. 528 p.

Atria F. La Constitución Tramposa. LOM Ediciones, 2013. 166 p.

Austin G. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Oxford University Press, 2000. 412 p.

Barroso L. R. O novo direito constitucional brasileiro: contribuições para a construção teórica e prática da jurisdição constitucional no Brasil. Belo Horizonte : Fórum, 2013. 522 p.

Baxi U. Courage, Craft and Content: The Indian Supreme Court in the Eighties. Bombay : N. M. Tripathi, 1985. 82 p.

Brunkhorst H. Constitutional Evolution in the Crisis of the Early Twenty-First Century // Social Research: An International Quarterly. 2014. Vol. 81 (3). P. 519–539.

Davis D. Transformative Constitutionalism and the Common and Customary Law // South African Journal on Human Rights. 2010. Vol. 26 (3). P. 403–509.

Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // Modern Law Review. 2024. Vol. 87 (4). P. 799–832.

- Elkins Z., Ginsburg T. G., Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 260 p.
- García J. F. A failed but useful constitution-making process: How Bachelet's process contributed to constitution-making in Chile // *Global Constitutionalism*. 2024. Vol. 13 (1). P. 239–249.
- Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago : University of Chicago Press, 2018. 320 p.
- Grimm D. Three Meanings of Constitutional Identity and Their Prospects in the European Union // *European Yearbook of Constitutional Law 2022: A Constitutional Identity for the EU?* Springer, 2023. P. 13–24.
- Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Müller, 2020. 335 S.
- Macfarlane E. Governing from the Bench: The Supreme Court of Canada and the Judicial Role. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2012. 264 p.
- Muller J.-W. What is Populism? Philadelphia, PA : University of Pennsylvania Press, 2016. 136 p.
- Popescu D., Loveland M. Judging Deliberation: An Assessment of the Crowdsourced Icelandic Constitutional Project // *Journal of Deliberative Democracy*. 2022. Vol. 18 (1).
- Roux T. Transformative Constitutionalism and the best interpretation of the South African Constitution: distinction without a difference? // *Stellenbosch Law Review*. 2009. Vol. 20 (2). P. 258–285.
- Smith R. That is Not Who We Are! Populism and Peoplehood. New Haven, CT : Yale University Press, 2020. 176 p.
- Strauss D. A. The Living Constitution. Oxford University Press, 2010. 176 p.
- Zamboni M. The Role of the Constitution in Sweden: Addressing its Patchy Legal Legitimacy and the (Half-Way) Transition from Political to Legal Constitutionalism // *ICL Journal*. 2025. Vol. 19 (1). P. 47–85.

REFERENCES

- Ackerman B. We the People: Transformations. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2000.
- Atria F. La Constitución Tramposa. LOM Ediciones; 2013.
- Barroso LR. O novo direito constitucional brasileiro: contribuições para a construção teórica e prática da jurisdição constitucional no Brasil. Belo Horizonte: Fórum; 2013.
- Baxi U. Courage, Craft and Content: The Indian Supreme Court in the Eighties. Bombay: N. M. Tripathi Publ.; 1985.
- Bondar NS, Berlyavsky LG. From the «living constitution» to judicial constitutionalism: the comparative legal concept of Russia and the USA. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2024;20(4):46-59. (In Russ.).
- Brunkhorst H. Constitutional Evolution in the Crisis of the Early Twenty-First Century. *Social Research: An International Quarterly*. Johns Hopkins University Press. 2014;81(3):519-539.
- Davis D. Transformative Constitutionalism and the Common and Customary Law. *South African Journal on Human Rights*. 2010;26(3):403-509.
- Dixon R. The New Responsive Constitutionalism. *Modern Law Review*. 2024;87:799-832.
- Elkins Z, Ginsburg TG, Melton J. The Endurance of National Constitutions. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
- García JF. A failed but useful constitution-making process: How Bachelet's process contributed to constitution-making in Chile. *Global Constitutionalism*. 2024;13(1):239-249.
- Ginsburg T, Huq AZ. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press; 2018.
- Granville A. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Oxford University Press; 2000.
- Grimm D. Three Meanings of Constitutional Identity and Their Prospects in the European Union. *European Yearbook of Constitutional Law*. 2022;13–24.
- Hesse K. Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Müller; 2020.
- Khabrieva TYa. Constitutional reform in the modern world. Moscow: Nauka RAN Publ.; 2016. (In Russ.).
- Kruss VI. Constitutional identity of Russia: relevance and goal-setting. In: *Global conflict and the contours of the new world order. 20th International Likhachev scientific readings*. St. Petersburg; 2022. (In Russ.).
- Macfarlane E. Governing from the Bench: The Supreme Court of Canada and the Judicial Role. Vancouver, Toronto: UBC Press; 2012.
- Muller J.-W. What is Populism? Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press; 2016.

Pavlov VI. Constitutional identity and the rule of law as two different paradigms of modern constitutionalism. *Law.by*. 2022;5(79):36-42. (In Russ.).

Popescu D, Loveland M. Judging Deliberation: An Assessment of the Crowdsourced Icelandic Constitutional Project. *Journal of Deliberative Democracy*. 2022;18(1).

Romashov RA. Legal technique of changing constitutional legislation in the system of «living» law of modern Russia. *Juridical Techniques*. 2023;17:22-26. (In Russ.).

Roux T. Transformative Constitutionalism and the best interpretation of the South African constitution: distinction without a difference? *Stellenbosch Law Review*. 2009;20(2):258-285.

Smirnov VA. The theory of a «living constitution» in modern constitutionalism. *Sovremennoe pravo*. 2022;2:98-107. (In Russ.).

Smith R. That is Not Who We Are! Populism and Peoplehood. New Haven, CT: Yale University Press; 2020.

Strauss DA. The Living Constitution. Oxford University Press; 2010.

Zamboni M. The Role of the Constitution in Sweden: Addressing its Patchy Legal Legitimacy and the (Half-Way) Transition from Political to Legal Constitutionalism. *ICL Journal*. 2025;19(1):47-85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поярков Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений
корп. 11, промзона ФГУП «ВНИИФТРИ», р. п. Менделеево, г. Солнечногорск,
Московская область 141570, Российская Федерация
psu@vniiftri.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei Yu. Poyarkov, Cand. Sci. (Pedagogy), Academic Secretary, All-Russian Scientific Research Institute for Physical-Engineering and Radiotechnical Metrology, Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation
psu@vniiftri.ru

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 8 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 08.04.2025.

Revised 08.09.2025.

Accepted 15.07.2026.

Модификация уголовно-процессуального статуса: понятие и виды

Резюме. Наличие у лица процессуального статуса в уголовном деле является неперенным атрибутом российского уголовного процесса, поскольку именно процессуальный статус характеризует специфику прав и обязанностей лица, а в некоторых случаях — возможность его привлечения к ответственности. Процессуальный статус присваивается либо в связи с отношением лица к преступлению, либо в силу функциональных факторов, установленных уголовно-процессуальным законом, обусловленных публично-правовым характером судопроизводства и вызванных необходимостью выявления обстоятельств преступления. Изменение (модификация) процессуального статуса должно базироваться на отмеченных факторах. При этом иногда модификация статуса влечет радикальную перемену характера участия лица в деле; в ряде случаев закон закрепляет невозможность изменения или совмещения статусов. Выделены три вида модификации статусов: переход, трансформация и комбинирование. Переход связан с выполнением лицом отличающейся от первоначальной деятельности и возможен в основном в рамках стороны обвинения. Трансформация означает возникновение у лица статуса с одновременной утратой предыдущего. Последовательная трансформация подразумевает приобретение субъектом качественно однородного статуса в сравнении с предыдущим. Непоследовательная трансформация включает в себя различные ситуации утраты первоначального и приобретения нового статуса в результате установления обстоятельств дела. Комбинирование статусов допускается, когда один статус присваивается в силу фактического фактора, а другой имеет функциональную природу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; участник уголовного судопроизводства; уголовное преследование; сторона обвинения; сторона защиты; процессуальный статус; переход статусов; трансформация статусов; комбинирование статусов; отвод

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Модификация уголовно-процессуального статуса: понятие и виды. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 74–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.074-084

Modification of Criminal Procedure Status: A Concept and Types

Vladimir Yu. Stelmakh

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The existence of a procedural status for a person in a criminal case is an essential attribute of Russian criminal procedure, since it is precisely procedural status that characterizes the specific rights and obligations of an individual and, in certain cases, the possibility of bringing that person to liability. Procedural status is assigned either in connection with a person's relation to the crime or by virtue of functional factors established by criminal procedural law, determined by the public-law nature of criminal proceedings and prompted by the need to establish the circumstances of the offense. Any change in procedural status must be based on the aforementioned factors. At the same time, modification of status sometimes entails a radical change in the nature of the person's

participation in the case; in a number of instances, the law enshrines the impossibility of changing or combining statuses. Three types of status modification are identified: transition, transformation, and combination. Transition is associated with a person's performance of activity different from the initial one and is possible mainly within the framework of the prosecution. Transformation denotes the emergence of a new status together with the simultaneous loss of the previous one. Sequential transformation means that the subject acquires a qualitatively homogeneous status in comparison with the preceding one. Non-sequential transformation includes various situations in which the original status is lost and a new one is acquired as a result of the determination of the circumstances of the case. The combination of statuses is permissible when one status is assigned by virtue of a factual factor, while the other is functional in nature.

Keywords: criminal proceedings; participant in criminal proceedings; criminal prosecution; prosecution; defense; procedural status; status transition; status transformation; combination of statuses; recusal

Cite as: Stelmakh VYu. Modification of Criminal Procedure Status: A Concept and Types. *Lex russica*. 2026;79(8):74-84. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.074-084

Особенностью уголовно-процессуальной деятельности является наличие у ее участников особого правового статуса, предусмотренного УПК РФ¹ и определяющего положение соответствующего субъекта в уголовном деле. Данный статус подразумевает наделение лица правами, возложение на него обязанностей, а в некоторых случаях — и различных видов юридической ответственности. При этом правовой статус одного лица в конкретном уголовном деле может изменяться, причем в некоторых случаях такая модификация как бы запрограммирована нормами закона (например, наделение подозреваемого по мере расследования дела статусом обвиняемого), а в иных ситуациях она происходит в силу выявляемых факторов.

Проблематика наделения субъекта уголовно-процессуальным статусом, объем прав, обязанностей и ответственности, материальные и процессуальные основания возникновения статусов широко изучались в научной литературе на уровне комплексных монографических исследований. Однако вопросы модификации статусов до конца не разработаны. Не систематизированы варианты модификации, ее пределы, а также соотношение прав и обязанностей лица после модификации его процессуального статуса, доказательственное значение информации, полученной от лица до модификации статуса.

Процессуальные статусы предусмотрены нормами УПК РФ. Вместе с тем очевидно, что в основе наделения лица процессуальным статусом лежат фактические обстоятельства, а процессуальный статус должен присваиваться исходя из них. В этом аспекте возникновение у

лица процессуального статуса в уголовном деле обуславливается двумя факторами.

Во-первых, это материально-правовой (уголовно-правовой) момент, т.е. связь субъекта с преступным событием. Лицо может быть пострадавшим от преступления, причастным к его совершению либо располагать сведениями о преступлении. Именно данный фактор обуславливает придание лицу статуса потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и свидетеля, а по делам частного обвинения — частного обвинителя. Кроме того, указанный фактор охватывает некоторые имущественные аспекты, связанные с причинением ущерба от преступления, что важно для наделения лица статусом гражданского истца или гражданского ответчика.

Во-вторых, для лиц, непосредственно не «соприкасавшихся» с преступным деянием, в основе приобретения процессуального статуса по делу лежит функциональный момент, связанный с их деятельностью в рамках возбуждения, расследования и рассмотрения уголовного дела, т.е. с ролью в официальном установлении обстоятельств совершения преступления, а также с их содействием органам уголовного судопроизводства. Иными словами, законодатель с учетом публично-правового характера уголовного судопроизводства определяет, какие действия являются важными для достижения назначения уголовного процесса и какие права и обязанности могут придаваться тем или иным субъектам, реализующим назначение судопроизводства. Определение статуса участника процесса по функциональному признаку призвано обеспечить объективность соответствующего

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

субъекта для того, чтобы его деятельность была направлена на реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Часто лицо действует на всем протяжении уголовного процесса по делу в одном и том же статусе, однако иногда этот статус может претерпевать существенные изменения, т.е. модифицироваться.

Модификация процессуального статуса подразумевает его изменение либо совмещение в одном лице нескольких статусов. Возможно выделить три вида модификации: а) переход статуса, т.е. утрату лицом своего статуса и приобретение другого, сходного по своему содержанию; б) трансформацию статуса, т.е. утрату лицом одного статуса и возникновение другого, качественно отличающегося от бывшего у лица ранее; в) комбинирование статусов, т.е. появление у лица нового статуса без утраты бывшего, в дополнение к нему.

Модификация статусов обуславливается установлением фактов, связанных с совершением преступления; в некоторых случаях ее пределы ограничиваются требованиями уголовно-процессуального закона об обстоятельствах, исключающих участие в деле. Существуют ситуации несовместимости статусов, в основе которых лежат те же факторы.

Переход статусов подразумевает осуществление лицом иной по содержанию деятельности в сравнении с выполняемой ранее, но родственной ей по своей сущности, не отличающейся по конечным целям.

Допустим переход статуса только для лиц, не имеющих фактической связи с преступлением и играющих в деле исключительно функциональную роль. Возможность перехода статуса ограничена двумя факторами: во-первых, переход возможен только среди должностных лиц органов уголовного судопроизводства, наделенных государственно-властными полномочиями; во-вторых, переход допустим исключительно в рамках одной стороны по делу, что связано с необходимостью продолжения реализации субъектом той же процессуальной функции, которую он выполнял по делу ранее. Эти условия ограничивают переход статусов только субъектами, осуществляющими по делу публично-правовую деятельность, не связанную ни с непосредственным отстаиванием личных интересов, ни с представлением (защитой) личных интересов других субъектов.

Переход может иметь место, когда лицо начинало процессуальную деятельность по

делу в качестве следователя (дознавателя), а затем продолжает ее в статусе руководителя следственного органа, начальника подразделения или органа дознания либо прокурора (в том числе государственного обвинителя). По смыслу ст. 61, 66, 67 УПК РФ в подобных случаях указанные субъекты не подлежат отводу. Соответственно, возможна и обратная последовательность перехода статусов. Принадлежность данных субъектов к стороне обвинения обуславливает как однородность представляемой ими процессуальной функции, так и содержательную близость осуществляемой в ходе производства по делу деятельности.

При этом не допускается выполнение таким лицом по данному делу полномочий судьи (ст. 61 УПК РФ), поскольку судья в подобной ситуации будет неизбежно опираться на знания, полученные в рамках деятельности представителя стороны обвинения, что фактически вызовет утрату им незаинтересованности и беспристрастности. Разумеется, невозможен переход процессуального статуса от защитника к судье (п. 2 ч. 1 ст. 61 УПК РФ), поскольку в данной ситуации лицо располагает знаниями, полученными им в строго доверительном порядке от своего подзащитного, и использование этих знаний при принятии решения по делу недопустимо ни с правовой, ни с морально-этической точки зрения.

Иными словами, защитник, участвуя в публично-правовом судопроизводстве, осуществляет деятельность по представлению частноправовых интересов, в связи с чем на полученные им от доверителя сведения распространяется режим адвокатской тайны. Соответственно, эта имеющаяся у защитника информация не может использоваться ни для чего другого, кроме как для защиты своего доверителя; передача защитником данных сведений стороне обвинения допускается только в том случае, если они подтверждают невиновность или меньшую виновность обвиняемого (подозреваемого).

Применительно к переходу статусов следует упомянуть оперативного сотрудника — субъекта, прямо не названного в УПК РФ в качестве самостоятельного участника уголовного судопроизводства, но вполне заслуживающего того, чтобы иметь такой статус. Закон в большинстве случаев достаточно обезличенно упоминает орган дознания (например, как субъект, которому вправе дать поручения следователь и дознаватель), а оперативный сотрудник является в ши-

роком смысле сотрудником органа дознания. Вместе с тем запрещается производство предварительного следствия лицом, ранее проводившим оперативно-разыскные мероприятия (применительно к дознанию данное правило зафиксировано в ч. 2 ст. 41 УПК РФ; применительно к предварительному следствию такой запрет, хотя прямо не закреплен в законе, очевиден исходя из того, что следственные подразделения не входят в структуру органов дознания, а оперативно-разыскные мероприятия вправе проводить исключительно оперативные сотрудники). Очевидно, что тем самым устанавливается запрет перехода процессуального статуса от оперативного сотрудника к следователю и дознавателю. Законодатель исходит из непроцессуальной природы оперативно-разыскных мероприятий, в силу чего следователь, который их ранее проводил, будет неизбежно связан при принятии решений информацией, полученной способами, не предусмотренными УПК РФ. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, исключение составляют случаи осуществления оперативным сотрудником неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ, поскольку эта форма процессуальной деятельности предполагает лишь сбор и закрепление первоначального доказательственного материала².

Возникает еще одна проблема, не связанная в полной мере с переходом процессуального статуса, но весьма близкая к названному феномену. Речь идет о ситуациях, когда вначале защитник представлял интересы нескольких обвиняемых (например, по различным уголовным делам до их соединения), однако впоследствии выясняется, что данные лица будут привлекаться к уголовной ответственности по одному и тому же делу за одно или различные, но взаимосвязанные преступления. Разумеется, в подобных случаях защитник продолжает выполнять функции именно защитника, и в этом смысле его процессуальный статус не изменяется, однако требуется учитывать, что в отличие от органов уголовного судопроизводства (судьи, прокурора, следователя и т.п.), ведущих

дело в целом, защитник предоставляется каждому обвиняемому (подозреваемому) персонально, для оказания помощи именно данному субъекту, и переход защитника от одного лица к другому в известном смысле означает модификацию деятельности защитника в конкретном деле.

Уголовно-процессуальный закон прямо запрещает одному адвокату осуществлять защиту нескольких обвиняемых (подозреваемых) только в том случае, если их интересы противоречат друг другу (ч. 6 ст. 49 УПК РФ); в остальных ситуациях такого запрета не имеется, однако следует исходить из того, что совпадение или, напротив, противоречие интересов лиц, привлекающихся к уголовной ответственности, — крайне условный феномен. Любая разница в сообщаемых сведениях, их оценка, по сути, предполагает противоречие позиций, что делает крайне нежелательным участие одного адвоката для защиты этих обвиняемых (подозреваемых). Если выявлено противоречие интересов лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, очевидно, что адвокат должен быть полностью выведен из дела и не может защищать ни одного из обвиняемых (подозреваемых). В данном случае нельзя оставлять такого адвоката в качестве защитника какого-либо привлекаемого к уголовной ответственности лица (например, того, защиту которого адвокат начал осуществлять хронологически ранее), поскольку адвокат, располагая сведениями, полученными от другого обвиняемого (подозреваемого) в доверительном порядке, будет неизбежно использовать эту информацию для защиты оставшегося у него подзащитного, т.е. против другого обвиняемого (подозреваемого). В научной литературе справедливо отмечается, что применительно к защитнику «отвод должен служить стратегии защиты прав и свобод обвиняемого, а в качестве своей цели преследовать справедливость»³. В рассматриваемой ситуации это обстоятельство проявляется в полной мере. Вместе с тем сложно согласиться с авторами, полагающими, что противоречия между обви-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева» // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision202352.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).

³ Морозова А. С. Отвод защитника как механизм реализации стратегии защиты прав и свобод обвиняемого и подозреваемого // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 57.

няемыми должны проявиться реально, а не быть предполагаемыми⁴, поскольку продолжение участия одного защитника всё более усугубляет ситуацию по делу, в том числе не только с позиции предварительного расследования, но и в силу того, что адвокат всё сильнее становится связанным позицией одного из представляемых лиц в ущерб другому подзащитному.

Трансформация процессуальных статусов связана с приобретением лицом такого статуса, который существенно отличается от имевшегося ранее, т.е. когда лицо начинает защищать интересы, ранее им не отстаивавшиеся. Она касается правовых статусов лиц, необязательно являющихся должностными лицами органов уголовного судопроизводства. Можно определить следующие исходные, базовые правила приобретения статусов:

1) приоритет имеет статус участника, связанный с непосредственным отношением к преступлению (в первую очередь — потерпевшего или подозреваемого (обвиняемого), затем — свидетеля);

2) названные статусы несовместимы между собой;

3) данные статусы несовместимы со статусами других участников судопроизводства.

Последовательная трансформация имеет место при изменении статуса в рамках одной стороны по уголовному делу. В настоящий момент такая трансформация происходит при изменении статуса подозреваемого на статус обвиняемого. При этом она оставляет без изменения некоторые особенности правового положения, характерные для предыдущего статуса. Так, показания, данные подозреваемым, не утрачивают своего значения, более того, зачистую обвиняемый, не желая заново повторять показания, ссылается на те, которые были даны им в статусе подозреваемого. Разумеется, это не лучший вариант для доказывания, поскольку ссылка на ранее данные показания не заменяет в полной мере непосредственное сообщение сведений на допросе, однако если позиция обвиняемого заключается в том, чтобы сослаться на свои показания, повлиять на изменение такой позиции следователь может только путем убеждения. Кроме того, если подозреваемому,

задержанному в порядке ст. 91 УПК РФ, предъявляется обвинение, названное обстоятельство не прерывает срок задержания, который продолжает действовать, несмотря на то что лицо перестало быть подозреваемым.

Вместе с тем трансформация автоматически обуславливает наступление некоторых правовых последствий, присущих последующему правовому статусу. В частности, если мера пресечения избирается в отношении подозреваемого, максимальный срок ее действия составляет 10 суток, а по составам преступлений, перечисленным в ч. 2 ст. 100 УПК РФ, — 45 суток. В то же время предъявление обвинения до истечения указанного временного отрезка приводит к тому, что срок действия меры пресечения увеличивается до нормативно установленного, т.е. до двух месяцев со дня ее избрания (или со дня задержания лица в качестве подозреваемого, если такое решение принималось), и повторное решение вопроса об избрании меры пресечения к обвиняемому не требуется.

Особая ситуация складывается в случаях, когда привлекаемое к уголовной ответственности лицо оказывается невменяемым. В данном случае оно после получения соответствующего заключения судебно-психиатрической экспертизы утрачивает статус обвиняемого (подозреваемого) и приобретает статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера (ст. 437 УПК РФ). Важно учитывать, что здесь трансформация статуса не связана с прекращением уголовного преследования, а обусловлена свойствами психики субъекта, исключающими осуществление в отношении него уголовного преследования в традиционном понимании этого термина. Вместе с тем такому лицу должна быть предоставлена возможность пользоваться правами, которыми наделяется обвиняемый (подозреваемый)⁵, что подчеркивает природу действий, осуществляемых в отношении этого лица: по сути, они существенно во многом сходны с уголовным преследованием, однако указанное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. Следует согласиться с авторами, предлагающими считать такое лицо особым обвиняемым,

⁴ См.: Калинкина Л. Д., Крысина Н. Р. Конфликт интересов доверителей — основание для отвода адвоката в уголовном процессе // *Право и практика*. 2019. № 4. С. 184.

⁵ См.: Шатрова А. В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право»*. 2021. Т. 11. № 4. С. 112–114.

т.е. субъектом, в отношении которого формулируется обвинение, однако не происходит привлечения к уголовной ответственности⁶. В этом плане весьма показательно, что статус обвиняемого у подобного лица утрачивается не в полной мере: если суд посчитает, что выводы о невинности ошибочны, он имеет право либо осудить данного субъекта (если расследование велось в форме предварительного следствия), либо возратить дело прокурору, причем статус обвиняемого после принятия такого решения восстанавливается автоматически — для этого не требуется нового предъявления обвинения. Вместе с тем представляется более логичным составление не постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а выработанного практикой иного процессуального документа — постановления о квалификации общественно опасного деяния.

Непоследовательная трансформация охватывает различные, но при этом зачастую противоположные по своей направленности ситуации, когда установление фактических обстоятельств совершения преступления влечет выявление иного отношения лица к нему, чем считалось ранее, и, соответственно, изменение правового статуса лица, например с потерпевшего на свидетеля или на подозреваемого (обвиняемого), подозреваемого (обвиняемого) на потерпевшего или свидетеля, потерпевшего на свидетеля, свидетеля на потерпевшего.

Вместе с тем трансформация статуса подозреваемого (обвиняемого) на статус участника, не сопряженный с осуществлением в отношении него уголовного преследования, предполагает обязательное вынесение постановления о прекращении уголовного преследования, поскольку без этого одно лицо будет иметь несколько взаимоисключающих статусов в рамках одного дела. Примерно такой же порядок применяется, если лицо было ошибочно признано потерпевшим. Несмотря на отсутствие прямого указания в законе, аннулирование данного статуса по причине более детального установления обстоятельств дела, подтверждающих, что лицо не пострадало от преступления, не производится автоматически, а требует вынесения постановления, фактически отменяющего процессуальное решение о признании лица потерпевшим. В практической

деятельности выносятся либо постановления руководителя следственного органа об отмене названного постановления следователя, либо постановления следователя о прекращении статуса потерпевшего (конкретное наименование этого постановления может различаться, но оно не является постановлением об отмене постановления следователя, поскольку последний не правомочен сам отменять собственные решения).

Возникает вопрос о том, возможно ли после трансформации статуса использование сообщенных лицом сведений в процессе доказывания. Если лицо имело статус подозреваемого (обвиняемого), а после этого становится потерпевшим или свидетелем, требуется заново допросить субъекта в новом статусе, поскольку при допросе подозреваемого (обвиняемого) лицо не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний, что снижает доказательственную ценность сообщенных сведений. Напротив, если лицо ранее допрашивалось в статусе свидетеля, а затем становится подозреваемым, показания, данные в качестве свидетеля, могут использоваться в доказывании, только если допрашиваемому было разъяснено конституционное право не давать показания против самого себя и своих близких родственников, а также обеспечены базовые права на защиту, прежде всего — участие адвоката. Хотя правовое положение адвоката свидетеля и защитника подозреваемого в деле несколько различается, непосредственно при участии в допросе различий в правомочиях адвоката практически нет; иными словами, адвокат свидетеля может оказать допрашиваемому такую же помощь, как и защитник подозреваемого.

Существует несовместимость процессуальных статусов. Например, участие лица в деле в качестве свидетеля делает невозможным любое участие в тех статусах, которые обусловлены функциональной ролью (следователя, прокурора, судьи, эксперта, специалиста, переводчика). Данная ситуация имеет ряд не вполне очевидных проявлений.

Во-первых, следователь в суде по обстоятельствам расследования им преступления допрашивается в качестве свидетеля, и такой

⁶ См.: Смолькова И. В., Лавдаренко Л. И. Правовой статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 4 (86). С. 365–366.

допрос исключает возможность принятия уголовного дела к производству этим же следователем в случае его возвращения судом. В науке высказываются возражения против данного порядка и предлагается не производить в суде допрос следователя, а оформлять получение от него необходимых сведений в рамках неких пояснений⁷. Однако подобная процессуальная форма сообщения информации не предусмотрена уголовно-процессуальным законом, в связи с чем единственным приемлемым способом получения сведений является именно допрос лица в качестве свидетеля⁸. Судебная практика также идет по пути допроса следователя в качестве свидетеля, что одновременно исключает возможность дальнейшего расследования им уголовного дела⁹. При этом следователь и оперативный сотрудник не могут допрашиваться по содержанию показаний допрошенных (или опрошенных) ими лиц (прежде всего — обвиняемого и подозреваемого)¹⁰. Во-вторых, предварительный допрос в качестве свидетеля лица, планирующегося к участию в деле в качестве специалиста или переводчика, для уточнения уровня его профессиональных знаний исключает участие в соответствующих статусах.

При этом для трансформации статусов нет препятствий, если она касается необходимости придания лицу статуса, связанного с его личной связью с преступным событием (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого). Более того, такая трансформация с учетом собранных по делу доказательств является обязательной. Вместе с тем, если адвокат являлся по делу защитником, а затем стал подозреваемым (обвиняемым) или свидетелем, имеет значение характер трансформации его данного процессуального статуса. В случае, когда трансформация обусловливается непосредственной причаст-

ностью адвоката к преступлению, нет никаких ограничений на предмет его допроса. Если же статус адвоката изменен ввиду совершения его подзащитным преступных действий, связанных с желанием избежать уголовной ответственности, а адвокат причастен к их совершению, у адвоката, по сути, утрачивается только свидетельский иммунитет на сообщение сведений о преступных действиях его подзащитного. В остальных случаях на полученную адвокатом информацию продолжает распространяться режим адвокатской тайны, и такая информация не может быть получена у адвоката путем его допроса. Иными словами, по общему правилу допрос адвоката, участвовавшего в деле в качестве защитника, недопустим. Исключением является прямо предусмотренная в п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ ситуация, когда о допросе адвоката ходатайствует сам обвиняемый, интересы которого тот ранее защищал¹¹.

Комбинирование процессуальных статусов охватывает ситуации, когда у одного лица возникает несколько различных статусов, и их совмещение не приводит к утрате одного из них. Комбинирование статусов, как правило, имеет место, когда один статус связан с непосредственным отношением к преступлению, а второй — с представлением интересов того или иного лица либо с отдельными законодательно установленными аспектами производства (в частности, имущественными требованиями, проявляющимися при заявлении гражданского иска). Например, один субъект может быть одновременно потерпевшим по делу и законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего по тому же делу. В то же время подобная комбинация для законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) невозможна, поскольку участие взрослого лица в совершении преступления совмест-

⁷ См.: Смолькова И. В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Российский судья. 2013. № 6. С. 12–14.

⁸ См.: Черемисина Т. В. Допрос следователя в суде как способ устранения следственных ошибок // Universum: экономика и юриспруденция. Серия «Право». 2024. № 6 (116). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/17616> (дата обращения: 30.04.2025).

⁹ Постановление Президиума Ленинградского областного суда от 22.12.2000 // Верховный Суд РФ : официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/10746/> (дата обращения: 30.04.2025).

¹⁰ См.: Юнусов А. А., Баширов Т. М. Проблемы допроса должностных лиц правоохранительных органов в суде первой инстанции // Политика, государство и право. 2014. № 4. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/04/1593> (дата обращения: 30.04.2025).

¹¹ См.: Хайдаров А. А. Допрос адвоката в качестве свидетеля по делу его доверителя: вопросы правомерности привода и допустимости доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6 (139). С. 114–115.

но с несовершеннолетним исключает участие взрослого в качестве законного представителя несовершеннолетнего. Комбинирование статусов практически «заложено» уголовно-процессуальным законом для гражданского истца и ответчика, если они при этом являются соответственно потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) по делу.

Возникает проблема производства следственных действий с лицом в условиях комбинирования процессуальных статусов. Законный представитель, не признанный по делу потерпевшим, допрашивается в процессуальном статусе свидетеля. В данном случае законодатель исходит не столько из близости процессуальных функций (они как раз не являются идентичными), сколько из того, что допрос лица носит сугубо функциональный характер и его проведение не влияет на выполнение обязанностей законного представителя. При этом законный представитель при допросе в качестве свидетеля предупреждается об уголовной ответственности только за дачу заведомо ложных показаний, но не за отказ от их дачи, что является важной гарантией обеспечения прав представляемого таким субъектом лица¹². В статусе свидетеля допрашивается лицо, признанное гражданским истцом или ответчиком, если оно не является по делу соответственно потерпевшим или подозреваемым (обвиняемым). В качестве свидетеля допрашивается также лицо, ранее участвовавшее в качестве понятого при производстве других процессуальных действий. Законодатель учитывает, что участие в качестве понятого является самостоятельным видом процессуальной деятельности и в принципе не предполагает обязательности допроса данного лица об обстоятельствах проведения процессуального действия. Участие в качестве понятого носит разовый характер, оно не сопряжено с последующим участием в производстве по делу в целом. Однако при возникновении необходимости допроса понятого (например, при заявлениях других лиц о нарушении порядка

производства процессуального действия, при наличии недостатков в его протоколе и т.п.) его целесообразно допрашивать именно в качестве свидетеля, поскольку предмет показаний понятого соответствует предмету показаний именно свидетеля (сведения о порядке получения доказательств также относятся к сведениям, подлежащим установлению по делу). В науке высказывались предложения о закреплении в УПК РФ отдельных самостоятельных видов допроса законного представителя¹³, гражданского истца и ответчика¹⁴, а также понятого, однако подобной необходимости нет, поскольку, как было отмечено, предмет показаний этих лиц совпадает с предметом показаний свидетеля, а допрос в качестве свидетеля не налагает на субъекта каких-либо дополнительных обязанностей, препятствующих дальнейшей реализации функций законного представителя, гражданского истца или ответчика.

Таким образом, комбинирование процессуальных статусов допускается при наличии следующих условий:

1) статусы характеризуются разной правовой природой: один вытекает из фактической связи лица с преступлением, а второй имеет сугубо функциональный характер;

2) деятельность в одном из этих статусов не нарушает деятельность в другом статусе, т.е. не содержит факторов, уменьшающих права лица или возложение на него обязанностей, исключаящих полноценную защиту своих прав в другом сочетаемом статусе.

Существует несколько особых случаев комбинирования процессуальных статусов. Во-первых, в случае выделения уголовного дела лицо, имевшее по исходному делу статус обвиняемого (подозреваемого), по выделенному делу приобретает специфический процессуальный статус — лица, в отношении которого дело выделено в отдельное производство¹⁵ (законодательно такое правило прямо установлено только для выделения дела в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, но данный

¹² См.: Гушин А. Н. Вопросы участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2022. № 1 (19). С. 43.

¹³ См.: Кирдина Н. А. Процессуальные гарантии объективности производства следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 9–10.

¹⁴ См.: Гришина Е. Б. Показания в системе видов доказательств в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2010. С. 7–8.

¹⁵ См.: Белоусова И. В. Каков статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство? // Российский следователь. 2022. № 8. С. 30–31.

вопрос решается аналогично и по остальным основаниям принятия указанного процессуального решения). При этом комбинирование статусов обусловлено наличием двух самостоятельных уголовных дел. Статус обвиняемого по исходному делу не утрачивается, поскольку привлечение лица к уголовной ответственности продолжается. По выделенному делу следственные действия производятся с лицом в процессуальном статусе свидетеля, однако с применением ряда норм УПК РФ, характерных для обвиняемого (подозреваемого), прежде всего предусматривающих отсутствие предупреждения участника следственного действия об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний¹⁶, что подчеркивает исключительно процессуальную природу наделения субъекта статусом свидетеля¹⁷. Во-вторых, по делам частного обвинения в случае подачи встречного заявления по преступлениям, по которым лица обоюдно совершили преступные действия в отношении друг друга, оба соответствующих субъекта признаются и частными обвинителями, и подсудимыми¹⁸. При этом следственные действия производятся с ними в качестве подсудимых, поскольку указанный статус предоставляет большее количество гарантий (например, возможность отказа от дачи показаний, участие защитника и т.п.)¹⁹.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Процессуальный статус в уголовном деле придается лицу прежде всего в силу фактических обстоятельств (непосредственного отношения лица к преступлению), а при их отсутствии — по функциональным параметрам, обусловленным интересами установления истины по делу и закрепленным в уголовно-процессуальном законе. Процессуальный статус может модифицироваться; существуют три вида модификации: переход, трансформация и комбинирование. Переход имеет место только у субъектов, статус которых не зависит от отношения к преступлению; он возможен исключительно в рамках стороны обвинения. Трансформация означает возникновение у лица нового статуса с одновременной утратой первоначального. Трансформация зависит от полного установления обстоятельств совершения преступления. Комбинирование статусов подразумевает наличие у лица нескольких процессуальных статусов и допускается, когда один статус присваивается в силу фактического фактора, а другой обладает функциональной природой. Развитие теоретических представлений о модификации процессуальных статусов имеет значение как для законодательного закрепления различных вариантов изменения статусов, так и для практической деятельности — для принятия верных решений о наделении субъекта тем или иным статусом по конкретному уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белоусова И. В. Каков статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство? // Российский следователь. 2022. № 8. С. 29–31.

Гришина Е. Б. Показания в системе видов доказательств в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2010. 232 с.

¹⁶ См.: Майорова Л. В. Особенности правового статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 102.

¹⁷ См.: Стельмах В. Ю. Новый участник уголовного судопроизводства — обвиняемый по выделенному уголовному делу («причастный свидетель») // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 3 (57). С. 35–39.

¹⁸ См.: Титов П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 72–73.

¹⁹ См.: Титов П. М. Встречное заявление по уголовным делам частного обвинения: сущность, порядок подачи и разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 148 ; Он же. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 121–121.

Гущин А. Н. Вопросы участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2022. № 1 (19). С. 42–46.

Калинкина Л. Д., Крысина Н. Р. Конфликт интересов доверителей — основание для отвода адвоката в уголовном процессе // Право и практика. 2019. № 4. С. 181–185.

Кирдина Н. А. Процессуальные гарантии объективности производства следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 193 с.

Майорова Л. В. Особенности правового статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1 (50). С. 99–104.

Морозова А. С. Отвод защитника как механизм реализации стратегии защиты прав и свобод обвиняемого и подозреваемого // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 55–59.

Смолькова И. В. Доказательственное значение допроса следователя в качестве свидетеля в суде // Российский судья. 2013. № 6. С. 11–14.

Смолькова И. В., Лавдаренко Л. И. Правовой статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22. № 4 (86). С. 361–368.

Стедьмах В. Ю. Новый участник уголовного судопроизводства — обвиняемый по выделенному уголовному делу («причастный свидетель») // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 3 (57). С. 35–39.

Титов П. М. Встречное заявление по уголовным делам частного обвинения: сущность, порядок подачи и разрешения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 146–152.

Титов П. М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4 (127). С. 69–77.

Титов П. М. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. 160 с.

Хайдаров А. А. Допрос адвоката в качестве свидетеля по делу его доверителя: вопросы правомерности привода и допустимости доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6 (139). С. 114–121.

Черемисина Т. В. Допрос следователя в суде как способ устранения следственных ошибок // Universum: экономика и юриспруденция. Серия «Право». 2024. № 6 (116).

Шатрова А. В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2021. Т. 11. № 4. С. 111–122.

Юнусов А. А., Баширов Т. М. Проблемы допроса должностных лиц правоохранительных органов в суде первой инстанции // Политика, государство и право. 2014. № 4.

REFERENCES

Belousova IV. What is the status of the person against whom the criminal case has been separated into a separate proceeding? *Russian Investigator*. 2022;8:29-31. (In Russ.).

Cheremisina TV. Interrogation of an investigator in court as a way to eliminate investigative errors. *Universum: Economics and Jurisprudence. Series Law*. 2024;6(116). (In Russ.).

Grishina EB. Testimony in the system of types of evidence in criminal proceedings in Russia. Cand. Sci. (Law) Diss. Orel; 2010. (In Russ.).

Gushchin AN. Issues of the participation of a legal representative in the interrogation of a minor suspect (accused). *Criminal Procedure Protection of the Rights and Legitimate Interests of Minors*. 2022;1(19):42-46. (In Russ.).

Kalinkina LD, Krysin NR. The conflict of interests of the principals is the basis for the challenge of a lawyer in criminal proceedings. *Law and Practice*. 2019;4:181-185. (In Russ.).

Khaidarov AA. Questioning an Attorney as a Witness in the Client's Case: Issues of Legality of Compelling Appearance and Admissibility of Evidence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(6)(139):114-121. (In Russ.).

Kirdina NA. Procedural guarantees of the objectivity of the proceedings of investigative actions. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Saratov; 2011. (In Russ.).

Mayorova LV. Features of the legal status of a person in respect of whom a criminal case has been separated into a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2023;1:(50):99-104. (In Russ.).

Morozova AS. A defense lawyer as a mechanism for implementing a strategy for protecting the rights and freedoms of the accused and the suspect. *Criminal Justice*. 2023;22:55-59. (In Russ.).

Shatrova AV. Procedural status of a person in respect of whom proceedings are underway to apply compulsory medical measures. *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*. 2021;11(4):111-122. (In Russ.).

Smolkova IV, Lavdarenko LI. Legal status of a person against whom proceedings are being conducted on the application of compulsory medical measures. *Academic Law Journal*. 2021;22(4)(86):361-368. (In Russ.).

Smolkova IV. Evidentiary significance of the interrogation of the investigator as a witness in court. *Russian Judge*. 2013;6:11-14. (In Russ.).

Stelmakh VYu. A new participant in criminal proceedings — the accused in a dedicated criminal case («involved witness»). *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;3(57):35-39. (In Russ.).

Titov PM. Counterclaim in criminal cases of private prosecution: essence, procedure for filing and permission. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;4(84):146-152. (In Russ.).

Titov PM. Criminal proceedings in cases of private prosecution: monograph. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2022. (In Russ.).

Titov PM. Some problems of criminal proceedings in cases of private prosecution. *Russian Law Journal*. 2019;4(127):69-77. (In Russ.).

Yunusov AA, Bashirov TM. Problems of interrogation of law enforcement officials in the court of first instance. *Politics, State and Law*. 2014;4. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стельмах Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
vstelmah@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Stelmakh, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Judicial Work and Criminal Procedure named after P.M. Davydov, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
vstelmah@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 4 июня 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 28.04.2025.

Revised 04.06.2025.

Accepted 15.07.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.085-095

В. В. Поляков

Алтайский государственный университет
г. Барнаул, Российская Федерация

Применение дипфейк-технологий при совершении высокотехнологичных преступлений

Резюме. Рассмотрен термин «дипфейк», употребляемый в двух смыслах — как дипфейк-технологии и как контент, являющийся результатом применения этих технологий. С криминалистических позиций предложено определение этого понятия. Показано, что дипфейки могут рассматриваться как поддельные характеристики цифрового двойника личности, а используемые для их создания дипфейк-технологии выступают в качестве противоправной подмены характеристик цифрового двойника на искусственно сгенерированный подложный аналог. Недостаточность правового регулирования дипфейк-технологий приводит к широким возможностям для их внедрения в преступную деятельность, особенно при совершении высокотехнологичных преступлений. В связи с этим проанализированы основные тенденции криминального применения дипфейков. Установлено, что дипфейки являются инновационным средством совершения преступлений, архитектура которых представлена комбинацией программной и аппаратной составляющих. Отмечено, что дипфейки применяются не только для непосредственного совершения преступлений, но и для их сокрытия, при этом по своему криминалистическому смыслу они являются инсценировками. С позиций следообразования выделена специфика следов противоправного применения дипфейков: эти следы не отражают реальных событий. В криминалистическом следоведении дипфейки должны рассматриваться как специфический вид подложных электронно-цифровых следов, образуемых при совершении преступлений и противодействии расследованию. Отмечены сложности в уголовном судопроизводстве вследствие применения дипфейков при фальсификации доказательств. Сделан вывод о необходимости разработки практических рекомендаций и технико-криминалистических методов, направленных на обеспечение надежного выявления и исследования дипфейков.

Ключевые слова: информационные технологии; высокотехнологичные преступления; компьютерные преступления; дипфейк; искусственный интеллект; цифровизация; электронно-цифровые следы

Для цитирования: Поляков В. В. Применение дипфейк-технологий при совершении высокотехнологичных преступлений. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 85–95. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.085-095

The Use of Deepfake Technologies in High Tech Crimes

Vitaliy V. Polyakov

Altai State University

Barnaul, Russian Federation

Abstract. The concept of «deepfake» is examined in two senses: as deepfake technologies themselves, and as content produced through the application of these technologies. A definition of this concept is proposed from a forensic science perspective. It is shown that deepfake can be considered as falsified characteristics of a person's digital twin, while the deepfake technologies used to create them constitute an illegal substitution of the digital twin's characteristics with an artificially generated fake analogue. The insufficiency of legal regulation of deepfake technologies leads to wide opportunities for their introduction into criminal activities, especially in the commission of high-tech crimes. In this regard, the main trends in the criminal use of deepfake are analyzed. It is concluded that deepfake are an innovative means of committing crimes, the architecture of which is represented

© Поляков В. В., 2026

by a combination of software and hardware components. It is noted that deepfakes are used not only for the direct commission of crimes, but also for their concealment, while in terms of the forensic significance, they amount to staged scenarios. From the standpoint of trace formation, the specific nature of traces resulting from the illegal use of deepfake is highlighted, determined by the fact that these traces do not reflect real events. In forensic investigative science, deepfake should be regarded as a specific type of fake electronic digital traces formed during the commission of crimes and obstruction of investigation. Difficulties in criminal proceedings arising from the use of deepfake in the falsification of evidence are noted. It is concluded that it is necessary to develop practical recommendations and technical and forensic methods aimed at ensuring reliable detection and investigation of deepfake.

Keywords: information technology; high-tech crimes; computer crimes; deepfake; artificial intelligence; digitalization; electronic digital traces

Cite as: Polyakov VV. The Use of Deepfake Technologies in High Tech Crimes. *Lex russica*. 2026;79(8):85-95. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.085-095

Введение

В настоящее время происходит быстрое развитие информационных технологий, приводящее к цифровизации всех общественных отношений. Негативной стороной этого явления выступает то, что инновационные достижения в области цифровых технологий активно применяются в современной преступной деятельности. К цифровым инновациям в наибольшей степени восприимчивы организованные преступные группы, обладающие необходимыми для этого материально-техническими, финансовыми и кадровыми ресурсами. В первую очередь внедрение цифровых технологий в преступную деятельность наблюдается для динамично развивающейся криминалистической группы высокотехнологичных преступлений. Эта группа преступных деяний характеризуется совершением в групповой форме, с участием специалистов в области информационных технологий, путем применения специально созданных или модифицированных в преступных целях компьютерных средств и удаленного доступа к объектам преступных посягательств по информационно-телекоммуникационным сетям. Одной из последних инноваций, взятых на вооружение организованными преступными группами, являются дипфейк-технологии. Использование дипфейков в преступной деятельности — новая угроза, требующая безотлагательного исследования и практического разрешения.

1. Понятие дипфейк-технологий

Эволюция преступной деятельности в новых условиях цифровой реальности приводит к появлению и быстрому распространению, по выражению А. Н. Савенкова и Е. Р. Россинской, «новых цифровых сущностей»¹. Дипфейки могут рассматриваться как один из примеров этого явления. Понятие «дипфейк» быстро стало предметом исследования различных юридических наук в связи с увеличивающейся потребностью правового противодействия стремительной фейковизации информационной сферы и использованию дипфейков в преступных целях².

Термин «дипфейк» (англ. deepfake, от deep learning — «глубокое обучение» и fake — «подделка») применяется в двух различных смыслах. Во-первых, это дипфейк-технологии, т. е. методы синтеза правдоподобных изображений, видео-, аудиозаписей путем замены исходных данных на поддельные с помощью методов машинного обучения. Можно сказать, что дипфейк-технологии — это математические модели, реализуемые с помощью компьютерных программ и позволяющие массивы данных с реальными голосовыми записями и/или видеоизображениями изменять так, что отличить сгенерированный результат от исходного реального объекта при непосредственном восприятии практически невозможно. Для машинного обучения используются так называемые генеративно-сопоставительные нейронные

¹ Савенков А. Н., Россинская Е. Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 103.

² Правовое противодействие фейковизации информационного пространства : коллективная монография / под ред. Е. С. Аничкина, В. В. Сорокина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025.

сети³, алгоритмы действия которых позволяют путем обучения на больших наборах данных с исходными изображениями и голосовыми записями генерировать правдоподобный аудио-визуальный контент. Во-вторых, дипфейками называют сам контент, созданный с помощью дипфейк-технологий, т.е. измененные видео-изображения и голосовые записи, причем они представляются совершенно реальными. Сразу отметим, что выявить искусственно сгенерированный дипфейк вполне возможно с помощью специальных компьютерных программ.

Использование дипфейк-технологий само по себе не является преступной деятельностью. Для создания дипфейков существует множество программ, находящихся в свободном доступе, в частности бесплатные DeepFaceLab для операционных систем Windows и Linux, Doublicat для мобильных операционных систем Android и iOS. Исходная информация может быть получена, например, из открытых баз данных в сети Интернет. Широкая доступность соответствующего программного обеспечения с открытым кодом позволяет злоумышленникам свободно создавать и распространять дипфейки в преступных целях⁴.

На сегодняшний день в российском законодательстве понятие и специальное регулирование дипфейк-технологий отсутствуют. Использование дипфейков не запрещено и быстро распространяется в различных сферах общественной жизни. В то же время серьезной проблемой является то, что дипфейки предоставляют широкие возможности для внедрения в преступную деятельность. Например, к сотруднику организации по видеосвязи может обратиться злоумышленник, который благодаря использованию специальной программы выглядит и говорит практически неотличимо от руководителя этой организации. Подобные действия будут получать всё большее распространение, поскольку для их совершения требуется только достаточное количество и качество

записей голоса, фотографий или видеозаписей. Таким образом, применение в преступных целях дипфейк-технологий становится опасным инновационным видом криминальных угроз.

2. Дипфейки с позиций криминалистики

С наиболее общих позиций само возникновение дипфейков явилось одним из следствий цифровизации общественных отношений. С этим процессом Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор связали формирование в виртуальном пространстве виртуальных личностей, важнейшей характеристикой которых выступают «цифровые данные о реальном человеке, его виртуальном или “цифровом” образе»⁵. Полагаем, что с такой точки зрения созданные в криминальных целях дипфейки могут рассматриваться как подложный аналог виртуальной личности, а использованная для его создания дипфейк-технология — как противоправный, без ведома реальной личности, способ создания такого аналога.

Применение дипфейк-технологий в преступных целях — это сложное и многоаспектное явление. Прежде всего дипфейк, используемый при совершении преступления, выступает как инновационное *средство преступления*. Исходя из классификации средств высокотехнологичных преступлений дипфейк относится к комбинированным средствам⁶, представленным программной и аппаратной архитектурой, а именно сочетанием специализированной компьютерной программы и аппаратного устройства записи и воспроизведения видео- и/или аудиоконтента.

Кроме того, дипфейк может применяться не только для непосредственного совершения преступления, но и для его сокрытия, и прежде всего для сокрытия идентифицирующих признаков преступника⁷. Подобно тому, как в реальном пространстве преступник надевает парик и т.п., чтобы выглядеть как другой человек,

³ Энциклопедия «Касперского» // URL: <https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/deepfake/> (дата обращения: 20.01.2025).

⁴ Bendiab G., Haïouni H., Moulas I., Shiaele S. Deepfakes in digital media forensics: Generation, AI-based detection and challenges // Journal of Information Security and Applications. 2025. Vol. 88. Art. 103935.

⁵ Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94.

⁶ Поляков В. В. Криминалистическая классификация средств высокотехнологичных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. Вып. 2. С. 423.

⁷ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юрист, 1997. Т. 3 : Криминалистические средства. Приемы и рекомендации. С. 364.

т.е. осуществляет маскировку, в приведенном примере тот, кто по видеосвязи выдает себя за руководителя, маскирует свои внешность и голос. Другими словами, происходит сокрытие преступника в виртуальном пространстве.

Криминалистическая многоаспектность понятия «дипфейк» означает, что оно может быть исследовано и с иной позиции — следообразования. Дипфейки (записи поддельного голоса, изображения и т.д.), использованные при совершении преступления, будучи зафиксированными, выступают в качестве следов преступления. В отличие от традиционных эти следы представляют собой результат воздействия на исходную компьютерную информацию и, как и сама эта информация, могут быть восприняты человеком только с помощью компьютерных систем. Такие следы, существующие в специфической цифровой форме, являются электронно-цифровыми (в различных работах применяются разные термины: «виртуальные», «цифровые», «информационные» и т.д., что не меняет сути)⁸.

Следы, оставляемые дипфейками, обладают принципиальной спецификой. Во-первых, это весьма «узкий» вид электронно-цифровых следов, отражающий компьютерное представление видеоизображения человека и/или его голоса. Во-вторых, и это главное, если обычные электронно-цифровые следы с записью голоса и видео отражают реальное событие (выступление конкретного человека, факт его нахождения в конкретном месте и т.д.), то дипфейки, рассматриваемые в качестве следов преступления, реальных событий не отражают. Искусственно сгенерированные события существуют только

в виртуальном пространстве (в действительности этот человек такую речь не произносил, в данном месте не находился и т.п.). Использование таких следов с целью искажения реальных обстоятельств и их замены на специально созданные вымышленные, выглядящие как совершенно достоверные, по своему криминалистическому смыслу является инсценировкой⁹. Таким образом, с позиций следообразования дипфейки представляют собой инсценированные электронно-цифровые следы. Их создание и использование выступают способом сокрытия преступников путем инсценировки с целью противодействия расследованию.

Отметим, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта¹⁰ вызвало появление самообучающихся компьютерных программ, в настоящее время еще несовершенных. Однако быстрый прогресс в области создания так называемого сильного искусственного интеллекта, на наш взгляд, может привести к возникновению принципиально нового вида электронно-цифровых следов, сгенерированных самообучающейся компьютерной программой вообще без намерения человека и его участия. Они принципиально отличаются от других видов следов отсутствием какой-либо связи с событиями в окружающей действительности. Нужно признать, что для их исследования, в отличие от поддельных следов, искажающих реальные события, в настоящее время еще не разработана криминалистическая теория, отсутствуют практические методики и сертифицированная криминалистическая техника, которые могли бы использоваться правоохранительными органами.

⁸ См.: Мещеряков В. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 265–270 ; Вехов В. Б. Понятие и механизм образования электронно-цифровых следов // Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов : межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград : Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2009. С. 62–72 ; Осипенко А. Л. Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4 (35). С. 31–34 ; Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 115–120.

⁹ Поляков В. В. Криминалистическая классификация способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 1 (63). С. 74.

¹⁰ См.: Бахтеев Д. В. Частные криминалистические теории как источник для разработки прикладных систем искусственного интеллекта в следственной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 2 (28). С. 35 ; Поляков В. В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. 2022. № 25 (36).

3. Основные тенденции криминального применения дипфейк-технологий

На сегодняшний день с помощью дипфейк-технологий может реализовываться довольно большой круг преступных задач. Прежде всего следует выделить криминальные возможности, возникающие при использовании дипфейков для обхода видео- или голосовой идентификации и аутентификации пользователей посредством информационно-телекоммуникационной сети на различных онлайн-сервисах, т.е. при удаленной проверке подлинности физического лица по его изображению или голосу. Преступники могут копировать и затем нужным образом видоизменять изображения пользователя и записи его голоса, создавая на этой основе подложный контент, и с его помощью осуществлять незаконное воздействие на финансово-хозяйственную деятельность организаций, например по передаче материальных ценностей и проведению финансовых операций. Так, Ю. А. Даниленко описывает пример использования с подобными преступными целями методов машинного обучения, обеспечивающих имитацию голоса¹¹. Предоставление фейковых изображений и голосовых данных может быть направлено на получение неправомерного доступа к конфиденциальной информации физических и юридических лиц, к защищаемым персональным данным, к реквизитам банковских счетов и т.д. При совершении преступлений в сфере компьютерной информации дипфейки могут, в частности, способствовать нарушению правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования информационно-телекоммуникационной сетей, установке вредоносного программного обеспечения, а также неправомерному

сбору компьютерной информации, содержащей персональные данные. При мошенничестве дипфейки позволяют обмануть граждан или злоупотребить их доверием посредством имитации общения с реальными банковскими служащими, сотрудниками правоохранительных органов, руководителями организаций и иными доверенными лицами.

По мнению Е. И. Галяшиной и В. Д. Никишина, наибольшую общественную опасность среди различных видов дипфейков представляют на сегодняшний день голосовые дипфейки, сгенерированные нейронными сетями на основе подлинных аудиозаписей речи конкретных людей¹². При этом получаемый дипфейк на слух обычного человека оказывается неотличимым от реального голоса по тембру, эмоциональной окраске и иным особенностям.

Криминальные возможности, предоставляемые таким инновационным средством совершения преступлений, как дипфейк, были быстро оценены организованными группами и преступными сообществами, специализирующимися на совершении высокотехнологичных преступлений. На угрозы правам человека при использовании дипфейк-технологий преступными организациями обратила внимание М. Б. Добробаба¹³. Широкий спектр угроз национальной безопасности, возникающих при овладении дипфейк-технологиями организованными преступными группами, был описан В. Г. Ивановым и Я. Р. Игнатовским¹⁴. Ряд авторов полагает, что применение дипфейков ведет к росту организованной преступности¹⁵.

Привлечение дипфейк-технологий обеспечило быстрое распространение высокотехнологичных преступлений, получивших название «спуфинг-атаки», или «спуфинг» (от англ. spoofing — «подмена»). Под спуфингом понимается незаконная деятельность в информаци-

¹¹ Даниленко Ю. А. Проблемы расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы Международной научно-практической конференции, Мисхор (Большая Ялта), 26–27 сентября 2019 г. Симферополь : Ариал, 2019. С. 38.

¹² Galyashina E. I., Nikishin V. D. The protection of megascience projects from deepfake technologies threats: information law aspect // Journal of Physics : Conference Series. 2022. Vol. 2210. P. 012007.

¹³ Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 114.

¹⁴ Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2020. № 4. С. 381.

¹⁵ Ali A., Khushboo K. F., Naseem H., et al. Battle of Deep Fakes: Artificial Intelligence Set to Become a Major Threat to the Individual and National Security // International Conference on Cyber Resilience (ICCR), Dubai, United Arab Emirates, 6–7 October 2022. Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE), 2022. P. 1–5.

онно-телекоммуникационной сети, при которой преступник выдает себя за конкретное лицо или надежный источник информации. Обычно спуфинг применяется для получения конфиденциальных сведений с целью дистанционного хищения денежных средств, внедрения вредоносных компьютерных программ и т.п. Думается, что особую опасность представляет объединение технологий спуфинга и методов социальной инженерии¹⁶, негативно воздействующих на когнитивные способности потерпевших и провоцирующих на осуществление определенных действий, нужных преступникам. Такое объединение за счет возникающего синергетического взаимодействия обеспечивает дополнительные криминальные преимущества и высокую эффективность преступных посягательств.

Особое внимание следует обратить на угрозы уголовному судопроизводству, возникающие при использовании в качестве электронных доказательств цифровых видеоизображений и голосовых записей. По мнению ряда авторов, эти риски являются наиболее значимыми, поскольку они снижают доверие к таким доказательствам и требуют переоценки их применения¹⁷. Ранее подобные доказательства, полученные процессуально допустимым образом, не вызывали особых сомнений. Полагаем, что на сегодняшний день распространение дипфейк-технологий уже требует дополнительной проверки привлекаемых для доказывания цифровых аудио- и видео-записей на предмет отсутствия искусственно сгенерированного контента. Кроме того, представляется справедливым мнение, что дипфейк-технологии могут существенно затруднить внедрение системы электронного правосудия¹⁸.

Применение дипфейков в качестве криминальных инсценировок может повлечь такое тяжелое последствие, как обвинение невиновных лиц. Используемые для противодействия

расследованию инсценировки, по мнению Е. А. Мироновой и В. А. Образцова, являются крайне сложной для разоблачения формой «криминальных фикций»¹⁹. Тяжело также выявить и доказать основанную на применении дипфейков фальсификацию доказательств, ложные показания свидетелей, заключения экспертов и специалистов. Искусственно сгенерированные данные могут долгое время фигурировать в уголовном деле в качестве доказательств, существенно искажая реальные обстоятельства расследуемого дела, затрудняя выдвижение и проверку криминалистических версий. Специфика и опасность инсценировок с применением дипфейк-технологий и сложность их изобличения традиционными методами, на наш взгляд, требуют отдельного исследования.

4. Противодействие применению дипфейков в преступных целях

Криминалистическое противодействие использованию дипфейков в преступной деятельности требует разработки новых практических рекомендаций, предназначенных для правоохранительных органов. Полагаем, что криминалистические основы расследования преступных деяний, в которых в качестве инновационных средств преступления используются дипфейки, были заложены в работах отечественных криминалистов. Так, В. Я. Колдин писал, что при установлении подлинности информации выделяются случаи, в которых «форма выражения информации в исходном и опосредствованном источниках различается», и на примере фонографических записей отмечал, что их подлинность «может быть установлена только техническим путем (исследованием механизма записи и воспроизведения)»²⁰.

¹⁶ См.: Головин А. Ю., Головина Е. В. Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 3–13 ; Поляков В. В. Применение методов социальной инженерии при совершении высокотехнологичных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 3 (27).

¹⁷ Sandoval M. P., Almeida Vau M. de, Solaas J., Rodrigues L. Threat of deepfakes to the criminal justice system: a systematic review // Crime Science. 2024. Vol. 13. Art. 41.

¹⁸ Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 180.

¹⁹ Миронова Е. А., Образцов В. А. Криминальная инсценировка как система фикций // Образование и право. 2019. № 2. С. 182.

²⁰ Колдин В. Я. Электронная информация в праве // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 2. С. 104.

Дипфейк-технологии эволюционируют крайне быстро даже на фоне ускоренного развития других технологий искусственного интеллекта. Как следствие, отличить искусственно сгенерированные речь или видеоизображение от оригинала при непосредственном восприятии уже сейчас очень сложно, а в ближайшем будущем станет возможным только при использовании методик, основанных на применении специализированных программных средств. На сегодняшний день находятся в свободном обращении компьютерные программы, в определенной степени способные решать эту задачу, например бесплатные сервисы Forensically, Image Edited, DeepFaceLab, Deepware Scanner. Алгоритмы работы подобных программ обычно основаны на использовании сверточных нейронных сетей, которые позволяют за счет учета пространственных и временных аномалий в распределениях пикселей на изображении или амплитудно-частотных характеристик аудиосигнала выявлять дипфейки²¹ (например, по движению зрачков, отсутствию тени, неестественной изогнутости линий, несоответствию акустики месту съемки при анализе фоновых шумов в аудиофайле и т.д.). В то же время исследователи справедливо указывают на недостаточную готовность методического обеспечения судебной экспертизы к выявлению дипфейков²² и отмечают потребность в специализированном криминалистическом инструментарии, который бы обеспечивал надежное выявление искусственно сгенерированного контента²³. Это свидетельствует о возрастающей роли и важности дальнейшего развития судебных компьютерно-технических экспертиз²⁴,

ориентированных на такие новые задачи, как выделение дипфейковых видеоизображений и аудиоданных в доказательственных материалах, используемых в процессе расследования, и разделение в этих материалах дипфейкового контента и оригинала. Проведение таких экспертиз потребует высокой квалификации в сфере компьютерной обработки изображений и акустических сигналов, а также привлечения экспертов с другими специализациями для проведения комплексных экспертиз²⁵.

Значительно затрудняет противодействие высокотехнологичным преступлениям, в которых используются дипфейки, неразработанность уголовно-правовой квалификации таких деяний. В связи с этим заслуживает внимания мнение о введении уголовной ответственности за использование и распространение дипфейков в преступных целях²⁶. Совершенно обоснованно предложение ввести в качестве нового квалифицирующего признака совершение преступлений с применением дипфейков²⁷. Полагаем также, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное с привлечением дипфейк-технологий, с позиций действующего уголовного законодательства может квалифицироваться по совокупности преступлений, подпадающих под действие ст. 159.6 и новой статьи 272.1 УК РФ (введенной Федеральным законом от 30.11.2024 № 421-ФЗ).

В 2010–2020-е гг. активно велась разработка информационных систем, предназначенных для широкого использования биометрических данных. Ведущие коммерческие банки, прежде всего крупнейшее в Российской Федерации ПАО «Сбербанк», государственные органы,

²¹ Amerini I., Barni M., Battiato S., et al. Deepfake Media Forensics: Status and Future Challenges // *Journal of Imaging*. 2025. Vol. 11 (3). P. 1–42.

²² Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2023. Т. 28. № 4. С. 47.

²³ Исакова А. Г., Осин А. В. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // *Вестник науки*. 2024. Т. 3. № 1 (70). С. 237.

²⁴ Россинская Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2014. № 3. С. 114–121 ; Галяшина Е. И. Диагностика аутентичности цифровых фонограмм в фоноскопической экспертизе: возможности и пределы исследования // *Вестник экономической безопасности*. 2018. № 1. С. 34–41.

²⁵ Galyashina E. I., Nikishin V. D. Op. cit. P. 012007.

²⁶ Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция»*. 2021. № 3. С. 62.

²⁷ Ефремова М. А., Русскиевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 103.

отвечающие за функционирование государственных (федеральных и региональных) информационных систем, обоснованно планировали внедрение удобных удаленных систем идентификации и аутентификации с помощью информационно-телекоммуникационных сетей на основе записей голоса пользователей и их изображений при обращении граждан за получением услуг. По-видимому, распространение дипфейк-технологий и негативные последствия их криминального применения не вполне учитывались при определении перспективных направлений цифровизации. Представляется, что быстрое развитие этих технологий ставит под сомнение возможность надежной удаленной идентификации и аутентификации личности по биометрическим параметрам, таким как видеоизображение лица и голосовые данные. В этой связи нужно поддержать мнение М. А. Желудкова²⁸ о недооценке той опасности, которую несет расширяющееся применение в преступных

целях технологий искусственного интеллекта, обеспечивающих создание дипфейков.

Заключение

Полагаем, что в ближайшее десятилетие можно уверенно прогнозировать значительный рост высокотехнологичных преступлений с использованием дипфейк-технологий. Разработки в сфере искусственного интеллекта с неизбежностью будут приводить к созданию новых и изменению существующих способов совершения преступлений, в которых могут быть задействованы дипфейки. В связи с этим важны дальнейшее изучение правовой сущности дипфейк-технологий и способов использования дипфейков в преступной деятельности, а также выработка криминалистических приемов, средств и методов для их эффективного выявления, фиксации, исследования и оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтеев Д. В. Частные криминалистические теории как источник для разработки прикладных систем искусственного интеллекта в следственной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 2 (28). С. 32–43.
- Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства. Приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 480 с.
- Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 28. № 4. С. 42–55.
- Вехов В. Б. Понятие и механизм образования электронно-цифровых следов // Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов : межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград : Изд-во Калинингр. ЮИ МВД России, 2009. С. 62–72.
- Галяшина Е. И. Диагностика аутентичности цифровых фонограмм в фоноскопической экспертизе: возможности и пределы исследования // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 34–41.
- Головин А. Ю., Головина Е. В. Социальная инженерия в механизме преступной деятельности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 3–13.
- Даниленко Ю. А. Проблемы расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы Международной научно-практической конференции, Мисхор (Большая Ялта), 26–27 сентября 2019 г. Симферополь : Ариал, 2019. С. 37–39.
- Добробаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 112–119.
- Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97–105.
- Желудков М. А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 63–70.

²⁸ Желудков М. А. Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica. 2021. Т. 74. № 4. С. 68.

Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2020. № 4. С. 379–386.

Исакова А. Г., Осин А. В. Применение искусственного интеллекта в расследовании преступлений с использованием технологии «дипфейк» // Вестник науки. 2024. Т. 3. № 1 (70). С. 235–242.

Киселев А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2021. № 3. С. 54–64.

Колдин В. Я. Электронная информация в праве // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2016. № 2. С. 96–110.

Лаптев В. А. Deepfake и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 180–186.

Мещеряков В. А. Следы преступлений в сфере высоких технологий // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 265–270.

Миронова Е. А., Образцов В. А. Криминальная инсценировка как система фикций // Образование и право. 2019. № 2. С. 182–196.

Осипенко А. Л. Проблемы вовлечения электронно-цифровых следов в уголовный процесс // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4 (35). С. 31–34.

Поляков В. В. К проблеме использования понятия «искусственный интеллект» в криминалистике // Юрислингвистика. 2022. № 25 (36). С. 21–28.

Поляков В. В. Криминалистическая классификация способов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 1 (63). С. 69–79.

Поляков В. В. Криминалистическая классификация средств высокотехнологичных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. Вып. 2. С. 421–439.

Поляков В. В. Применение методов социальной инженерии при совершении высокотехнологичных преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 3 (27). С. 175–188.

Правовое противодействие фейковизации информационного пространства : коллективная монография / под ред. Е. С. Аничкина, В. В. Сорокина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025. 454 с.

Россинская Е. Р. Генезис и проблемы развития новых родов и видов судебных экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 114–121.

Савенков А. Н., Россинская Е. Р. Вектор развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110.

Семикаленова А. И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 115–120.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

Ali A., Khushboo K. F., Naseem H., et al. Battle of Deep Fakes: Artificial Intelligence Set to Become a Major Threat to the Individual and National Security // International Conference on Cyber Resilience (ICCR), Dubai, United Arab Emirates, 6–7 October 2022. Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE), 2022. P. 1–5.

Amerini I., Barni M., Battiato S., et al. Deepfake Media Forensics: Status and Future Challenges // Journal of Imaging. 2025. Vol. 11 (3). P. 1–42.

Bendiab G., Haiouni H., Moulas I., Shiaeles S. Deepfakes in digital media forensics: Generation, AI-based detection and challenges // Journal of Information Security and Applications. 2025. Vol. 88. Art. 103935.

Galyashina E. I., Nikishin V. D. The protection of megascience projects from deepfake technologies threats: information law aspect // Journal of Physics : Conference Series. 2022. Vol. 2210. P. 012007.

Sandoval M. P., Almeida Vau M. de, Solaas J., Rodrigues L. Threat of deepfakes to the criminal justice system: a systematic review // Crime Science. 2024. Vol. 13. Art. 41.

REFERENCES

- Ali A, Khushboo KF, Naseem H, et al. Battle of Deep Fakes: Artificial Intelligence Set to Become a Major Threat to the Individual and National Security. International Conference on Cyber Resilience (ICCR), Dubai, United Arab Emirates, 6–7 October 2022. Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE); 2022. P. 1–38.
- Amerini I, Barni M, Battiato S, et al. Deepfake Media Forensics: Status and Future Challenges. *Journal of Imaging*. 2025;11(3):1-42.
- Anichkina ES, Sorokina VV, (eds.). Legal counteraction to the «fakification» of the information space: A collective monograph. Barnaul: Altai University Publishing House; 2025. (In Russ.).
- Bakhteev DV. Private forensic theories as a source for the development of applied artificial intelligence systems in investigative activities. *Sibirskie ugovolno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya [Siberian criminal process and criminalistic readings]*. 2020;2(28):32-43. (In Russ.).
- Belkin RS. Course of criminalistics: in 3 volumes. Vol. 3: Forensic tools. Techniques and recommendations. Moscow: Yurist Publ.; 1997. (In Russ.).
- Bendiab G, Haiouni H, Moulas I, Shiaeles S. Deepfakes in digital media forensics: Generation, AI-based detection and challenges. *Journal of Information Security and Applications*. 2025;88:103935.
- Bodrov NF, Lebedev AK. Criminal law and criminalistic aspects of countering the spread and use of deepfakes in the Russian Federation. *Criminalistics: Yesterday, today, tomorrow*. 2023;28(4):42-55. (In Russ.).
- Danilenko YuA. Problems of investigation of certain types of cybercrimes committed using artificial intelligence. In: Problems of obtaining and using evidentiary and criminalistically significant information. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Miskhor (Bolshaya Yalta), September 26–27, 2019. Simferopol: Arial Publ.; 2019. P. 37–39. (In Russ.).
- Dobrobaba MB. Deepfakes as a threat to human rights. *Lex russica*. 2022;75(11):112-119. (In Russ.).
- Efremova MA, Ruskevich EA. Deepfake and criminal law. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]*. 2024;15-2(56):97-105. (In Russ.).
- Galyashina EI, Nikishin VD. The protection of megascience projects from deepfake technologies threats: Information law aspect. *Journal of Physics: Conference Series*. 2022;2210:012007.
- Galyashina EI. Diagnostics of authenticity of digital phonograms in phonoscopic examination: Possibilities and limits of research. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2018;1:34-41. (In Russ.).
- Golovin AY, Golovina EV. Social engineering in the mechanism of criminal activity in the field of information and telecommunication technologies. *Izvestiya Tuskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki [Proceedings of the TSU. Economic and Legal Sciences]*. 2013;2(2):3-13. (In Russ.).
- Isakova AG, Osin AV. The use of artificial intelligence in the investigation of crimes using deepfake technology. *Vestnik nauki*. 2024;3-1(70):235-242. (In Russ.).
- Ivanov VG, Ignatovsky YaR. Deepfakes: Prospects for application in politics and threats to personality and national security. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya «Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie» [RUDN Journal of Law. Series: State and municipal government]*. 2020;4:379-386. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Chernogor NN. Law in the conditions of digital reality. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;1:85-102. (In Russ.).
- Kiselyov AS. On the need for legal regulation in the field of artificial intelligence: Deepfake as a threat to national security. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya» [Bulletin of the Moscow State Region University. Jurisprudence Series]*. 2021;3:54-64. (In Russ.).
- Koldin VYa. Electronic information in law. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo*. 2016;2:96-110. (In Russ.).
- Laptev VA. Deepfake and other artificial intelligence products on the path of online justice development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(11):180-186. (In Russ.).
- Meshcheryakov VA. Traces of crimes in the field of high technology. *Biblioteka kriminalista [Criminalist's Library]*. 2013;5(10):265-270. (In Russ.).
- Mironova EA, Obratsov VA. Crime re-enactment as a system of fictions. *Obrazovanie i pravo*. 2019;2:182-196. (In Russ.).
- Osipenko AL. Problems of involving electronic and digital traces in the criminal process. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia]*. 2009;4(35):31-34. (In Russ.).

Polyakov VV. Criminalistic classification of means of high-tech crimes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. 2024;15(2):421-439. (In Russ.).

Polyakov VV. Criminalistic classification of methods of countering the investigation of high-tech crimes. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law Enforcement Practice]*. 2023;1(63):69-79. (In Russ.).

Polyakov VV. On the problem of using the concept of «artificial intelligence» in criminology. *Yurilingvistika [Legal Linguistics]*. 2022;25(36):21-28. (In Russ.).

Polyakov VV. The use of social engineering methods in the commission of high-tech crimes. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. 2023;3(27):175-188. (In Russ.).

Rossinskaya ER. Genesis and problems of development of new genera and types of forensic examinations. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2014;3:114-121. (In Russ.).

Sandoval MP, Almeida Vau M de, Solaas J, Rodrigues L. Threat of deepfakes to the criminal justice system: A systematic review. *Crime Science*. 2024;13. Art. 41.

Savenkov AN, Rossinskaya ER. The development vector of criminalistic science in the conditions of global digitalization. *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 2023;5:100-110. (In Russ.).

Semikalenova AI. Digital footprints: Purpose and production of expertise. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 2019;5:115-120. (In Russ.).

Vekhov VB. The concept and mechanism of the formation of electronic and digital traces. In: The use of modern information technologies and problems of information security in the activities of law enforcement agencies: Interuniversity thematic collection of scientific papers. Kaliningrad: Kaliningrad Publishing house. Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2009. P. 62–72. (In Russ.).

Zheludkov MA. Justification of the necessity to adjust law enforcement agencies to digital transformation of criminality. *Lex russica*. 2021;74(4):63-70. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поляков Виталий Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета
д. 61, Ленина пр., г. Барнаул 656049, Российская Федерация
agupolyakov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly V. Polyakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Altai State University Law Institute, Barnaul, Russian Federation
agupolyakov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 28 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 13 мая 2025 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 28.04.2025.

Revised 13.05.2025.

Accepted 15.07.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.096-105

С. Г. Коновалов

Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Исключение доказательств, собранных с нарушением личных прав: поиск концептуальной основы

Резюме. Автор рассматривает концепции, преследующие цель объяснить, почему доказательства, собранные с нарушением личных прав, должны исключаться, даже ценой истинности приговора. Выделяются четыре теории: 1) теория дисциплинирования органов расследования; 2) теория поддержания легитимности процесса; 3) теория полной защиты личных прав и 4) теория аннулирования несправедливых преимуществ. Отмечается, что первые две концепции не могут обосновать, почему исключение доказательств — лучшее решение. Классический способ дисциплинирования нарушителей — юридическая ответственность. При этом порицание неправомерных действий вполне может быть выражено в частном постановлении суда. Важно учитывать и риск обратного эффекта от исключения доказательств: нарушители могут не только не воспитываться, но и чувствовать себя безнаказанными, а легитимность правосудия может быть подорвана сознательным отходом от истины (оправданием виновного и наоборот). Объяснительная сила альтернативных теорий выше, но их действие ограничено строгими рамками. Автор приходит к выводу, что исключение доказательств не может служить ни универсальным инструментом, ни оптимальным способом защиты личных прав в уголовном процессе.

Ключевые слова: доказательства; уголовный процесс; права человека; личные права; исключение; допустимость; недопустимость

Для цитирования: Коновалов С. Г. Исключение доказательств, собранных с нарушением личных прав: поиск концептуальной основы. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 96–105. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.096-105

Exclusion of Evidence Collected in Violation of Personal Rights: In Search of a Conceptual Framework

Sergey G. Kononov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author explores concepts aimed at explaining why evidence collected in violation of personal rights should be excluded, even at the cost of the truth of the verdict. Four theories stand out: 1) the theory of disciplining investigative bodies; 2) the theory of maintaining the legitimacy of the process; 3) the theory of the full protection of personal rights and 4) the theory of the annulment of unfair advantages. It is noted that the first two concepts cannot justify why excluding evidence is the best solution. The classic way to discipline violators is through legal liability. At the same time, the condemnation of illegal actions may well be expressed in a private court decision. It is also important to consider the risk of a backlash effect resulting from the exclusion of evidence: offenders may not only fail to be deterred but may also feel impunity, and the legitimacy of justice may be undermined by a deliberate departure from the truth (by acquitting the guilty or, conversely, convicting the innocent). The explanatory power of alternative theories is higher, but their action is limited by strict limits. The author concludes that the exclusion of evidence cannot be either a universal tool or an optimal way to protect personal rights in criminal proceedings.

© Коновалов С. Г., 2026

Keywords: evidence; criminal procedure; human rights; personal rights; exclusion; permissibility; inadmissibility
Cite as: Konovalov SG. Exclusion of Evidence Collected in Violation of Personal Rights: In Search of a Conceptual Framework. *Lex russica*. 2026;79(8):96-105. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.096-105

Введение

Приступая к рассуждению об исключении доказательств, для начала стоит определиться с понятиями. Дело в том, что в сравнительно-правовой перспективе сам термин «исключение доказательств» не универсален. При всей его привычности для нашего права он всё же прежде всего характерен для англосаксонских правовых порядков. Именно там обсуждение качества доказательств связано с учением об их *допустимости* (англ. *admissibility*) и возможности их исключения (англ. *exclusion*)¹. Присутствие же этих понятий в российской правовой лексике², по-видимому, обусловлено тем влиянием, которое английская юриспруденция оказывала на дореволюционную теорию доказательств³, а американское право — на наше современное уголовно-процессуальное законодательство⁴.

При этом традиции, присущие европейскому континенту, выглядят несколько иначе. Так, французское право предпочитает рассуждать не столько о самих доказательствах, сколько о действиях и решениях, направленных на их собирание. В установленных случаях суд вправе констатировать их *недействительность* (фр. *nullité*), вследствие чего собранная информация теряет доказательственное значение⁵. Немецкие же авторы традиционно прибегают к концепции запретов на использование доказательств (нем. *Beweisverwertungsverbote*)⁶.

Так или иначе, важно понимать, что при всем разнообразии существующих понятий и механизмов речь идет о вполне универсальной проблеме.

Ясно, что в любой стране органы расследования заинтересованы в том, чтобы максимально быстро и полно раскрывать обстоятельства уголовных дел. Очевидно также, что самые быстрые и эффективные методы сбора информации — это методы репрессивные, т.е. вступающие в конфликт с правами и свободами граждан. Поэтому законодатель любой страны вынужден строить сбалансированную процедуру, которая, с одной стороны, разрешает вторжение в права (поскольку на кону стоят весомые интересы), а с другой стороны, предоставляет гарантии их защиты.

Например, мы едва ли найдем хоть одно государство с абсолютным запретом на обыск жилища. Однако в современном праве это следственное действие будет непременно окружено множеством защитных барьеров: обязанностью конкретизации и обоснования, судебным контролем *ex ante*, присутствием владельца и понятых и т.д.

Но в таких условиях неизбежно встает вопрос: как быть, если орган расследования злоупотребит данной ему властью и нарушит гарантии или пределы репрессии, установленные законом? Собственно, одним из ответов на него и стала рассматриваемая здесь идея.

Как уже было сказано, формулироваться она может по-разному. Различные правовые порядки используют разные термины и механизмы. Однако за ними стоит общий посыл: доказательства, полученные с нарушением личных прав, обычно не могут быть положены в основу приговора. Именно эта универсальная идея будет рассмотрена далее. Рассуждая о ней, будем для краткости применять термин «исключение

¹ См., например: *Monaghan N. Law of Evidence*. Cambridge, 2015. P. 2.

² Оба этих понятия встречаются уже в дореволюционной монографии Л. Е. Владимирова. См.: *Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах*. Тула, 2000. С. 125, 375.

³ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2025. С. 335.

А. Я. Вышинский и вовсе называл дореволюционных ученых поклонниками английского доказательственного права. См.: *Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве*. М., 1950. С. 125.

⁴ См. об этом: *Spence M. J. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform* // *Carnegie Papers*. 2005. № 60. P. 1–19.

⁵ См. подробнее: *Pradel J. France: Procedural Nullities and Exclusion* // *Exclusionary Rules in Comparative Law* / ed. by S. C. Thaman. Springer, 2013. P. 145–160.

⁶ См., например: *Ambos K. Beweisverwertungsverbote*. Berlin, 2010.

доказательств» как наиболее привычный для российского читателя.

Развитие идеи

Для европейского континента рассматриваемая идея в некотором смысле традиционна. Как известно, инквизиционный процесс строился на строгих правилах доказывания, нарушение которых довольно часто приводило к исключению доказательств⁷. Что особенно важно, эти правила защищали не только достоверность приговора, но и другие ценности, включая права обвиняемого⁸.

Так, М. Дамаска обращает внимание на одно громкое уголовное дело, имевшее место в XVI в. в Италии. Гражданин, обвиняемый в убийстве при отягчающих обстоятельствах, был незаконно подвергнут пытке. Получив его признание, суд постановил обвинительный приговор, который впоследствии был обжалован. В защиту обвиняемого выступил Просперо Фариначчи, один из виднейших юристов того времени. Его центральным аргументом, основанным на множестве авторитетных источников, стал тезис о том, что суд не может опираться на доказательства, полученные с нарушением «естественных прав» человека⁹.

Впоследствии инквизиционный процесс претерпел кризис, и в XIX в. господствующим принципом стала свободная оценка доказательств. Как итог, доказывание стало менее формализованным¹⁰. Однако идея исключения доказательств забыта не была. Разумеется, главной целью этого института по-прежнему оставалось обеспечение достоверности приговора. Отступление от строгой процессуальной формы рассматривалось прежде всего как посягатель-

ство на материальную истину. Тем не менее доктрина, как и прежде, настаивала на непригодности доказательств, посягающих на иные, более значимые ценности. Как писал Г. А. Цахариэ, «исследование материальной истины настолько должно иметь место, насколько это совместимо с другими правовыми и моральными требованиями»¹¹.

Что касается англосаксонского права, для него долгое время был характерен иной подход. Хотя сам инструмент исключения доказательств не только существовал, но и до сих пор часто считается визитной карточкой англо-американского уголовного процесса¹², его применение преследовало цели, не связанные с защитой личных прав. Еще в начале XX в. Дж. Уигмор, один из крупнейших теоретиков доказательственного права в США, указывал, что незаконность собирания доказательств не может влиять на их допустимость. При этом он поддерживал данное правило, называя его давним установлением и особо подчеркивая, что оно вовсе не оправдывает нарушение, а лишь настаивает на его игнорировании в интересах правосудия¹³.

Впрочем, в XX в. разрыв между континентальной и англосаксонской традицией был преодолен. Сегодня подход, согласно которому незаконность вторжения в сферу личных прав способна повлечь исключение доказательств, распространился повсеместно. Законодатели и суды по всему миру вынуждены «“баланси-ровать”, т.е. выносить ценностные суждения, лавируя между Сциллой основных или конституционных прав и Харибдой истины и достоверности в уголовных делах»¹⁴. Когда суд исключает результаты обыска, проведенного без санкции суда, он делает это не ради истины, и

⁷ *Damaška M. R. Evidence Law Adrift. Yale University Press, 1997. P. 13.*

⁸ Как отмечает К. Пеннингтон, именно средневековые юристы впервые обосновали идею надлежащей правовой процедуры (due process), заключающую в себе особую заботу о правах обвиняемого. При этом суды Средневековья «придерживались этого принципа... более строго, чем современные американские и большинство европейских судов» (*The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law / ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Washington, 2016. P. 4.*).

⁹ *Damaška M. R. Evidence Law Adrift. P. 13–14.*

¹⁰ Например, российские судебные уставы основывались на том, что «убеждение не знает других законов, кроме указаний разума и внушений совести» (*Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. С. 189.*).

¹¹ Цит. по: *Владимиров Л. Е. Указ. соч. С. 125.*

¹² См. об этом: *Damaška M. R. Evidence Law Adrift. P. 12.*

¹³ *Wigmore J. H. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law. Vol. III. Toronto, 1905. P. 2955.*

¹⁴ *Thaman S. C. Balancing Truth Against Human Rights: A Theory of Modern Exclusionary Rules // Exclusionary Rules in Comparative Law. P. 408.*

даже часто вопреки ей, по той лишь причине, что орган расследования нарушил неприкосновенность частной жизни¹⁵.

В России этот подход получил законодательную поддержку на самом высоком уровне. Согласно ч. 2 ст. 50 Конституции, при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона¹⁶. Как итог, для российского юриста идея исключения доказательств, собранных с нарушением личных прав, часто выглядит не просто привычной, но и само собой разумеющейся¹⁷.

Однако здесь есть одна очевидная проблема. Иногда исключенные доказательства имеют решающее значение для обоснования вины. И тогда суд бывает вынужден оправдать того, кто в действительности совершил преступление¹⁸. При этом в оправдательном приговоре непременно констатируется невиновность обвиняемого, которому дается полное право на реабилитацию¹⁹. Как однажды метко выразился американский судья и правовед Б. Кардозо, порою «преступник должен быть освобожден, поскольку констебль допустил ошибку»²⁰.

В такой ситуации ни о какой самоочевидности правила об исключении доказательств говорить не приходится. За ним должна стоять концепция, внятно объясняющая, почему мы должны не просто наказывать следователя и возмещать обвиняемому ущерб, но еще и жертвовать истиной, исключая достоверную информацию.

Теория дисциплинирования органов расследования

Сегодня существует несколько концепций, объясняющих возможность исключения доказательств, полученных с нарушением личных прав. Первая и, пожалуй, самая известная из них — это теория дисциплинирования органов расследования. Ее сторонники исходят из того, что исключение доказательств — лучший способ отучить органы расследования от нарушения закона. Поскольку каждый человек ценит свой труд и бережно относится к его плодам, бороться с беззаконием можно и нужно путем «признания бесплодности, никчемности затраченных усилий. Только так можно возродить, сохранить и приумножить у практических работников чувство величайшей ответственности за честь, здоровье и жизнь людей, оказавшихся в орбите правоохранительной деятельности»²¹.

В свое время эта теория стала «доминирующим аргументом в пользу правила об исключении доказательств» в американском праве, поскольку она особо полюбилась Верховному суду США. В его решениях не раз звучала мысль о том, что это правило существует только для предотвращения нарушений²².

Впрочем, сегодня даже в американском контексте этот тезис звучит довольно спорно. Признав, что правило об исключении имеет «дорогостоящие последствия для установления истины», Верховный суд США в конце концов пришел к тому, что оно должно быть «крайней

¹⁵ Как пишет К. Рогаль, «сегодня общепризнано, что запреты на сбор доказательств ограничивают обязанность и возможность установления истины в целях защиты интересов, которые законодатель ставит выше интересов уголовного преследования» (*Rogall K. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen der Lehre von den strafprozessualen Beweisverboten // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1979. Н. 1. С. 8*). В этом же ключе см.: *Кипнис Н. М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 79–80.

¹⁶ Подобная норма еще в апреле 1992 г. была включена в текст Конституции 1978 г. В финальной редакции ст. 65 указывалось, что доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы.

¹⁷ Заметим, что вне постсоветского пространства правило об исключении редко формулируется столь широко и категорично (см.: *Thaman S. C.* Op. cit. P. 441).

¹⁸ Как отмечает М. Дамаска, гипотетически возможна и обратная ситуация: суд убежден в невиновности обвиняемого, но совокупность доказательств, оставшаяся после процедуры исключения, указывает на виновность (*Damaška M.* Evaluation of Evidence. Cambridge, 2019. P. 124).

¹⁹ *Строгович М. С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 208–211.

²⁰ *People v. Defore*, 242 N. Y. 13, 21 (1926) // URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/3599253/people-v-defore/> (дата обращения: 15.02.2026).

²¹ *Савицкий В. М.* Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М., 1995. С. 78.

²² *Jackson J. D., Summers S. J.* The Internationalisation of Criminal Evidence. Cambridge, 2012. P. 154.

мерой», подлежащей тесту на соразмерность²³. Но можно ли эффективно воспитывать полицию, лишь изредка реагируя на ее нарушения?

Кроме того, не секрет, что в наши дни подавляющее большинство приговоров в США основано на сделках²⁴. И хотя риск исключения доказательств в теории может стать предметом торга, сам факт неизбежности обвинительного приговора и отсутствия нормальной судебной процедуры в случае признания вины делает дисциплинирующий эффект еще более эфемерным.

Что же касается континентальной уголовно-процессуальной традиции, для нее идея воспитания правоохранительных органов посредством исключения незаконно добытых доказательств выглядит еще более проблематичной. Как отмечает немецкий исследователь К. Роксин, для стран, придающих особое значение идее материальной истины, подобные «воспитательные меры» смотрятся совсем уж странно²⁵. Хотя несомненно, что ни одно общество не хочет терпеть беззаконие со стороны органов расследования, не менее очевидно, что любое общество заинтересовано в справедливом наказании всех преступников.

В общем, воспитывать нерадивых сотрудников, безусловно, нужно, но для этого существуют и более традиционные механизмы, такие как меры дисциплинарной (а иногда и уголовной) ответственности, а также институт частных постановлений (ч. 4 ст. 29 УПК РФ)²⁶. При этом защита нарушенных прав граждан должна обеспечиваться разумной компенсацией причиненного вреда.

В контексте критики теории дисциплинирования весьма примечательной кажется дискуссия, непосредственным участником которой стал автор этих строк. В ноябре 2025 г. в стенах юридического факультета МГУ состоялась конференция, посвященная столкновению права силы и силы права. После доклада, ключевые тезисы которого легли в основу данной статьи, со стороны одного из коллег, имеющих отно-

шение к правоохранительной деятельности, прозвучал любопытный комментарий. Как оказалось, моего визави смутило упоминание дисциплинарной ответственности. По его мнению, наказание не самых законопослушных сотрудников приведет к тому, что «все разбегутся».

Если задуматься, то это замечание звучит иронично. Выходит, что в реальности исключение доказательств может не только не восприниматься следователями как мера дисциплинирующего воздействия, но и, напротив, превратиться в своеобразный щит, отгораживающий их от ответственности за свои проступки. Дескать, если есть нарушение, исключайте доказательства, а нас не трогайте. Пожалуй, это еще один весомый довод против рассматриваемой теории.

Теория поддержания легитимности процесса

Вторую популярную теорию лучше всего описывает знаменитый вопрос Чацкого: «А судьи кто?» Есть ли моральное право преследовать нарушителей закона у системы, терпимой к собственным нарушениям? И будут ли граждане уважать чужие права, если главный защитник их прав относится к ним без должного уважения?

Здесь уместно вновь процитировать Верховный суд США: «Преступник останется на свободе, если так будет нужно, но в этом случае освободит его именно закон. Ничто не может разрушить государство быстрее, чем нарушение им своих собственных законов или, что еще хуже, пренебрежение основами своего собственного существования... Государство — могущественный, вездесущий учитель. Весь народ учится на его примере, будь он добрым или дурным... Становясь нарушителем закона, государство порождает презрение к закону... [и] призывает к анархии»²⁷.

Разумеется, непосредственным нарушителем прав в интересующей нас ситуации высту-

²³ *Thaman S. C. Op. cit. P. 430.*

²⁴ См., например: *Weiser B. Trial by Jury, a Hallowed American Right, Is Vanishing* // URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/08/nyregion/jury-trials-vanish-and-justice-is-served-behind-closed-doors.html> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁵ *Roxin C. Strafverfahrensrecht. München, 2012. S. 172.*

²⁶ Главная цель этого механизма, потенциал которого явно недооценен судебной практикой, как раз и состоит в открытом выражении отношения суда к нарушению закона и строгом напоминании нарушителю о необходимости правомерного поведения.

²⁷ *Map v. Ohio, 367 U.S. 659 (1961)* // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/643/> (дата обращения: 15.02.2026).

пает не суд, а орган расследования. Но важно ли это? — По мнению О. Холмса, нет. Запрещающая вторжение в личные права, закон запрещает и попустительство со стороны суда²⁸. Еще категоричней по этому поводу выразился Ф. Франкфуртер: если доказательства получены с «вопиющим пренебрежением процедурой», принявший их судья «сам становится соучастником умышленного неповиновения закону»²⁹.

Если эта логика верна, выходит, что механизм исключения доказательств поддерживает легитимность всей системы правосудия³⁰. И на первый взгляд кажется, что это действительно так, особенно в ситуации не просто незаконного, а преступного вторжения в права. Разве может суд принять показания, полученные под пыткой? Как можно уважать борца с преступностью, покрывающего преступления?

Однако эта концепция страдает всё от того же недостатка. Подобно теории дисциплинирования, она не объясняет, почему исключение доказательств — единственный или лучший инструмент для поддержания легитимности. Представим, что судья принял спорное доказательство, но всё же выразил свой протест против нарушения, направив частное постановление в адрес следователя. Допустим, что следователь потом был наказан. Можно ли утверждать, что легитимность правосудия и уважение к закону были подорваны? К тому же встает вопрос, насколько легитимно правосудие, осознанно оставляющее преступников без наказания³¹.

В общем, «конечно, суды всегда должны заботиться о справедливости (the integrity) судебного разбирательства, но эта забота имеет ограниченную силу как аргумент, оправдывающий

исключение доказательств с высоким доказательственным значением»³².

Теория полной защиты личных прав

Эта теория строится на том, что ущемление прав гражданина не заканчивается в тот момент, когда доказательства собраны. Допустить их использование в суде — значит возобновить и продолжить нарушение.

Обосновывая эту идею, К. Рогаль приводит довольно убедительный и притом вполне жизненный пример³³. Представим, что свидетель, не осведомленный о существовании свидетельской привилегии, дал показания против своей супруги. Очевидно, что наибольший ущерб правам гражданина причинит не столько получение, сколько использование этих показаний в суде. Ведь именно осуждения лица исходя из принудительных показаний его супруга стремится избежать законодатель.

Тем не менее остается вопрос, как быть с теми многочисленными ситуациями, когда нарушение прав прекращается одновременно с собиранием доказательств. Например, когда лицо, обязанное давать показания, было допрошено под пыткой.

Сам К. Рогаль отрицает реальность этой проблемы. Он утверждает, что судья, использующий подобные доказательства, «увечковечил и утвердил» бы нарушение прав, совершенное другими органами и, как следствие, сам совершил бы дальнейшее нарушение прав»³⁴. Кроме того, раз защита прав в уголовном процессе обусловлена тем, что истина не может достигаться ценой их нарушения, значит, доказательства,

²⁸ Olmstead v. United States, 277 U.S. 470 (1928) (Dissenting opinion) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/277/438/> (дата обращения: 15.02.2026).

²⁹ McNabb v. United States, 318 U.S. 345 (1943) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/318/332/> (дата обращения: 15.02.2026).

³⁰ В науке предлагались и другие объяснения того, почему суд не должен мириться с нарушениями при собирании доказательств. Например, утверждалось, что иной подход лишал бы государство ореола морального превосходства или что сам подсудимый, видя произвол властей, не смог бы почувствовать всю низость своего деяния (см. об этом: Schröder S. Beweisverwertungsverbote und die Hypothese rechtmäßiger Beweiserlangung im Strafprozeß. Berlin, 1992. S. 31). Однако эти соображения едва ли требуют отдельного рассмотрения, поскольку в целом они также укладываются в логику идеи поддержания легитимности.

³¹ Rogall K. Op. cit. S. 14.

³² Stone v. Powell, 428 U.S. 485 (1976) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/428/465/> (дата обращения: 15.02.2026).

³³ Rogall K. Op. cit. S. 17.

³⁴ Rogall K. Op. cit. S. 20.

добытые порочным путем, не могут приниматься судом. В противном случае получилось бы, что путь, пройденный для достижения истины, все-таки содержал бы в себе запрещенные методы³⁵.

Эти аргументы едва ли можно признать убедительными. Тезис об «увечивании и утверждении» мало чем отличается от отвергнутых ранее соображений о «соучастии» суда в чужом нарушении. Его негативная реакция на нарушение в виде частного постановления о недопустимости незаконных действий вполне решает эту проблему.

Что касается аргумента о запрете достигать истины любой ценой, он имел бы вес, если бы путь достижения истины был автономной ценностью в глазах законодателя. Однако очевидно, что, когда уголовно-процессуальный закон гарантирует неприкосновенность жилища, тайну переписки и т.д., он заботится не о процессуальной форме как таковой, а о правах граждан. Соответственно, в ситуации, когда использование доказательств само по себе не нарушает ничьи права, суд едва ли можно обвинить в беспринципном движении к истине. В конце концов, как верно заметил К. Роксин, «запрет на использование доказательств не возместит причиненный ущерб и никому не принесет дополнительной пользы»³⁶. Другими словами, для защиты прав он бесполезен.

Таким образом, хотя эта концепция и имеет определенный потенциал, она в лучшем случае способна обосновать довольно узкое применение института исключения доказательств.

Теория аннулирования несправедливых преимуществ

Четвертая концепция, названная мною теорией аннулирования несправедливых преимуществ, отчасти перекликается с предыдущей. В каком-то смысле она также исходит из того,

что истина не может достигаться ценой нарушенных прав³⁷, однако акценты здесь расставлены иначе.

Суть этой теории в том, что информация, добытая через нарушение прав обвиняемого, не должна становиться оружием против него. Превращать ее в преимущество стороны обвинения было бы крайне несправедливо. Иначе говоря, проблема допуска незаконно собранных доказательств — не в способах поиска истины, а в способах уличения обвиняемого. Их использование усугубляет не нарушение прав как таковое, а положение уже и так уязвленного гражданина.

Вот как об этом пишет один из вдохновителей этой теории Э. Эшворт: «Если правовая система устанавливает определенные стандарты проведения уголовного расследования... можно утверждать, что граждане имеют соответствующие права на предоставление им определенных благоприятных условий... Если правовая система должна уважать эти права, то можно утверждать, что подозреваемый, права которого были нарушены, не должен оказываться из-за этого в невыгодном положении... То есть доказательства, полученные субъектом расследования в результате нарушения, не должны использоваться против подозреваемого. И надлежащий способ обеспечить, чтобы подозреваемый не был поставлен в то самое невыгодное положение, — это предоставление суду полномочия исключать доказательства, полученные неправомерными методами»³⁸.

Как видим, эта теория также имеет ограниченное применение. Речь в ней идет лишь о вторжении в права самого обвиняемого. Если же нарушение коснулось прав других лиц (допустим, свидетеля), то применимость данной концепции сомнительна³⁹.

Кроме того, у нее есть один серьезный внутренний недостаток. Говорить о преимуществе, полученном в результате нарушения, можно лишь в том случае, если без нарушения эта ин-

³⁵ Rogall K. Op. cit. S. 21.

³⁶ Roxin C. Strafprozeßrecht: Prüfe dein Wissen. München, 1982. S. 249.

³⁷ Поэтому ее даже называют теорией прав (rights theory) или защитным принципом (protective principle). См.: Jackson J. D., Summers S. J. Op. cit. P. 155; Ashworth A. Excluding Evidence as Protecting Rights // Criminal Law Review. 1977. P. 723–735.

³⁸ Цит. по: Roberts P. Excluding Evidence as Protecting Constitutional or Human Rights? // Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in honour of Andrew Ashworth / ed. by L. Zedner, J. V. Roberts. Oxford, 2012. P. 174.

³⁹ Это роднит ее со знаменитой немецкой теорией правовой сферы. См. о ней: Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. С. 68–73.

формация не была бы добыта. Проблема, однако, в том, что обычно мы не можем достоверно этого знать. Как гласит известный афоризм, история не терпит сослагательного наклонения⁴⁰. И хотя это утверждение не стоит понимать слишком строго⁴¹, ясно, что после получения некоей информации сложно категорично заявлять, что без нарушения она никогда и никак не была бы собрана. Мы не имеем возможности это проверить, поскольку к состоянию неведения, существовавшему до нарушения, нам уже не вернуться. «Скрытые обстоятельства или тайны всегда раскрываются безвозвратно»⁴².

Например, если следователь вопреки закону провел обыск без санкции суда, мы не можем быть уверены, что в случае обращения в суд разрешение не было бы получено. Как отмечает С. Шрёдер, в итоге на практике («почти») любая погрешность в расследовании, которая «сама по себе» привела бы к запрету на использование доказательств, может, если судья сочтет это приемлемым, быть отброшена одной простой фразой: «Теоретически можно было бы сделать всё законно»⁴³. И действительно, во многих правовых порядках в том или ином виде существует возможность защитить доказатель-

ство от исключения, сославшись на гипотезу о его возможном правомерном собирании⁴⁴.

Заключение

Не претендуя на окончательный и детальный характер этого обзора⁴⁵, заметим, что поиск безупречной концептуальной основы для исключения доказательств, полученных с нарушением личных прав, раз за разом заводит нас в тупик.

Это объясняет, почему данный институт, несмотря на стремительный взлет в середине XX в., впоследствии стал терять свои позиции⁴⁶. Неудивительно также, что ни ученые, ни судьи не могут прийти хоть к какому-то консенсусу относительно того, какие нарушения считать существенными (т.е. достаточными для исключения), а также должно ли, и если да, то насколько широко, применяться правило плодов отравленного дерева⁴⁷. И совсем уж показательно, что Европейский Суд по правам человека, будучи одним из гарантов личных прав, всё же во многих случаях старательно воздерживается от суждений о допустимости неправомерно полученных доказательств⁴⁸.

⁴⁰ Или, как говорил историк К. Хампе, «история не знает никаких “если”» (*die Geschichte kennt kein Wenn*). Цит. по: *Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...?* Berlin, 2010. S. 16.

⁴¹ По мнению немецкого историка А. Демандта, «историческое воображение, ограниченное правилами вероятности», всё же бывает полезным. «Размышление о несостоявшейся истории, несмотря на понятные сомнения, необходимо, несмотря на значительные трудности, возможно и имеет познавательную ценность для осмысления произошедшей истории». *Demandt A. Op. cit. S. 16.*

⁴² *Rogall K. Op. cit. S. 19.*

⁴³ *Schröder S. Op. cit. S. 23.*

В монографии автор цитаты выдвигает ряд идей, направленных на более сдержанное и менее субъективное применение ссылок на «гипотетически возможные законные пути».

⁴⁴ *Schröder S. Op. cit. S. 16–17.*

⁴⁵ Представленная классификация является авторской. В научной литературе предлагались и иные попытки систематизации теорий с упоминанием некоторых других подходов (см., например: *Rogall K. Op. cit. S. 12–16*; *Schröder S. Op. cit. S. 28–36*; *Jackson J. D., Summers S. J. Op. cit. P. 153–158*). И всё же думается, что эти подходы в целом вписываются в рамки четырех обозначенных теорий.

⁴⁶ Напомню, что Верховный суд США после волны решений, закладывавших, как казалось, широкий подход к исключению доказательств, в итоге пришел к тому, что оно должно быть «крайней мерой» (что иронично, Суд утверждал, что так «было всегда») (см.: *Hudson v. Michigan*, 547 U.S. 591 (2006) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/547/586/> (дата обращения: 15.02.2026)). Как отмечает М. Каммак, сегодня мы можем быть свидетелями «почти полной деконституционализации правила об исключении доказательств» (*Cammack M. E. The United States: The Rise and Fall of the Constitutional Exclusionary Rule // Exclusionary Rules in Comparative Law. P. 31*).

⁴⁷ Как указывает К. Рогаль, осмысленные ответы на эти вопросы «можно будет дать лишь после того, как будет объяснена функция запретов на использование доказательств» (*Rogall K. Op. cit. S. 12*).

⁴⁸ *Ölçer F. P. The European Court of Human Rights: The Fair Trial Analysis Under Article 6 of the European Convention of Human Rights // Exclusionary Rules in Comparative Law. P. 373–375.*

Можно резюмировать, что по крайней мере на данный момент исключение незаконно собранных доказательств все-таки не может быть ни универсальным инструментом, ни оптимальным способом защиты личных прав в уголовном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. 464 с.
- Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. 308 с.
- Кипнис Н. М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. 128 с.
- Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2025. 1041 с.
- Савицкий В. М. Перед судом присяжных: виновен или невиновен? М., 1995. 92 с.
- Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. 384 с.
- Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. 157 с.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. 573 с.
- Ambos K. Beweisverwertungsverbote. Berlin, 2010.
- Ashworth A. Excluding Evidence as Protecting Rights // *Criminal Law Review*. 1977. P. 723–735.
- Damaška M. Evaluation of Evidence. Cambridge, 2019.
- Damaška M. R. Evidence Law Adrift. Yale University Press, 1997.
- Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...? Berlin, 2010.
- Exclusionary Rules in Comparative Law / ed. by S. C. Thaman. Springer, 2013.
- Jackson J. D., Summers S. J. The Internationalisation of Criminal Evidence. Cambridge, 2012.
- Monaghan N. Law of Evidence. Cambridge, 2015.
- Roberts P. Excluding Evidence as Protecting Constitutional or Human Rights? // *Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in honour of Andrew Ashworth* / ed. by L. Zedner, J. V. Roberts. Oxford, 2012. P. 171–190.
- Rogall K. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen der Lehre von den strafprozessualen Beweisverboten // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1979. H. 1. S. 1–44.
- Roxin C. Strafprozeßrecht: Prüfe dein Wissen. München, 1982.
- Roxin C. Strafverfahrensrecht. München, 2012.
- Schröder S. Beweisverwertungsverbote und die Hypothese rechtmäßiger Beweiserlangung im Strafprozeß. Berlin, 1992.
- Spence M. J. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform // *Carnegie Papers*. 2005. № 60. P. 1–19.
- The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law / ed. by W. Hartmann, K. Pennington. Washington, 2016.
- Wigmore J. H. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law. Vol. III. Toronto, 1905.

REFERENCES

- Ambos K. Beweisverwertungsverbote. Berlin; 2010.
- Ashworth A. Excluding Evidence as Protecting Rights. *Criminal Law Review*. 1977:723-735.
- Damaška M. Evaluation of Evidence. Cambridge; 2019.
- Damaška MR. Evidence Law Adrift. Yale University Press; 1995.
- Demandt A. Ungeschehene Geschichte. Ein Traktat über die Frage: Was wäre geschehen, wenn...? Berlin; 2010.
- Filimonov BA. Foundations of the Theory of Evidence in German Criminal Proceedings. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Foynitsky IYa. The course of the criminal proceedings. Vol. 2. St. Petersburg; 1910. (In Russ.).
- Golovko LV, (ed.). The course of criminal procedure. Moscow; 2025. (In Russ.).
- Hartmann W, Pennington K, (eds.). The History of Courts and Procedure in Medieval Canon Law. Washington; 2016.
- Jackson JD, Summers SJ. The Internationalisation of Criminal Evidence. Cambridge; 2012.

- Kipnis NM. The admissibility of evidence in criminal proceedings. Moscow; 1995. (In Russ.).
- Monaghan N. Law of Evidence. Cambridge; 2015.
- Roberts P. Excluding Evidence as Protecting Constitutional or Human Rights? Principles and Values in Criminal Law and Criminal Justice: Essays in honour of Andrew Ashworth. Zedner L, Roberts JV, (eds.). Oxford; 2012. P. 171–190.
- Rogall K. Gegenwärtiger Stand und Entwicklungstendenzen der Lehre von den strafprozessualen Beweisverboten. *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1979;1:1-44.
- Roxin C. Strafprozeßrecht: Prüfe dein Wissen. München; 1982.
- Roxin C. Strafverfahrensrecht. München; 2012.
- Savitsky VM. Before the jury: Guilty or innocent? Moscow; 1995. (In Russ.).
- Schröder S. Beweisverwertungsverbote und die Hypothese rechtmäßiger Beweiserlangung im Strafprozeß. Berlin; 1992.
- Spence MJ. The Complexity of Success: the U. S. Role in Russian Rule of Law Reform. *Carnegie Papers*. 2005;60:1-19.
- Strogovich MS. Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process. Moscow; 1955. (In Russ.).
- Thaman SC, (ed.). Exclusionary Rules in Comparative Law. Springer; 2013.
- Vladimirov LE. The Doctrine of Criminal Evidence. Tula; 2000. (In Russ.).
- Vyshinsky AY. The theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow; 2006. (In Russ.).
- Wigmore JH. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law. Vol. III. Toronto; 1905.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновалов Сергей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
д. 1, Ленинские горы, ГСП-1, г. Москва 119991, Российская Федерация
sgkonovalov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey G. Konovalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutorial Supervision, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
sgkonovalov@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 12 марта 2026 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 15.02.2025.

Revised 12.03.2026.

Accepted 15.07.2026.

Б. А. Шахназаров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовое обеспечение отдельных форм трансфера университетских технологий через призму зарубежного опыта

Резюме. В современных условиях необходимости динамичного научно-технического развития обеспечение инновационной, технологической и иной творческой деятельности университетов как центров генерации новых знаний, формирования новых навыков приобретает особое значение. Система партнерства, участие в консорциумах и иных объединениях научно-практической направленности становится неотъемлемым элементом развития современного университета. При этом ключевое значение сохраняют вопросы правового обеспечения в университетах трансфера технологий, распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности, выстраивания системы их учета, охраны, коммерциализации. Формирование в обозначенном ракурсе университетских предприятий для трансфера технологий, эффективных партнерств как на национальном, так и на международном уровне также порождает проблематику реализации взаимного интереса, мотивации сотрудничества академического и индустриального партнеров, выстраивания бизнес-моделей такой кооперации, ориентации университетского предпринимательства и совместной деятельности на обеспечение различных уровней готовности технологий в контексте достижения технологического лидерства по конкретным технологиям и производственным процессам. В статье рассматриваются проблемы правового обеспечения деятельности по созданию и функционированию малых инновационных предприятий, малых технологических компаний, научно-производственных объединений с учетом релевантного зарубежного опыта. Сформулирован ряд выводов, в том числе о том, что в силу рыночного характера отношений по введению технологий, готовых продуктов в оборот особое значение для университетов должны приобретать результаты интеллектуальной деятельности, в большей степени ориентированные на защиту решения на рынке, такие как секреты производства, программное обеспечение (программы для ЭВМ).

Ключевые слова: малые инновационные предприятия; малые технологические компании; научно-производственные объединения; трансфер технологий; коммерциализация РИД; университетские предприятия; инновации; зарубежный опыт; технологическое лидерство; интеллектуальная собственность

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Правовое обеспечение отдельных форм трансфера университетских технологий через призму зарубежного опыта. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 106–120. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.106-120

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Support for Selected Forms of University Technology Transfer through the Lens of Foreign Experience

Benjamin A. Shakhnazarov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. In modern conditions of the need for dynamic scientific and technological development, ensuring the innovative, technological, and other creative activities of universities — as centers for generating new knowledge and shaping new skills — takes on particular importance. A system of partnerships, participation in consortia, and other science- and practice-oriented associations has become an integral element in the development of the modern university. At the same time, key issues remain the legal support within universities for technology transfer, the allocation of rights to results of intellectual activity, and the establishment of systems for their accounting, protection, and commercialization. The formation, in this context, of university-based enterprises for technology transfer and of effective partnerships at both national and international levels also raises problems concerning the realization of mutual interests, the motivation for cooperation between academic and industry partners, the design of business models for such cooperation, and the orientation of university entrepreneurship and joint activities toward ensuring different levels of technology readiness in the context of achieving technological leadership in specific technologies and production processes. The paper examines the problems of legal support for the establishment and operation of small innovative enterprises, small technology companies, scientific and industrial associations, taking into account relevant foreign experience. A number of conclusions have been drawn, including the point that, given the market-oriented nature of relations involved in introducing technologies and finished products into stream of commerce, intellectual property results that are more focused on protecting a solution in the market, such as trade secrets and software (computer programs), should gain particular importance for universities.

Keywords: small innovative enterprises; small technology companies; scientific and production associations; technology transfer; commercialization of intellectual property; university enterprises; innovations; foreign experience; technological leadership; intellectual property

Cite as: Shakhnazarov BA. Legal Support for Selected Forms of University Technology Transfer through the Lens of Foreign Experience. *Lex russica*. 2026;79(8):106-120. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.106-120

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Для большинства современных университетов вопросы содействия достижению технологического лидерства, правового обеспечения эффективного трансфера технологий, коммерциализации академических результатов интеллектуальной деятельности (РИД) в условиях стремительного технологического развития общественных отношений во всем мире приобретают особое институциональное значение.

Для определения оптимального пути формирования эффективной организационно-правовой модели коммерциализации РИД вузов целесообразным представляется анализ релевантного зарубежного опыта.

Например, в Великобритании инновационные компании, создаваемые на базе университе-

тов, играют важную роль в стимулировании экономического роста, основанного на инновациях, в частности предоставляя механизм для коммерциализации прорывных технологий, возникающих в результате университетских исследований, которые открывают новые возможности для создания ценностей в существующих отраслях, содействуют формированию новых рынков и предлагают новые коммерческие решения, позволяющие другим компаниям повышать производительность и эффективность деятельности¹. После достижения критической массы они обеспечивают развитие предпринимательской динамики местного кластера или ключевой отрасли.

В настоящее время среди политиков и других заинтересованных сторон ведется интенсивная

¹ См.: Ulrichsen T. C., Roupakia Z., Kelleher L. Busting myths and moving forward: the reality of UK university approaches to taking equity in spinouts. Policy Evidence Unit for University Commercialisation technical report. University of Cambridge, 2022. URL: <https://doi.org/10.17863/CAM.118883>.

дискуссия, направленная на понимание того, как укрепить способность британских систем исследований и предпринимательских инноваций генерировать больше перспективных инновационных проектов, стартапов для раскрытия новых источников экономического роста и промышленной конкурентоспособности.

При этом, что примечательно, в такого рода обсуждениях внимание уделяется в первую очередь уровню участия университетов в капитале компаний, созданных на их основе, и определению того, повышает ли это результативность таких компаний и их способность привлекать внешнее финансирование для развития и роста. Дискуссия осложняется также отсутствием надежных и систематических данных о реальном положении дел в британских университетах, касающихся поддержки компаний, созданных на основе их деятельности (например, для коммерциализации различных видов интеллектуальной собственности), и аргументации такого подхода.

За период с 2012 по 2021 г. количество сделок по выделению инновационных компаний в университетах Британии удвоилось, объем инвестиций, привлеченных британскими компаниями, вырос с 970 млн фунтов стерлингов до более чем 5 млрд фунтов стерлингов, а ведущие британские университеты, использующие совершенно разные подходы к привлечению капитала для своих дочерних предприятий, привлекли значительные объемы капитала, предназначенного для инвестиций в эти компании².

Система университетов Великобритании развивается и адаптируется к меняющимся внешним и внутренним условиям и давлению, и в последние годы многие университеты, создающие дочерние компании, пересмотрели свою политику в отношении акционерного капитала и интеллектуальной собственности. Стоит отметить и высокое значение консультативных процессов пересмотра, направленных на балансирование конкурирующих интересов и мотивов ключевых внутренних и внешних заинтересованных сторон. Для понимания особенностей системы функционирования компаний на базе университетов в Великобритании целесообразно учитывать не только проблематику акционерного капитала, но и жизненный цикл и системный характер процесса создания таких компаний и соответствующих технологий.

Систематизация подходов к созданию инновационных компаний на базе университетов, формированию команд, коммуникаций со структурными элементами университета, его работниками, определению организационной структуры, функционального содержания деятельности, распределению прав на РИД, структурированию партнерской сети, определению возможности взаимодействия с промышленными партнерами в консорциумном формате позволит оптимизировать деятельность университета по трансферу технологий, реализации знаниявого потенциала в производственных и технологических цепочках. Проблематика формирования капитала таких компаний, распределения прибыли, прав на РИД с промышленным партнером, государственным заказчиком, между авторами-работниками и самим университетом, безусловно, имеет важное значение, обозначенные вопросы целесообразно решать предварительно, в том числе на уровне соответствующей политики университета.

Здесь надо понимать, что такого рода компании, возможно выстраивающие определенные траектории выходов на соответствующие рынки технологий, готовой продукции, не могут и не должны, что логично, позиционироваться без соответствующей связи с университетом. В обозначенном контексте важна гармоничная интеграция малых инновационных предприятий, создаваемых на базе университетов, в университетскую среду, в том числе в систему бренда университета с соответствующим позиционированием и увязкой на ресурсы, историю, компетенции и возможности университета, включая его инфраструктуру и партнеров. При этом преобладающее значение для эффективного функционирования таких компаний одновременно приобретает их самостоятельный экономический характер с точки зрения возможных организационно-правовых форм. Такого рода компании способны реализовать коммерческий потенциал, который нецелесообразно реализовывать университету как таковому с учетом академического, экспертного, верховного характера внутривузовских процессов. Инновационные компании, создаваемые на базе университетов, в ряде случаев дают большую свободу в выборе партнеров, заключении коммерческих договоров, расширяют делкоспособность. Такого рода возможности должны служить стимулом для авторов, разработчиков

² См.: *Ulrichsen T. C., Roupakia Z., Kelleher L.* Op. cit.

и инноваторов, поскольку предоставляют организационно-правовую возможность и в ряде случаев соответствующую инфраструктуру для коммерциализации, рыночного позиционирования РИД, результатов соответствующих исследований. Университет также должен быть заинтересован в результативности таких компаний, не реализовывать формальный подход к созданию на своей базе инновационных предприятий, сводящийся к отчетности, формальному повышению KPI, а на партнерских началах способствовать развитию их деятельности.

Кроме того, представляется необходимым преодолеть позицию ориентации внимания университета только на размер акционерного капитала, который он приобретает в своих инновационных компаниях на этапе основания, и интегрировать в свою функцию по контролю и взаимодействию с инновационными компаниями более широкий набор условий сделок по распределению функционала, прибыли, прав. Целесообразно согласовать условия лицензирования и постоянный доступ к университетским ресурсам и экспертизе, которые будут влиять на оценку компании.

Отмечается, что многие университеты разработали «сегментированную модель» с различными подходами к долевого участию для разных типов дочерних компаний³. В целом в такой модели реализована попытка отразить обстоятельства и потребности различных типов дочерних компаний. Ключевыми факторами, влияющими на уровень долевого участия, запрашиваемого университетами, являются объем и тип прав на объекты интеллектуальной собственности, передаваемых дочерней компании, уровень предоставляемой поддержки (в том числе финансовой) и условия лицензирования (в частности, возмездный или безвозмездный характер, роялти в первом случае).

Если выделение компании основано в первую очередь на интеллектуальной собственности университета и приводит к выгодам от инвестиций университетских ресурсов (в натуральной или финансовой форме) для разработки технологии и/или ведения бизнеса, медианный уровень доли университета в капитале на момент привлечения инвестиций составляет 33 %. Заранее согласованные пулы акций для будущего руководителя — генерального директора, опционы для сотрудников или других целей, как правило, пропорционально

размывают долю как университета, так и учредителей. С учетом этих пулов медианная доля университета в капитале на момент привлечения инвестиций составляет 20 %.

При приобретении университетами такого уровня акций интеллектуальная собственность часто лицензируется либо без роялти, либо на выгодных для компании условиях.

В случае когда университет внес меньший вклад в выделение компании (меньше интеллектуальной собственности или инвестиций поддержки), медианная доля университета в капитале на момент привлечения инвестиций составляет 10 %, снижаясь до 5 % после учета заранее согласованных пулов акций.

Здесь можно говорить и о целесообразности совмещения, синергии деятельности по созданию и продвижению малых инновационных предприятий с фандрайзинговой деятельностью университета. Консолидация возможностей университета в единую систему в обозначенном контексте может служить базисом процессов продвижения, коммерциализации внутриуниверситетских проектов в целом и его инновационной деятельности, в том числе в формате партнерского взаимодействия.

Если говорить о Великобритании, то ее университеты, хотя и финансируются в основном из государственного бюджета, являются автономными организациями, обычно созданными как определенные благотворительные организации.

Действительно, ориентация на коммерциализацию, экономические основы консолидированной деятельности университетов и инновационных предприятий, финансовую результативность такой деятельности позволяет с точки зрения возможного трека нормативного регулирования усилить контроль за финансовыми потоками и организационными решениями университетов в сфере поддержки инновационной деятельности, новых разработок. Без гибкого контроля и четких требований реальная коммерциализация — запуск рыночных инструментов и экономических механизмов инновационной деятельности университетов, трансфера технологий — представляется невозможной. При этом с учетом рыночного, конкурентного характера риски такой деятельности должны быть распределены между бизнесом — инвесторами, университетом и такими компаниями. Так, только должная

³ См.: *Ulrichsen T. C., Roupakia Z., Kelleher L. Op. cit.*

мотивация всех сторон рассматриваемых процессов и отношений, обеспеченная четкими правовыми режимами, действующими на этапе учреждения инновационных предприятий (устав, учредительный договор и др.), а также на этапе их функционирования (четкие договорные обязательства по распределению ответственности, рисков) и ликвидации, позволяет воспринимать и использовать институт инновационных предприятий на базе университетов как привлекательный и прозрачный рыночный инструмент взаимовыгодного трансфера технологий и развития инноваций в той или иной отрасли.

Модели организации предприятий, создаваемых на базе университетов, обычно называемые спин-офф или спин-аут (спин-офф чаще обозначает зависимое предприятие на базе университета, а спин-аут предполагает выделение отдельной и независимой (или более автономной) компании работниками с помощью инвесторов; иногда обозначенные термины используются как синонимичные), долгое время являлись за рубежом одним из важнейших каналов, по которым знания передаются из высших учебных заведений и государственных научно-исследовательских институтов на рынки⁴. Исторически сложилось так, что синергетическое развитие науки, техники и экономики неоднократно зависело от таких механизмов трансляции, от ранней индустриализации до современной экономики знаний. В современную эпоху «третья миссия» университетов вывела передачу знаний и коммерциализацию на новый уровень наряду с образованием и исследованиями, внедрив предпринимательскую роль в институциональную структуру высших учебных заведений⁵. В этом смысле университетские спин-офф-компании представляют собой видимое и часто критикуемое связующее звено между «лабораторией» и рынком. Несмотря на их значимость, терминология и операционная практика остаются неоднородными. Такие термины, как «выделение из университета», «выделение из другого

университета», «академический стартап» или «университетская технологическая фирма», используются непоследовательно в различных научных, правовых и институциональных контекстах⁶. Неоднозначность определений не ограничивается только семантикой, напротив, в случаях, когда в разных исследованиях учитываются разные базовые группы населения, одни фокусируются на предприятиях, которые лицензируют или получают права на интеллектуальную собственность университета, другие — на предприятиях, чье преимущество основано на академическом человеческом капитале и неявных знаниях, эмпирические результаты становятся трудно обобщить, а оценки той или иной политики могут быть неоднозначными.

Например, в США режим после Байха — Доула (1980) институционализировал владение интеллектуальной собственностью университетов и стимулировал структуры трансфера технологий.

Ассоциация менеджеров университетских технологий (AUTM) в целях отчетности определяет стартап-компанию узко — как фирму, созданную специально для разработки технологий, лицензированных университетом. Эта концепция повышает сопоставимость, но исключает траектории с минимальным использованием интеллектуальной собственности. В Европе Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейская комиссия (ЕК) продвигали системы оценки, исторически ориентированные на формальные каналы интеллектуальной собственности; более поздние рекомендации ЕС расширяют фокус с «интеллектуальной собственности» на «интеллектуальные активы», явно включая программные комплексы, программное обеспечение и данные в стратегии повышения ценности знаний. Независимый обзор Великобритании по вопросам создания университетских стартапов и ответ британского правительства подчеркивают давление на установление стандартов в отношении равенства, лицензирования и скорости сделок, что имеет последствия для

⁴ Paluch P., Skala A. Spin-Off vs. Spin-Out: A Dual-Category Approach and Minimal Descriptors for Comparable Research and Policy // *Marketing of Scientific and Research Organizations*. 2025. Vol. 56. P. 86–112. URL: https://www.researchgate.net/publication/399163208_Spin-Off_VS_Spin-Out_A_Dual-Category_Approach_and_Minimal_Descriptors_for_Comparable_Research_and_Policy (дата обращения: 07.03.2026).

⁵ См.: Audretsch D. B. From the entrepreneurial university to the university for the entrepreneurial society // *Journal of Technology Transfer*. 2014. № 39 (3). P. 313–321. URL: <https://doi.org/10.1007/s10961-012-9288-1>.

⁶ См.: Paluch P., Skala A. Op. cit.

того, как университеты выявляют и поддерживают новые проекты⁷.

В Польше и других странах Центральной и Восточной Европы правовая и институциональная архитектура отличается от англо-американского подхода, включая важную роль специальных целевых компаний для косвенной коммерциализации и специальные положения национального законодательства о высшем образовании, в том числе польский Закон о высшем образовании и науке 2018 г. Такие механизмы могут размывать операционные границы между университетом и предприятием, что приводит к усложнению как институциональной отчетности, так и трансграничного взаимодействия. Сопоставляя зарубежные подходы, следует отметить, что политика университетов по коммерциализации РИД, офисы трансфера технологий и местная предпринимательская инфраструктура определяют возникновение и траекторию развития предприятий, созданных на базе университетов.

Здесь возникает вопрос о том, возможно ли на нормативном уровне полностью упорядочить отношения по коммерциализации интеллектуальной собственности, создаваемой в университете или на базе университета. В современных условиях на основе уже полученного мирового опыта трансфера технологий, коммерциализации внутриуниверситетских РИД, развития экономических отношений нельзя дать положительный ответ на поставленный вопрос, что логично. Охрана интеллектуальных прав, способы защиты, передачи прав, режимы трансфера технологий, созданий спин-офф- и смежных моделей инновационных предприятий на базе университетов, стимулирующие коммерциализацию РИД инструменты могут и должны быть регламентированы на нормативном правовом уровне. При этом важно понимать, что сами отношения по коммерциализации университетских РИД носят экономический, предпринимательский характер, зачастую высокорисковый. Обязать потенциальных индустриальных партнеров на нормативном уровне приобретать у университетов права на объекты интеллектуальной собственности по общему правилу невозможно. Нецелесообразно трансформировать рыночные отношения, которые по определению должны быть правомерными, т.е. не выходить за правовые рамки, отдельными нормативными требованиями,

ориентированными на ограничение свободы предпринимательской деятельности, обязательное, по сути, в ряде случаев искусственное сотрудничество с университетами, если таковое нерентабельно, неэффективно, не оправдано иными экономическими основаниями. В обозначенном контексте актуальной траекторией развития системы трансфера технологий из университетов в промышленность представляется системная выработка мер поддержки инновационных предприятий на базе университетов, стимулирование разработки в университетах не теоретических, а прикладных, рыночных решений, которые нативным образом будут востребованы на рынке, интеграция университетов в рыночные, конкурентные отношения, развитие университетских брендов на основе уже существующей инфраструктуры и наработок, формирование университетских витрин продуктов и вузовских маркетплейсов.

С учетом мощной инфраструктурной базы современных университетов, зачастую успешных фандрайзинговых проектов, эффективно функционирующих эндаумент-фондов, различных мер государственной поддержки инновационной деятельности университетов (в России это, в частности, предполагающая регулярное финансирование программа стратегического академического лидерства Минобрнауки России «Приоритет-2030», проект «Передовые инженерные школы» и др.) у университетов имеются актуальные возможности интеграции в различные рыночные отношения, в том числе на трансграничном уровне. Современный университет с возможностью создания малых инновационных предприятий в условиях действия нормативных основ деятельности малых технологических компаний, а также проекта по созданию научно-производственных объединений (которые ориентированы на осуществление опытно-конструкторской и производственно-внедренческой деятельности) действительно может позиционироваться в качестве ведущего участника рынков технологий и конечной продукции. При этом специфика разнонаправленной (образовательной, научной, технологической, производственной, экспертной) деятельности университетов позволяет говорить и об их возможности выступать локомотивом консорциумных форматов взаимодействия академического сообщества с индустриальными партнерами. Верификацию

⁷ См.: Ulrichsen T. C., Roupakia Z., Kelleher L. Op. cit.

и сопоставление новых научных данных, теоретических знаний с рыночными факторами, современными условиями производства и внедрения технологий действительно оптимально осуществлять с учетом передовых результатов и опыта современных университетов как визионеров, продюсеров и сервисных игроков текущих экономических отношений.

Представляется, что инновационные компании, создаваемые на базе университетов, содержат и потенциал преодоления современных проблем и вызовов, связанных, в частности, с развитием информационных технологий и общества, с процессами геополитической трансформации, ограничительными мерами экономического характера, поскольку именно университеты всегда были неотъемлемым элементом, а иногда и двигателем международной экономической кооперации, распространяя знания во всем мире, осуществляя трансграничные образовательные и научные программы, реализуя обмен опытом, студенческий и преподавательский обмен и т.д.

В лоне университетских лабораторий зачастую ведутся ключевые технологические и производственные разработки, именно университетские кадры в первую очередь способны стоять у истоков современных научных знаний, решений и проектов, а форматы инновационных компаний на базе университетов гармоничным образом позволяют интегрировать внутриуниверситетские результаты в рыночные отношения, финализировать академические исследования в конкретную технологию или ее элемент, позиционировать университет как полноценного участника рынков технологий, товаров или услуг.

Терминологическая неопределенность зарубежных структурных моделей трансфера технологий из университетов, связанная с использованием форматов спин-офф и спин-аут, носит скорее структурный, чем случайный характер, и в этом контексте существуют взаимодополняющие логики. Правовая и статистическая логика, примерами которой являются соглашения об отчетности AUTM и давно существующие регламентирующие рамки ОЭСР/ЕС, максимизирует измеримость и правовую определенность, связывая отнесение к тому или иному формату выделяемых университетом компаний с вери-

фицируемыми действиями, такими как лицензирование, передача прав или долевое участие.

В мировой практике коммерциализации университетских разработок действительно происходят трансформационные процессы, связанные с той или иной логикой отношений в сфере трансфера технологий. Так, в Европе зачастую констатируется переосмысление понятия «интеллектуальная собственность» как «интеллектуальные активы», в то время как анализ британских компаний, занимающихся выделением активов, и соответствующие меры правительства предполагают пересмотр подходов и норм в сфере акционерного капитала и практики соответствующих сделок. Трансформационные процессы могут проявляться в следующих элементах: блоке операций по передаче технологий (ТТО, лицензирование, патенты); подходах к университетским экосистемам (классические высшие учебные заведения; «третья миссия» — социально-экономическая роль университета, следующая после первых двух миссий: образовательной и научной; сети; управление знаниями; интеллектуальная собственность как основной ресурс университета); блоке финансовой политики и политики развития (венчурный капитал, инвестиции, политика, региональное развитие/планирование); терминологических подходах (спин-офф; предпринимательский университет; тройная спираль — университет как центр образования, науки и технологических инноваций на основе сотрудничества «государство — бизнес — университет»; предпринимательская ориентация); блоке предпринимательства/инноваций в сфере высшего образования. При этом можно констатировать снижение интереса к чисто патентоориентированным проблемам развития трансфера технологий после 2020 г. и относительно более позднее внимание к экосистемам, сетям и финансированию, в то время как трансфер технологий остается центральным элементом⁸.

Для обеспечения информативности, ясности, прозрачности и эффективности отчетности о коммерциализации РИД и трансфере технологий в университетах в зарубежной литературе предлагаются следующие две организационные категории⁹. Во-первых, это академическая спин-офф-модель — специально созданная

⁸ См.: Paluch P., Skala A. Op. cit.

⁹ См.: Paluch P., Skala A. Op. cit.

коммерческая организация, предназначенная для коммерциализации охраняемой интеллектуальной собственности, разработанной в высшем учебном заведении или государственной научно-исследовательской организации, в отношении которой такая компания приобретает права посредством лицензионного договора, договора об отчуждении исключительного права (уступки права) или внесения вклада в натуральной форме; по крайней мере один из учредителей должен быть связан с высшим учебным заведением или соответствующим НИИ на момент основания, и отношения между высшим учебным заведением и предприятием прослеживаются в соответствующем договоре или структуре собственности. Во-вторых, академическая спин-аут-модель, предполагающая специально созданную коммерческую организацию, основанную действующими или бывшими членами академического сообщества, чье преимущество в первую очередь обусловлено знаниями, возможностями или творческими результатами, полученными в высшем учебном заведении или соответствующем НИИ. При ее создании не требуется формальной передачи прав на объекты интеллектуальной собственности от вуза или НИИ, и доступ к институциональным ресурсам (оборудование, данные, программное обеспечение) может осуществляться на рыночных условиях. Эта категория допускает использование программного обеспечения, баз данных с минимальным объемом прав на объекты интеллектуальной собственности.

В обозначенных моделях реализованы, как представляется, основные актуальные форматы создания инновационных предприятий, деятельность которых так или иначе связана с университетами и НИИ, различающиеся по уровню зависимости от университета и, по сути, автономности деятельности таких предприятий. Эта классификация дает членам академического сообщества адекватный выбор форматов реализации отношений по трансферу технологий в зависимости от достигнутых договоренностей, целей и задач взаимодействия.

Сложность процессов интеграции университетов в рыночные отношения, проблематичность коммерциализации РИД университетов

без поддержки индустрии порождает необходимость такой дифференциации показателей, индикаторов и соответствующих условий организации и функционирования инновационных предприятий на базе университетов или при взаимодействии с ними.

Как и при выборе организационно-правовых форм юридических лиц, у университетских предприятий, представителей академического сообщества, инвесторов должна быть достаточная вариативность. Нормативные режимы релевантных процессов развития инноваций, технологий, науки в рамках конкретного государства могут быть правовой основой реализации такой вариативности. Здесь стоит привести в пример опыт Российской Федерации, где создание малых инновационных предприятий регламентируется, в частности, Федеральным законом от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»¹⁰ в редакции Федерального закона от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»¹¹, а деятельность малых технологических компаний — иным отраслевым законодательством, в частности Федеральным законом от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹², Федеральным законом от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»¹³, постановлением Правительства РФ от 02.11.2023 № 1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии»¹⁴.

Действительно, важной представляется гармоничная интеграция на правовом уровне инновационного, научного и технологического потенциала университетов в различные обще-

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

¹¹ СЗ РФ. 2009. № 31. Ст. 3923.

¹² СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8533.

¹³ СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6210.

¹⁴ СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8248.

ственно значимые процессы развития государства, от импортозамещения до технологического лидерства. Преимущества университета как участника рынка, обладающего высоким кадровым, исследовательским, экспертным, научным, технологическим потенциалом, могут быть реализованы посредством создания новейших РИД, их усовершенствования, а также мониторинга нарушения интеллектуальных прав с учетом того, что соответствующую функцию могут выполнять офисы (центры) управления интеллектуальными правами университетов, офисы коммерциализации РИД, офисы технологического лидерства, принимая во внимание ключевую роль РИД в продвижении инноваций. Обозначенные структурные подразделения, если таковые имеются в университете, могут стать ключевым звеном во взаимодействии с инновационными предприятиями, создаваемыми на базе университетов. Здесь важно первоначально обеспечить решение вопросов учета интеллектуальной собственности и, соответственно, интеллектуальных прав университета, оформления этих прав, фиксации фактов передачи, ограничений, обременений исключительных прав, инвентаризации всех релевантных договоров, предусматривающих в том или ином объеме права на объекты интеллектуальной собственности, прозрачного распределения интеллектуальных прав между университетом, работниками, государственным заказчиком, индустриальным партнером, собственно университетским инновационным предприятием на основе принципов справедливости, соразмерности, целесообразности, добровольности и достижения баланса интересов всех релевантных сторон. Помимо учета интеллектуальных прав, важна такая составляющая деятельности университета, как управление интеллектуальными правами, когда на профессиональной основе интеллектуальная собственность не просто фиксируется, но и позиционируется, предлагается к продаже как рыночный актив через витрины РИД, университетские маркетплейсы; осуществляется мониторинг нарушения интеллекту-

альных прав, подбор и аналитика возможных контрагентов, покупателей интеллектуальных прав, партнеров, готовых выступить соправо-обладателями исключительных прав, а также индустриальных партнеров, готовых к внедрению соответствующих РИД.

Если рассматривать опыт Китая, где констатируется высочайшая динамика технологического развития, то в условиях экономической трансформации некоторые компании, созданные на базе университетов, начали вносить существенный вклад в технологическую модернизацию экономики страны¹⁵. В обозначенных условиях создание дочерних предприятий на государственных основаниях оказалось подходящим решением для трансфера технологий в китайских университетах. Однако многие из созданных таким образом компаний столкнулись с проблемами, связанными с дефектными системами стимулирования и низкой эффективностью. После отмены или смягчения ограничительных мер ранее уникальная модель формирования китайских дочерних предприятий была дополнена всплеском создания предпринимательских дочерних компаний на базе университетов.

С деятельностью высших учебных заведений, научно-технических институтов, а также результативностью научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ тесно связан подъем Азии в глобальной экономике знаний: первоначально Япония, а затем Китай, Сингапур, Южная Корея и Индия продолжают играть доминирующую роль в формировании технологического облика XXI в. как «азиатского века»¹⁶. В последние несколько десятилетий подъем КНР захватил воображение людей и правительств по всему миру, что произошло не только благодаря производственному потенциалу и навыкам, которые страна освоила за десятилетия, но и в силу ее способности развивать человеческий капитал, проводить обучение, продвигать знания и внедрять инновации, оказывающие влияние на национальную экономику.

¹⁵ См.: Kroll H., Liefner I. Spin-off enterprises as a means of technology commercialisation in a transforming economy — Evidence from three universities in China // *Technovation*. 2008. № 28. P. 298–313. URL: https://www.researchgate.net/publication/222955978_Spin-off_enterprises_as_a_means_of_technology_commercialisation_in_a_transforming_economy_-_Evidence_from_three_universities_in_China (дата обращения: 09.03.2026).

¹⁶ Krishna V. V., Zhang X., Jiang Y. The Rise of Chinese Universities: Research, Innovation and Building World-class Universities // *Science, Technology and Society*. 2025. № 30 (1). P. 162–180. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09717218241257716#core-fn1-09717218241257716-1> (дата обращения: 10.03.2026).

Китайские транснациональные корпорации, такие как Alibaba, Tencent, Huawei и другие, за последние два десятилетия превратились в конкурентов японским, американским высокотехнологичным компаниям. Всё это стало возможным благодаря развитию образования на всех уровнях, но особенно университетского, стимулирующего прогресс в научно-технических исследованиях.

Современные университеты играют особую роль в научно-техническом развитии КНР, конкурируя на мировом уровне как с зарубежными университетами, так и с промышленными партнерами, НИИ, лабораториями. Такому положению дел способствовали как особая эффективность диалога государства с бизнесом, частными инвесторами, так и соответствующие исторические предпосылки.

Один из проектов поддержки деятельности университетов, Проект 985, был официально запущен в 2004 г. вместе с Планом действий по возрождению образования на 2003–2007 гг. Основное внимание уделено созданию национальной инновационной системы. Важной частью Проекта 985 стала инновационная платформа, развернутая в 2006 г. и совместно управляемая Министерством образования и Министерством финансов. Главная задача Проекта заключалась в концентрации внимания на ключевых областях и основных потребностях страны и промышленности. Сосредоточившись на национальной стратегии развития науки и технологий и передовых дисциплинах, Проект стремился укрепить национальный потенциал ведущих отраслей знаний у университетов, ориентированных на промышленность, и создать ряд академических групп мирового уровня. Университеты для этого Проекта отбирались из числа участников одного из предыдущих проектов — Проекта 211.

Действительно, без системных и последовательных мер государственной поддержки, без четких дорожных карт реализации проектов поддержки науки и инноваций в университетах представляется затруднительным достижение высокого уровня технологического развития и научно-технической кооперации в государстве.

Так, в рамках масштабной программы развития образования в Китае на рубеже веков, в 2000 г., 10 университетам, участвующим в Проекте 985 (включая Пекинский университет, Фуданьский университет, Чжэцзянский университет и Нанкинский университет), были выделены бюджетные средства на повышение каче-

ства образования на три года в размере более 30 млрд юаней. Второй этап Проекта 985 начался в 2004 г. и завершился в 2007 г., охватив 39 университетов, расположенных в 18 провинциях и муниципалитетах; 11 ведущим университетам (включая университеты первого этапа) было выделено 17,43 млрд юаней. Целью второго этапа было активное изучение новых механизмов привлечения академических руководителей и научных групп к созданию инновационных платформ. Будучи высшим уровнем элитных университетских групп в системе высшего образования Китая, Проект 985 сыграл ведущую роль в подготовке высококвалифицированных специалистов, запустив множество передовых научно-технических инновационных исследований, содействуя сотрудничеству между промышленностью, университетами и научно-исследовательскими учреждениями, а также поддерживая развитие университетов в менее развитых регионах и отраслях знаний.

Меры, принятые в рамках Проекта 985, оцениваются положительно, а сам Проект признается высокорезультативным. Благодаря созданию Всемирного университета науки и техники, а также инновационной платформы был достигнут рост в развитии университетов и их отраслевых направлений деятельности, что приблизило вузы страны к передовому международному уровню и позволило некоторым достичь таковой. Формирование университетских команд и коллективов вышло на новый уровень, объединив ряд международных академических представителей, а также молодых и опытных ученых. Поддержка и модернизация кадрового потенциала имели огромное значение для Китая и продолжают играть особую роль в функционировании государственной системы научно-технического развития и сотрудничества.

Таким образом, инфраструктурные, кадровые решения, а также восприятие программно-проектного подхода к поддержке университетов в Китае явились основой для последующего стремительного научно-технологического развития университетской среды, получения высоких научных и технологических результатов проектов, реализованных с участием университетов, по их инициативе или на их базе.

Отмечается, что в последние годы китайские инкубаторы инноваций в значительной степени следуют североамериканской модели, в которой высокотехнологичные стартапы получают поддержку за счет внутреннего обуче-

ния, наставничества, венчурных инвестиций и других мер, необходимых стартап-компаниям, разрабатывающим новые потребительские технологические продукты или передовые услуги для бизнеса (McCuaig-Johnston & Zhang, 2015)¹⁷. В 2017 г. пятью регионами с наибольшим количеством инкубаторов были Гуандун, Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян и Шанхай. С географической точки зрения Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь являются единственными по-настоящему глобальными стартап-экосистемами в Китае. Шэньчжэнь часто называют Кремниевой долиной аппаратного обеспечения, поскольку он превратился в мощную инновационную экосистему. Наличие предпринимателей и талантливых специалистов в сочетании с поставщиками и производителями делает его идеальной экосистемой для стартапов в сфере аппаратного обеспечения. Инновационное сообщество города привлекает большое количество стартапов, и многие из них добились глобального успеха. Компания Tencent, владеющая WeChat и социальной сетью QQ, одной из крупнейших интернет-компаний в мире, была основана в этом городе. В районах города расположено множество успешных высокотехнологичных компаний, включая BGI (крупнейшая в Китае компания по геномике), BYD (электромобили и аккумуляторы), телекоммуникационные конгломераты ZTE, Huawei и Shunfeng (электронная коммерция и логистика). И на протяжении последних 11 лет Шэньчжэнь сохраняет лидирующую позицию в качестве столицы патентных заявок Китая: в 2017 г. было подано почти 20 тыс. заявок РСТ, что составляет около половины от общего числа патентных заявок в стране.

В период с 2013 по 2015 г. Государственный совет Китая объявил о различных политических мерах по развитию инкубаторов и акселераторов в стране. 13-й пятилетний план Китая (2016–2020), нацеленный на превращение в «инновационную нацию» к 2020 г., включил акселераторы в национальную систему инкубаторов. В 1987 г. был официально создан первый в Китае технологический бизнес-инкубатор — Уханьский центр пионеров Дунху. С тех пор бизнес-инкубаторы появились по всей стране. В Китае технологические бизнес-инкубаторы

владеют сотнями тысяч прав на объекты интеллектуальной собственности.

Кроме того, в Китае университетский научный парк сыграл важную роль в ускорении трансфера технологий, содействии развитию проектов, воспитании инновационных талантов и стимулировании местного экономического развития. На первый взгляд, университетский научный парк существует как дочерняя структура университета и выступает проявлением перехода университета на новый этап развития, но по сути это инновационная сеть, представляющая собой сетевую организационную среду, состоящую из социальных сетей, коммерческих сетей и профессиональных сетей. Первые национальные высокотехнологичные парки в Китае появились в 1988 г., когда китайское правительство запустило программу «Факел». Научный парк Чжунгуаньцунь (1988) — это центр высокотехнологичной промышленности Пекина, расположенный в районе Хайдянь, недалеко от Пекинского университета и Университета Цинхуа. С 2022 г. в Пекине действуют 16 субпарков этого парка. В Научном парке Чжунгуаньцунь размещается около 20 тыс. высокотехнологичных предприятий.

Помимо того, что университеты являются центральным источником новых знаний, они обеспечивают высококвалифицированными кадрами, а научные парки привлекают новые таланты и идеи для инкубации и запуска стартапов¹⁸. Научно-технологические парки, основанные университетами в Китае, демонстрируют динамичное развитие и высокую результативность, чему способствует национальная политика. Университетские научно-технологические парки приобретают особое значение в ускорении трансфера технологий, инкубации проектов, росте предпринимательства, создании рабочих мест и экономическом развитии регионов.

Стоит отметить, что уже в период с 1980-х гг., когда на базе Китайской академии наук была учреждена дочерняя компания Lenovo Group, в Китае началось динамичное развитие потенциала университетских компаний. При этом институциональная структура такого рода предприятий сформировалась после 2001 г., когда

¹⁷ См.: McCuaig-Johnston M., Zhang M. China's innovation incubators: Platforms for partnerships. Asia Pacific Foundation of Canada. 2015. URL: https://www.asiapacific.ca/sites/default/files/filefield/apfc_report_incubators-pd05.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

¹⁸ См.: Tabanelli V. Science parks and their role in Chinese economy // European Guanxi. 2020. URL: <https://www.europeanguanxi.com/post/science-parks-and-their-role-in-china-s-economy> (дата обращения: 10.03.2026).

Государственная экономическая и торговая комиссия, а также Министерство образования совместно создали первую группу национальных центров трансфера технологий в шести университетах.

В Китае действует специальный правовой режим — «предприятия, принадлежащие университетам», представляющие собой компании, контролируемые университетами, к которым они относятся. Это уникальное явление для сектора высшего образования Китая, а легитимность соответствующего контроля обусловлена тем, что многие университеты выступают крупнейшими акционерами этих предприятий. Некоторые из таких предприятий стали ключевыми участниками рынка в высокотехнологичных отраслях экономики Китая, как, например, Founder Group, Weiming Group, Beida Jade Bird Group, Pulead Technology Industry Co., Ltd и Virtus Group, которые были созданы и развивались на основе результатов исследований и деятельности Пекинского университета.

Кроме того, китайские предприятия передают задачи фундаментальных исследований университетам и государственным научно-исследовательским институтам или решают их совместно с внешними научно-исследовательскими учреждениями. В условиях роста затрат на НИОКР и постоянного расширения научных исследований эта модель пользуется популярностью как у компаний, так и у университетских исследовательских групп. Например, в 2015 г. Китайская корпорация коммерческих самолетов (COMAC) подписала Рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве с Шанхайским университетом Цзяотун с целью укрепления сотрудничества и инноваций между университетами и промышленностью, а также развития карьеры в сфере пассажирских перевозок.

Лаборатория Чжэцзян была создана при совместном финансировании правительства провинции Чжэцзян, Чжэцзянского университета и Alibaba Group. Учреждение проводит фундаментальные исследования и совершает ключевые технологические прорывы на основе больших данных и облачных вычислений в таких сферах, как сетевые вычисления, искусственный интеллект, безопасность данных и интеллектуальное производство.

В последние годы китайские университеты всё активнее сотрудничают с крупными компаниями, особенно в области технологий, инно-

ваций и аэрокосмической отрасли. Например, Университет Цинхуа, Пекинский технологический институт и Харбинский технологический институт наладили партнерские отношения с ведущими китайскими компаниями, в том числе и в технологическом и аэрокосмическом секторах, а цель такого сотрудничества часто заключается в преодолении разрыва между академической средой и промышленностью, содействию инновациям и передаче знаний¹⁹.

Таким образом, рассмотренный зарубежный опыт организационно-правового обеспечения создания на базе университетов или во взаимодействии с ними инновационных компаний может быть оценен как успешный и заслуживающий внимания с точки зрения модернизации российских подходов к рассматриваемой проблематике.

Российские малые инновационные предприятия, которых на 2025 г. насчитывалось около 1 100 и которые призваны служить эффективной организационно-правовой основой трансфера технологий из университетов в промышленность, придания соответствующим отношениям рыночного характера, в современных условиях нуждаются в развитии и возможной трансформации. Актуальной, с учетом развития упомянутого выше законодательства о технологических компаниях и технологической политики в целом, решения задач достижения российскими предприятиями технологического лидерства, представляется и проблематика трансформации малых инновационных предприятий и иных организационных инициатив университета в технологические компании с потенциалом обеспечения требуемого уровня технологической, а также уровня рыночной готовности соответствующего решения. В России на законодательном и подзаконном уровнях (Закон от 04.08.2023 № 478-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 02.11.2023 № 1847) реализована возможность создания технологических, в том числе малых технологических, компаний с предусмотренными мерами государственной поддержки.

Современное законодательство о технологической политике и технологических компаниях, в частности с детализированным инструментарием их создания, развития и поддержки, представляется способным к восприятию с точки зрения трансформации уже традиционного для университетов формата создания малого

¹⁹ См.: Krishna V. V., Zhang X., Jiang Y. Op. cit.

инновационного предприятия в направлении технологизации университетских исследований и науки в целом, ориентации их на нужды промышленности и рынки товаров и услуг во взаимодействии с индустриальными партнерами. Взаимный интерес в таком сотрудничестве может быть обеспечен специальными налоговыми режимами, особенностями статуса таких технологических компаний, упрощающими формальные процедуры, программами субсидий и грантов, поддержкой витрин и маркетинговых университетских технологий и продуктов, репутационным фактором при должном рыночном позиционировании и использовании университетской инфраструктуры и исследовательского потенциала.

Еще одной перспективной траекторией поддержки и развития университетского предпринимательства с учетом рассмотренного зарубежного опыта видится возможность создания, развития и поддержки предприятий на базе университетов с участием государства, когда государство имеет долю / акционерный капитал в таком предприятии, объединяет инфраструктурные и иные организационные возможности с университетами (в том числе частными) для эффективной реализации избранной бизнес-модели.

Для того чтобы избранная бизнес-модель реализации университетской технологии, проектных и продуктовых решений была максимально эффективной, для митигации рисков предлагается рассмотреть возможность функционирования вузовских технологических предприятий на основе экспериментального правового режима. Обозначенное решение создаст условия для проведения предварительной оценки правового обеспечения бизнес-модели, ее результативности, апробации соответствующего решения на пилотном университетском проекте с учетом экономической среды реализации проекта. Такое тестирование университетами технологически ориентированной деятельности на основе новых организационных форм технологических компаний посредством экспериментального правового режима позволит выявить оптимальную структуру университетского инновационного предприятия, эффективные виды и форматы партнерств, а также наиболее действенные меры государственной и частной инвестиционной и организационной поддержки.

Стоит одобрить инициативу Минобрнауки по поддержке, развитию формата научно-производственных объединений и их деятельности.

Так, в феврале 2026 г. Минобрнауки опубликовало проект постановления «О реализации пилотного проекта по созданию и функционированию научно-производственных объединений (НПО)» (реализация данного проекта запланирована на 2026–2036 гг.). Пилотный проект в сфере НПО направлен на развитие, в том числе на основе мер государственной поддержки, взаимодействия науки и предпринимательства, а также обеспечение использования изобретений в производственных цепочках, технологиях, реализуемых в продуктовых решениях, в целях достижения технологического лидерства.

Научно-производственное объединение представляет собой коммерческие организации в организационно-правовой форме АО или ООО, созданные государственным вузом или федеральной государственной научной организацией, образовательной или автономной некоммерческой научной организацией (одним из учредителей которых является Российская Федерация) вместе с организациями, действующими в реальном секторе экономики, институтами развития и иными организациями.

Участники пилотного проекта, индустриальные партнеры и научно-производственные объединения имеют право на получение господдержки, включая налоговые льготы, государственные гарантии, льготное кредитование и иные меры поддержки, предусмотренные законодательством. Минобрнауки и Минпромторг будут предоставлять субсидии участникам пилотного проекта на срок от года до трех лет. Размер софинансирования из внебюджетных источников должен составлять не менее 100 % общего размера господдержки на реализацию одной стратегии НПО.

Требование о софинансировании выглядит совершенно логичным, однако практика осуществления соответствующих отношений показывает риски реализации таких проектов с «искусственным привлечением партнера» в целях получения государственной поддержки, а также формирования эффективной отчетности. В обозначенном контексте особое значение приобретает совместное учреждение такого рода организаций предпринимателями и университетами, солидарная ответственность и реальная рыночная мотивация осуществления совместной инновационной и технологической деятельности.

Кроме того, представляется целесообразным продолжать деятельность, направленную на поддержку университетских РИД, выработку

эффективных систем распределения интеллектуальных прав, когда РИД так или иначе связаны с университетской деятельностью; поддержку инновационной деятельности молодых ученых, преподавателей, включая льготы, биржи университетских РИД, упрощение процедур истребования охраны на РИД, созданные молодыми учеными, работниками университетов (в частности, сокращенные сроки рассмотрения заявок); развитие консорциумных форматов взаимодействия университетов и промышленных партнеров, апробацию технологических решений бизнеса на базе университетской инфраструктуры, в том числе с использованием организационного и репутационного потенциала ассоциаций выпускников.

Необходимо и дальнейшее формирование восприятия университетов как полноценных и, возможно, приоритетных участников рынка современных технологий. С учетом рыночного

характера отношений по введению технологий и готовых продуктов в оборот особое значение приобретают РИД, в большей степени ориентированные на защиту решения на рынке, такие как секреты производства, программное обеспечение (программы для ЭВМ) и др. Так, университетские ноу-хау могут быть эффективным инструментом не только реализации инновационного потенциала, но и охраны уникальных технологических решений университетов, а также позиционирования рыночных возможностей университета именно на основе деятельности университетских предприятий, которые имеют высокий потенциал преломления внутривузовской исследовательской, инновационной и технологической деятельности в направлении формирования экономического, бизнес-позиционирования и востребованности их технологий и продуктов на соответствующих рынках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Audretsch D. B. From the entrepreneurial university to the university for the entrepreneurial society // *Journal of Technology Transfer*. 2014. № 39 (3). P. 313–321. URL: <https://doi.org/10.1007/s10961-012-9288-1>.

Krishna V. V., Zhang X., Jiang Y. The Rise of Chinese Universities: Research, Innovation and Building World-class Universities // *Science, Technology and Society*. 2025. № 30 (1). P. 162–180. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09717218241257716#core-fn1-09717218241257716-1>.

Kroll H., Liefner I. Spin-off enterprises as a means of technology commercialisation in a transforming economy — Evidence from three universities in China // *Technovation*. 2008. № 28. P. 298–313. URL: https://www.researchgate.net/publication/222955978_Spin-off_enterprises_as_a_means_of_technology_commercialisation_in_a_transforming_economy_-_Evidence_from_three_universities_in_China.

McCuaig-Johnston M., Zhang M. China's innovation incubators: Platforms for partnerships. Asia Pacific Foundation of Canada. 2015. URL: https://www.asiapacific.ca/sites/default/files/filefield/apfc_report_incubators-pd05.pdf.

Paluch P., Skala A. Spin-Off vs. Spin-Out: A Dual-Category Approach and Minimal Descriptors for Comparable Research and Policy // *Marketing of Scientific and Research Organizations*. 2025. Vol. 56. P. 86–112. URL: https://www.researchgate.net/publication/399163208_Spin-Off_VS_Spin-Out_A_Dual-Category_Approach_and_Minimal_Descriptors_for_Comparable_Research_and_Policy.

Tabanelli V. Science parks and their role in Chinese economy. European Guanxi (2020) // URL: <https://www.europeanguanxi.com/post/science-parks-and-their-role-in-china-s-economy>.

Ulrichsen T. C., Roupakia Z., Kelleher L. Busting myths and moving forward: the reality of UK university approaches to taking equity in spinouts. Policy Evidence Unit for University Commercialisation technical report. University of Cambridge, 2022. URL: <https://doi.org/10.17863/CAM.118883>.

REFERENCES

Audretsch DB. From the entrepreneurial university to the university for the entrepreneurial society. *Journal of Technology Transfer*. 2014;39(3):313-321. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10961-012-9288-1>.

Krishna VV, Zhang X, Jiang Y. The Rise of Chinese Universities: Research, Innovation and Building World-class Universities. *Science, Technology and Society*. 2025;30(1):162-180. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09717218241257716#core-fn1-09717218241257716-1>.

Kroll H, Liefner I. Spin-off enterprises as a means of technology commercialisation in a transforming economy — Evidence from three universities in China. *Technovation*. 2008;28:298-313. Available at: https://www.researchgate.net/publication/222955978_Spin-off_enterprises_as_a_means_of_technology_commercialisation_in_a_transforming_economy_-_Evidence_from_three_universities_in_China.

McCuaig-Johnston M, Zhang M. China's innovation incubators: Platforms for partnerships. Asia Pacific Foundation of Canada. 2015. Available at: https://www.asiapacific.ca/sites/default/files/filefield/apfc_report_incubators-pd05.pdf.

Paluch P, Skala A. Spin-Off vs. Spin-Out: A Dual-Category Approach and Minimal Descriptors for Comparable Research and Policy. *Marketing of Scientific and Research Organizations*. 2025;56:86-112. Available at: https://www.researchgate.net/publication/399163208_Spin-Off_VS_Spin-Out_A_Dual-Category_Approach_and_Minimal_Descriptors_for_Comparable_Research_and_Policy.

Tabanelli V. Science parks and their role in Chinese economy. European Guanxi. 2020. Available at: <https://www.europeanguanxi.com/post/science-parks-and-their-role-in-china-s-economy>.

Ulrichsen T, Roupakia Z, Kelleher L. Busting myths and moving forward: the reality of UK university approaches to taking equity in spinouts. Policy Evidence Unit for University Commercialisation technical report. University of Cambridge. 2022. Available at: <https://doi.org/10.17863/CAM.118883>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного права имени Г.К. Дмитриевой, профессор кафедры интеллектуальных прав, руководитель Центра правового обеспечения внешнеэкономической деятельности, импортозамещения и развития промышленности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ben_raf@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Benjamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Private International Law named after G.K. Dmitrieva, Professor, Department of Intellectual Property Rights, Head of the Center for Legal Support of Foreign Economic Activity, Import Substitution and Industrial Development, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ben_raf@mail.ru

Материал поступил в редакцию 12 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 14 марта 2026 г.

Принята к печати 15 июля 2026 г.

Received 12.03.2025.

Revised 14.03.2026.

Accepted 15.07.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.121-136

Г. Б. Романовский

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева
г. Саранск, Российская Федерация

О. В. Романовская

Пензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация

Машиночитаемое право: понятие, проблемы, перспективы

Резюме. В статье рассмотрены базовые аспекты машиночитаемого права как популярной концепции, предполагающей перевод текста правового акта с естественного языка в цифровой формат. Прогнозируется, что область машиночитаемого права будет расширяться одновременно с распространением цифровых технологий в системе государственного управления, а также при придании цифровым устройствам наибольшей автономии в процессе эксплуатации. Представлены различные термины (с определением их содержания и специфики), которые используются при характеристике машиночитаемого права в правовых актах в России и за рубежом: правила как код, законодательство как код, машиноисполняемые правила, машинопотребляемые правила, семантические машиночитаемые правила, машиночитаемые правила. Раскрыто содержание российской Концепции развития технологий машиночитаемого права, утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Выделены основные признаки машиночитаемого права и направления его развития, трудности его внедрения, среди которых появление цифрового языка нормативного акта, создание экспертного контроля, неприятие гражданами. Систематизированы ключевые риски и угрозы, которые возникают при внедрении машиночитаемого права.

Ключевые слова: машиночитаемое право; цифровизация; искусственный интеллект; алгоритм; RegTech; цифровая трансформация; цифровое государство; правила как код; информационная система; цифровой юрист

Для цитирования: Романовский Г. Б., Романовская О. В. Машиночитаемое право: понятие, проблемы, перспективы. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 121–136. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.121-136

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-00322, <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>.

Machine-Readable Law: Concept, Problems, Prospects

Georgy B. Romanovsky

Central Volga Institute (Branch), All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)
National Research Mordovia State University named after N.P. Ogarev
Saransk, Russian Federation

Olga V. Romanovskaya

Penza State University
Penza, Russian Federation

Abstract. The paper reveals the basic aspects of machine-readable law as a popular concept involving the translation of the text of a legal act from natural language into digital format. It is predicted that the field of machine-readable law will expand simultaneously with the spread of digital technologies in the public administration system, as well as while giving various digital devices the greatest autonomy during operation. The paper presents various terms (with a definition of their content and specifics) that are used to characterize machine-readable law in legal acts in Russia and abroad: rules as code, legislation as code, machine-executable rules, machine-usable rules, semantic machine-readable rules, and machine-readable rules. The content of the Russian Concept for the development of machine-readable law technologies, approved by the Government Commission on Digital Development and the Use of Information Technology to improve the quality of life and business conditions is discussed. The main features of machine-readable law and the directions of its development, the difficulties of its implementation are highlighted, including the emergence of a digital language of a regulatory act, the creation of expert control, and the rejection by citizens. The key risks and threats that arise during the implementation of machine-readable law are also systematized.

Keywords: machine-readable law; digitalization; artificial intelligence; algorithm; RegTech; digital transformation; digital state; rules as code; information system; digital lawyer

Cite as: Romanovsky GB, Romanovskaya OV. Machine-Readable Law: Concept, Problems, Prospects. *Lex russica*. 2026;79(8):121-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.121-136

Acknowledgements. The research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the scientific project «Legal Foundations of the Digital State (Service State 2.0)» No. 25-28-00322, <https://rscf.ru/project/25-28-00322/>.

Введение

Цифровые технологии прочно входят во все сферы нашей жизни. Юриспруденция не является исключением. К тому же от нее во многом зависит правовое обеспечение внедрения цифровых технологий в повседневную реальность. Именно юриспруденция создает комфортную правовую среду, одновременно гарантируя безопасность и защиту участников информационного обмена. Под влиянием цифровых технологий формируется новый категориальный аппарат: «цифровое государство», «электронное правительство», «цифровые права человека». Появились целые концепции развития системы органов государственной власти: «Государство как платформа», «Бережливое государство», «Государство 2.0» и др. В указанной череде следует выделить машиночитаемое право, которое многими воспринимается как возможность простого перевода

текста в электронный оборот. Есть также примитивное понимание: сканирование, благодаря которому напечатанный текст становится электронным файлом (вне зависимости от его формата). Но следует признать, что проблематика находится гораздо глубже: машиночитаемое право в случае воплощения данного концепта во многом трансформирует принципы функционирования правовой системы. Впервые ставится вопрос о существовании двух систем формализации права — привычным для всех нас языком и технологическим языком, позволяющим не просто переводить текст закона в электронную форму, а создавать параллельную модель реализации правовой системы.

Прогнозируется, что область машиночитаемого права будет расширяться одновременно с распространением цифровых технологий в системе государственного управления, а также при придании различным цифровым

устройствам наибольшей автономии в процессе эксплуатации. Гаджеты, наделенные искусственным интеллектом, должны будут самостоятельно определять правомерность своего возможного поведения. В традиционной ситуации человек при совершении действий самостоятельно определяет законность поступка. Если аналогичные действия будет совершать электронное устройство (применим данный термин, хотя он не выглядит самым удачным), то оно не сможет прочесть, проанализировать нормативные акты и сделать самостоятельные выводы, которые станут основанием для совершаемых устройством действий. Необходимо совместить текстовую версию документа и ту, которую сможет прочесть машина.

В качестве простого примера применения машиночитаемого права в действии приводят автоматическую фиксацию административного правонарушения, которая предусматривается Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ дает толкование: «При этом под автоматическим режимом следует понимать работу соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве, осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица». Это означает, что фиксация: 1) осуществляется автоматически, то есть без непосредственного участия человека; 2) выполняется техническим средством (его характеристики не представлены); 3) проводится в отношении всех объектов, попавших в поле его наблюдения; 4) не зависит от усмотрения лица. Указанное постановление делает основной акцент на неучастии человека в фиксации и оценке противоправных действий, что подчеркивается материалами судебной практики. Например, в постановлении Арбитражного суда Северо-За-

падного округа от 27.03.2024 № Ф07-362/2024 по делу № А66-4631/2023 непосредственное участие должностного лица в фиксации правонарушения рассматривается как основание для отмены решения о привлечении к административной ответственности. Аналогичная позиция отражена в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.06.2023 № Ф07-6921/2023 по делу № А66-13979/2022, а также постановлении Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.03.2024 № 14АП-209/2024 по делу № А66-14892/2023.

Воля должностного лица и его усмотрение не могут выступать конкурентами машины. Разделение порядков фиксации правонарушения обуславливает различное процессуальное оформление. Это означает также, что машина должна не просто констатировать событие, отражающееся в фото- или видеосъемке, но и дать ему юридическую оценку, которая становится постановлением о назначении административного наказания.

Приведенный пример прост для понимания каждого гражданина. Тем более что многим приходилось так или иначе сталкиваться с новым технологическим явлением. Каждый автолюбитель, скорее всего, хоть один раз, но подвергался административной ответственности на основании фиксации правонарушения в автоматическом режиме. Однако проблема машиночитаемого права выходит далеко за пределы привлечения к ответственности. Сейчас речь идет о формировании параллельного правового пространства, действующего по своим технологическим правилам в цифровом мире.

Разделение в машиночитаемом праве: юридические и технологические особенности

В современном мире многие задаются вопросом: в чем смысл машиночитаемого права? Следует ли отдавать эту сложную сферу на откуп цифровому миру? В то же время уже сейчас возникают сложные ситуации, как, например, с беспилотными транспортными средствами, которые во время нахождения на дороге должны соблюдать правила дорожного движения. Активно развивается интернет вещей, где большинство действий совершается без участия человека. В приведенных случаях юридический язык нуждается в таком структурирован-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

ном стандартизированном формате, который машина сможет прочесть, а затем интерпретировать. Достижение этого результата позволит продвинуться дальше, внедрить такие концепты, как цифровой судья, цифровой следователь. В отношении цифрового судьи идут активные дискуссии вокруг допуска искусственного интеллекта к осуществлению правосудия. Отметим, что мнения выглядят полярно: от восторженного восприятия до полного отрицания. Подобные направления обуславливают востребованность появления электронных технологий, когда регулятором выступает не человек, а машина. За рубежом они получили сокращенное название, часто используемое в стратегических документах планирования, — RegTech. Расширение их функционала (а это происходит последовательно и непрерывно) приводит к планированию создания машин для решения юридических проблем. Попутно появляются специфические термины (приведем также сокращенное зарубежное обозначение, которое используется в различных документах и концепциях): правила как код (Rules as Code — RaC), законодательство как код (Law as Code — LaC), машиноисполняемые правила (Machine-Executable Rules — MER), машинопотребляемые правила (Machine Consumption Rules — MCR), семантические машиночитаемые правила (Semantic Machine Readable Rules — SMRR) и машиночитаемые правила (Machine Readable Rules — MRR). При этом каждый из них имеет собственное толкование. Приведенное многообразие рассматривается как недостаток, поскольку позволяет различным терминам обозначать одни и те же понятия (иногда лишь делая акценты на каких-то признаках). К этому добавляются разночтения общего определения: машиночитаемое право рассматривается как

цифровое право, вычислительное право, автоматизированное право. Все эти понятия нередко используются как взаимозаменяемые, что создает только дополнительную путаницу.

Возникает и методологическая неопределенность во взглядах на машиночитаемое право и его соотношение с понятием машиночитаемого законодательства (что является традиционным разделением в юридической науке). Применительно к машиночитаемому законодательству преобладает технологический подход, отталкивающийся от общих правил алгоритмизации правовых норм, ориентированной на их понятность для созданной на основе унифицированного языка программы². Таким образом, машиночитаемое законодательство — «форма выражения правовых норм в виде программного кода»³. Это указывает на «машиночитаемый формат юридических документов»⁴, а также переносит достоинства математического моделирования на машиночитаемое правоприменение⁵ (что выглядит весьма спорным утверждением). О. Л. Солдаткина отмечает, что цифровизация правотворческого процесса предполагает адаптацию правового массива под технологические параметры, а это несет в себе определенные риски⁶.

В. А. Аксенов и С. В. Одинцов предлагают разделить машиночитаемое право в широком смысле (сквозная цифровая технология, позволяющая считывать нормы действующего законодательства с их интерпретацией на естественный язык) и узком смысле (совокупность правовых норм, созданных опосредованно или в рамках сквозных цифровых технологий с заложенной возможностью знако-символьного восприятия текста)⁷. Из узкого смысла исходит и А. А. Перевозкин⁸.

² *Вашкевич А. М., Дуюнов А.* Автоматизация права : Законодательство. Публичное правоприменение. Договоры и частноправовые нормы. Ограничения. Концепция. М. : Симплоер, 2019. С. 4.

³ *Шаршун В. А.* Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // *Pravo.by*. 2022. № 1. С. 88–94.

⁴ *Березина Е. А.* Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20. № 3. С. 25–41.

⁵ *Лескина Э. И.* Общие положения перевода права в машиночитаемый вид и технологии больших данных (big data) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право»*. 2024. № 2 (57). С. 117–122.

⁶ *Солдаткина О. Л.* Модернизация нормотворчества в контексте формирования цифрового права // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2024. № 3. С. 62–72.

⁷ *Аксенов В. А., Одинцов С. В.* Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов // *Вестник Томского государственного университета*. 2024. № 498. С. 190–198.

⁸ *Перевозкин А. А.* Автоматизация правоприменения: проблемы и пути их решения с использованием машинного обучения и машиночитаемого права // *Правовое государство: теория и практика*. 2025. № 1. С. 227–237.

Последовательным выглядит подход, акцентирующий внимание не столько на внешней форме (перевод текста в машиночитаемый формат), сколько на методологии перевода, где особое значение приобретает «цифровая метафизика»⁹. Технология не может быть чистой, она обязательно должна включать гуманитарную оценку, основанную на этике, традициях, морали. Предлагается сформировать «квантоподобную модель права» по подобию изменения восприятия мира под воздействием открытий в области квантовой физики¹⁰.

Последовательна концепция Т. Я. Хабриевой, благодаря которой можно выделять именно машиночитаемое право в его отличии от машиночитаемого законодательства¹¹. Основной подход строится на определении базовых признаков права и их трансформации (переходящей в полное обновление) под влиянием цифровых технологий¹². Происходит запараллеливание нормативных надстроек с постоянными зонами пересечения (гибридизация реальности), когда сложно установить приоритет машиночитаемого права или права, оформленного естественным языком. Человечество впервые может оказаться в сложной ситуации размывания границ, на которых строится правотворчество и правопонимание (между живым и мертвым, между субъектом и предметом, между офлайн и онлайн). Т. Я. Хабриева прогнозирует появление «институционально-технологической основы правопорядка», что выходит при оценке машиночитаемого права за пределы преобразования правовых документов в цифровой код.

Подобные теоретические дискуссии о понятии машиночитаемого права характерны для

русскоязычного научного сегмента, в англоязычном сегменте преобладают практикоориентированные обзоры, отталкивающиеся от представления новых подходов в RegTech как свершившейся действительности, нуждающейся лишь в балансировке с естественным языком изложения правового материала. Такое развитие благоприятствует экспансии гигантов технологической индустрии: погружение в частности отвлекает от принципиальных изменений сущности права. Рассмотрим зарубежный опыт.

Правила как код предполагают превращение различных нормативных актов в машиночитаемый код, который могут понимать и интерпретировать компьютеры. Данное определение приведено на официальном сайте правительства Австралии для уточнения правил пользования специальным интерфейсом, персонализирующим доступ к государственным услугам¹³. Аналогичное толкование дано Европейской комиссией¹⁴. «Законодательство как код» рассматривается как синонимичный термин¹⁵.

Машиноисполняемые правила используются налоговыми, финансовыми органами и банковскими организациями для оформления отчетности. Во многих странах этот проект получил специальное наименование — «цифровая нормативная отчетность» (Digital Regulatory Reporting)¹⁶. При использовании данного подхода алгоритмы нацелены на первичную оценку представленных документов с точки зрения их соответствия установленным нормативным требованиям. Такая проверка выполняется в режиме реального времени, когда корректирующие мероприятия осуществляются не в соответствии с периодами проверок, а при по-

⁹ Гаврилов С. Н. «Гёделево неразрешимое предложение» и проблематика машиночитаемого права // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 8. С. 133–146.

¹⁰ Гаврилов С. Н. Машиночитаемое право, закон и человекочитаемый (русский) язык // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 4. С. 69–85.

¹¹ Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // *Вопросы философии*. 2021. № 12. С. 5–17.

¹² Т. Я. Хабриева также анализирует влияние биомедицинских технологий на обновленное понимание права. В некоторых технологических решениях происходит синергия цифры и биомедицины, на основе которой возникают конвергентные технологии.

¹³ What is Rules as Code? // URL: <https://www.govcms.gov.au/rac> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁴ The thing with Rules // URL: <https://interoperable-europe.ec.europa.eu/collection/govtechconnect/news/rules-code-rac> (дата обращения: 01.07.2025).

¹⁵ Mowbray A., Chung P., Greenleaf G. Representing legislative Rules as Code: Reducing the problems of «scaling up» // *Computer Law & Security Review*. 2023. Vol. 48. Art. 105772.

¹⁶ Digital regulatory reporting // URL: <https://www.fca.org.uk/innovation/regtech/digital-regulatory-reporting> (дата обращения: 01.07.2025).

даче документов (или после нее в максимально короткий срок).

Внедрение подобных механизмов контроля снижает коррупционные риски, исключая человеческий фактор, а также административную нагрузку, сводя проверки лишь к исключительным случаям¹⁷. Дополнительным эффектом выступает экономия государственных ресурсов. В Российской Федерации, согласно постановлению Правительства РФ от 21.04.2018 № 482 «О государственной информационной системе “Типовое облачное решение по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности”»¹⁸, должна быть создана соответствующая государственная информационная система с функционирующим мобильным приложением «Инспектор». Предполагается подключение не только надзорных органов (в том числе прокуратуры), подконтрольных организаций, но и различных экспертов. Такое многообразие призвано упростить как межведомственное взаимодействие, так и информационный обмен между контролером и подконтрольным субъектом. Цифровой контроль должен поменять всю парадигму осуществления государственных полномочий. Вертикальные отношения должны трансформироваться в постоянный обмен информацией, которая и служит связующим звеном. Поставщиками информации выступают все субъекты взаимодействия, а алгоритм определяет последовательность действий каждого, выявляя нарушения установленных правил. Оператором системы определено Минцифры России.

Машинопотребляемые правила рассматриваются как прообраз цифрового юриста, где наиболее распространенная версия должна проявляться в виде чат-бота, оказывающего простые консультационные услуги, либо выполнять функции гида в массиве законодательства. При этом первоосновой становится необходимая кодировка текста нормативного акта, а также его специальная градация на части, которые

могло бы различать электронное устройство¹⁹. Машинопотребляемость заключается в способности машин (компьютерных систем) не просто обрабатывать правила, а применять их. Для подчеркивания особенности данного свойства обычно используют простой пример: текст закона, переведенный в формат pdf, может быть обработан, но на его основе машина не сможет сделать самостоятельные выводы и построить алгоритм поведения контролируемого устройства²⁰. Она сможет прочитать, но не сможет обработать и дать рекомендации, тем более применить машинное обучение.

Продолжением выступает внедряемая в различных странах прогностическая система оценки юридического спора (общее название — «прогностическое правосудие»), в рамках которой специальный алгоритм при загрузке фактологии спора представляет перспективу судебного разбирательства. Подобная модель стала активно использоваться в медиации. Ее успех видится в отсутствии заинтересованности (пристрастности) цифрового помощника и формировании итогового результата на основе обработки существующих данных²¹. Необходимо отметить, что некоторые алгоритмические решения созданы как при поддержке органов государственной власти, так и активистами-разработчиками. В первом случае это проект L4, разработанный Центром вычислительного права и поддерживаемый Национальным исследовательским фондом Сингапура. В описании заявлено, что L4 после кодирования закона облегчает его интеграцию в различные приложения для решения юридических задач²². Перевод смысла закона (что нельзя соотносить исключительно с его текстом) в язык программирования — одна из сложных задач. Машина способна прочитать закон, но она для внедрения идеи цифрового юриста должна понимать его и выстраивать связи с практикой применения, подзаконными актами и переводить об-

¹⁷ Фесько Д. С. Цифровизация контроля как гарантия прав граждан и организаций при его осуществлении // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 65.

¹⁸ СЗ РФ. 2018. № 18. Ст. 2633.

¹⁹ Waddington M. Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective // The Loophole. 2019. № 2. P. 21–52.

²⁰ Better Rules for Government Discovery Report // URL: <https://www.digital.govt.nz/dmsdocument/95-better-rules-for-government-discovery-report/html> (дата обращения: 01.07.2025).

²¹ Rouvière F. La justice prédictive: peut-on réduire le droit en algorithmes? // Pouvoirs. 2021. Vol. 178. № 3. P. 97–107.

²² Governatori G., Wong M. W. Defeasible semantics for L4 // POPL ProLaLa. 15–21 January 2023. P. 1–6.

шую модель в конкретную ситуацию. Машина должна мыслить как человек. Движение в этом направлении не останавливается²³.

Машина должна получить такой технологический потенциал, чтобы применять нейровозможности так, как это происходит в человеческом головном мозге. И. В. Понкин отмечает: «Толку от машинного поиска будет мало до тех пор, пока машина не станет глубоко “понимать” тот универсум, где она осуществляет поиск, пока машина не “научится прочитывать” этот универсум и формируемый для поиска запрос, а не просто будет искать по совпадению с корнями ключевых слов»²⁴. Именно поэтому в последнее время набирают популярность исследования в области биокомпьютинга (используется также такой термин, как «квазибиологическая парадигма»). Констатируется, что вычислительные возможности современных процессоров подходят к своим пределам, что создает сложности для развития искусственного интеллекта (к тому же потребляющего огромные объемы энергии). Выход из этой ситуации видится в использовании органоидов человеческого мозга для необходимых вычислений. Основное достижение: органоиды являются адресуемыми и реагируют на стимулы, что позволяет влиять на их активность и управлять их вычислительными возможностями для решения вычислительных задач²⁵.

Активно продвигается в формировании машиночитаемого права Китайская Народная Республика, где на основе искусственного интеллекта создан iFlytek Judicial AI — цифровой продукт, выступающий прообразом цифрового судьи. На первоначальном этапе это голосовой

интеллектуальный помощник, способный обрабатывать большие данные²⁶. В то же время первые успехи в цифровизации судебной системы привели к утверждению специальной государственной программы «Умный суд». Ее продолжением стало принятие Верховным народным судом КНР в декабре 2022 г. Мнения о регулировании и усилении применения искусственного интеллекта в судебной сфере²⁷. Обращение к тексту показывает, что на 2025 г. запланирована апробация первой функциональной системы с использованием искусственного интеллекта (пока в качестве эксперимента). При получении позитивных результатов к 2030 г. предполагается принятие всей необходимой нормативной базы. Создание судебной нейросети (judicial-AI) обсуждается и в российской юридической науке, но пока подобные предложения строятся на теоретических предпосылках, не имеющих под собой достаточной технологической основы²⁸.

Семантические машиночитаемые правила (SMRR) (как и *машиночитаемые правила*) нацелены на то, чтобы не только обрабатывать естественный язык, но и анализировать метаданные, которые могут передавать значимую информацию о структуре и содержании этого естественного языка. Внедрен новый семантический машиночитаемый формат X2RL, который за счет содержательной обработки метаданных призван обеспечивать соблюдение и реализацию первичного законодательства. Метаданные как раз должны будут связать текст закона с различными иными правовыми актами, включая судебные решения, разъяснительные документы. Произойдет сотворение

²³ *Governatori G.* An ASP Implementation of Defeasible Deontic Logic // *Künstliche Intelligenz*. 2024. Vol. 38. P. 79–88.

²⁴ *Понкин И. В., Лаптева А. И.* Право и цифра : Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве : учебник. М. : Буки Веди, 2021. С. 69.

²⁵ *Nikitin M. P.* Non-complementary strand commutation as a fundamental alternative for information processing by DNA and gene regulation // *Nature Chemistry*. 2023. Vol. 15. № 1. P. 70–82. DOI: 10.1038/s41557-022-01111-y.

Российский ученый М. П. Никитин является одним из лидеров в исследованиях в области биокомпьютинга. См. также: *Talavera Y., Ulmann B.* Brain Organoid Computing — an Overview. Preprint. Submitted on 25 Mar 2025 // URL: <https://arxiv.org/abs/2503.19770>.

²⁶ 产品能力 // URL: <https://sf.xfyun.cn/> (дата обращения: 01.07.2025).

²⁷ 最高人民法院关于规范和加强人工智能司法应用的意见 // URL: <https://zh-cn.chinajusticeobserver.com/law/x/the-supreme-people-s-court-the-opinions-on-regulating-and-strengthening-the-applications-of-artificial-intelligence-in-the-judicial-field-20221208/enchn> (дата обращения: 01.07.2025).

²⁸ *Лаптев В. А.* Искусственный интеллект в суде — одна инстанция: на пути развития цифрового правосудия // *Российский судья*. 2024. № 11. С. 44–51.

«вселенной документов», учитывающей внутренние ссылки²⁹. Как отмечают Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор, механизация права приведет к «цифровизации всего цикла жизни права — от создания юридической нормы до исполнения правоприменительного решения»³⁰.

Приведенное разделение показывает, что простого провозглашения необходимости машиночитаемого права недостаточно для его реализации. Различные футуристические прогнозы об автоматизации профессии юриста и появлении беспристрастной машины «цифровой судья» пока являются предметом научной фантастики. В то же время стремительное развитие искусственного интеллекта заставляет уже сейчас оценивать перспективы и риски внедрения машиночитаемого права. При этом нужно понимать, что машиночитаемое право необходимо только в той мере, в какой в нем будет нуждаться искусственный интеллект. С. А. Привалов и М. А. Липчанская предлагают рассматривать его как специализированную систему искусственного интеллекта³¹. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490³² утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Именно она создает основу для совершенствования многих инновационных направлений, среди которых свое место занимает и машиночитаемое право.

Развитие машиночитаемого права в Российской Федерации: сложности перевода, риски, угрозы

Национальные цели развития закреплены в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»³³. В их числе комплексный вектор — цифровая трансформация государственного и муниципального управления,

экономики и социальной сферы. Нетрудно увидеть, что в Указе ключевой фразой является словосочетание «цифровая трансформация», что предполагает коренное изменение сути общественных процессов. Проникая во все сферы нашей жизни, цифровая трансформация предполагает участие в регулировании, которое должно подвергнуться серьезным изменениям в силу вовлечения технологических инноваций. В данном случае нормативность распространяется не только на режим офлайн, но и на киберпространство. Но в рамках концепции машиночитаемого права возникает новый аспект — цифровой мир будет подвергаться юридической оценке те события, которые происходят в реальной действительности. Совершается обратное перевоплощение. Вначале, для того чтобы машина смогла формулировать юридические выводы, необходимо перевести текст нормативного акта в машиночитаемый код: переход из офлайн в онлайн (употребим для более ясного понимания данные категории). В последующем машина использует машиночитаемые правила, применение которых происходит на основании технологических особенностей ее функционирования, для оценки событий в мире офлайн. Мир онлайн дает оценку нашей действительности, выражающуюся в том числе в вынесении итоговых решений о привлечении к ответственности. В подобных преобразованиях кроется глубокая диалектическая проблема: кто (или что) именно определяет судьбу человека? Добавим, что футуристические прогнозы строятся на гипотезе, что все окружающие гаджеты будут функционировать со встроенной системой машиночитаемого права и контролировать поведение человека. М. Буллинга указывает, что не только полицейские и государственные органы будут выполнять правоохранительные функции: «Наша физическая среда будет обеспечивать соблюдение закона»³⁴. Перспективы выглядят весьма угрожающе.

²⁹ *McLaughlin P. A., Stover W. Drafting X2RL: A Semantic Regulatory Machine-Readable Format // MIT Computational Law Report. 2021. Published on May 14. URL: <https://law.mit.edu/pub/draftingx2rl/release/2> (дата обращения: 01.07.2025).*

³⁰ *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Инфра-М, 2020. С. 138.*

³¹ *Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 85–96.*

³² *Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.*

³³ *СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.*

³⁴ *Bullinga M. Intelligent Government: Invisible, Automatic, Everywhere // The Futurist. 2004. № 32. P. 32–36.*

В Российской Федерации действует Концепция развития технологий машиночитаемого права. Она утверждена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31³⁵. Будущее машиночитаемого права, согласно Концепции, заключается в следующем:

1. Предполагается его применение во всех отраслях законодательства. Прогнозируется охват цифровизацией всего правового пространства. Данный тезис оспаривается многими учеными, предлагающими перечень «наиболее подходящих» правил, ограничивающийся коммерческим и финансовым правом³⁶.

2. Современный уровень развития обуславливает дополнительный подход к машиночитаемым нормам, которые пока не заменяют нормы, написанные на естественном языке. Указание на текущее развитие позволяет спрогнозировать возможную замену. В любом случае конкуренция двух языков в силу развития технологий рано или поздно возникнет. Приоритет естественного языка пока (применим эту фразу, как это сделано в Концепции) бесспорен. Тем более что в дальнейшем Концепция видит преобладание машиночитаемого права в законодательном массиве, из чего вытекает вывод о том, что нормы на естественном языке могут и не использоваться в правоприменительной практике. Подобный подход настораживает (как минимум). Приведем слова известного нейролингвиста Т. Черниговской: «Язык — это не столько средство коммуникации, сколько инструмент мышления»³⁷.

3. Многофункциональность инструментов машиночитаемого права позволяет встраивать нормы права в работу различных информационных систем, благодаря которым могут действовать различные сервисы, цифровые устройства. В частности, это даст возможность

беспилотным автомобилям в автономном режиме соблюдать законодательство о дорожном движении.

4. Базирование на онтологии права. Следует провести различие между пониманием онтологии в философии (учение о том, что существует) и информационных науках, где подразумевается описание множества объектов и связей между ними. Именно этот аспект взят в Концепции: «Онтология машиночитаемого права — описание на формальном языке множества объектов (сфер применения машиночитаемого права, субъектов правоотношений, сделок и т.д.) в области права и связей между ними». Концепция допускает, что построение машиночитаемого права возможно вне онтологии, но это усложнит задачу программистам.

5. Основная цель — повышение удобства правоприменения для широкого круга субъектов.

В Концепции обозначены сложности внедрения машиночитаемого права, которые связаны с отсутствием единых подходов к применению технологий и недостатком квалификации юристов, а также проблема перевода норм-принципов в машиночитаемый вид. Выход — унификация подходов и сокращение дискреционных полномочий. Это означает определенное упрощение текста, позволяющее минимизировать различные интерпретации норм, написанных естественным языком, а также отказ от свободы усмотрения, что затрагивает в первую очередь судебную власть. Подчеркнем, именно эту ветвь власти, поскольку административная дискреция органов исполнительной власти постоянно вызывает дискуссии и поиск коррупциогенности (сокращение дискреции — определенный тренд современной реформы). Для судебной власти судебское усмотрение — нечто большее, чем возможность индивидуализировать собственное решение, облеченное в вердикт суда. Г. Харт обосновывал его необходимостью «воспроизводства проблемных ситуаций, не охваченных языковыми ресурсами»³⁸. Данный

³⁵ URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-razvitija-tehnologii-mashinocitaemogo-prava-utv-pravitelstvennoi-komissiei-po/>.

³⁶ Обзор базовых проблем, возникающих в силу появления машиночитаемого права, см.: Mohun J., Roberts A. Cracking the code: Rulemaking for humans and machines // OECD Working Papers on Public Governance. 2020. № 42. OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/3afe6ba5-en> (дата обращения: 01.07.2025).

³⁷ Черниговская Т. Язык и мозг в меняющемся мире // URL: <https://ya.ru/video/preview/7314839379532727876> (дата обращения: 01.07.2025).

³⁸ Hart's Postscript : Essays on the Postscript to «The Concept of Law». Oxford, 2001. DOI: 10.1093/ACPROF:OSO/9780198299080.001.0001.

тезис подробно раскрыт С. Н. Касаткиным³⁹. За рубежом показательна идея, озвученная Дж. Макинтайром: «Позволить машинам “интерпретировать” законодательство как код не исключает роль ценностей, а скорее заменяет развивающиеся ценности судебной системы ценностями программиста»⁴⁰.

Минимизация приведенных рисков видится в отсутствии приоритета машиночитаемого права по отношению к праву, изложенному естественным языком, создании экспертного и общественного контроля, возможности гражданина отказаться от принятия решений с помощью алгоритмов, оперативном реагировании на некорректное применение машиночитаемого права. Слабые стороны подобных рекомендаций заключаются в следующем:

1. Приоритеты сложно выстроить в условиях функционирования двух самостоятельных систем изложения правил. Смысл и содержание нормы не меняются, различается язык изложения. При этом даже термин «язык» к машиночитаемому праву слабо применим. Есть понятие государственного языка Российской Федерации (ст. 68 Конституции РФ, Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»⁴¹), оно не может подменяться правилами технологической разметки. Статус государственного языка, его конституционно-правовое значение — отдельная тема исследования, но в любом случае она не может оттесняться возможностью цифрового кодирования, которая не должна влиять на конституционные элементы российской государственности.

2. Создание экспертного и общественного контроля опровергается самой Концепцией, где главный риск сопряжен с отсутствием необходимых компетенций в области цифровизации у большинства современных юристов. Аналогичный аргумент применим к значительной части

общества, которая скорее поверит в «цифровой ГУЛАГ», чем в перспективу внедрения инноваций. Предлагаемый контроль должен быть основан на создании устойчивых институтов, которые (по опыту зарубежных стран) формируются вокруг специально создаваемых структур профессионального сообщества, объединяющего в себе специалистов технического и гуманитарного профиля. Прообразом может стать экспертный совет при Минцифры России, но он должен опираться на конкретные организации, аккумулирующие направления общественных дискуссий, создающие для них переговорные площадки, ведущие просветительскую деятельность. Пока всё это находится в стадии формирования (и работа по настройке должна ускориться).

3. Право на отказ от принятия решения с помощью алгоритма приведет к тому, что весьма значительная часть россиян зафиксирует это право и будет строго его придерживаться, видя в машиночитаемости потенциальную угрозу для себя и своих интересов. При этом основания для такой линии поведения будут находиться в большей мере в эмоциональной плоскости, изменить которую с помощью рациональных доводов пока практически невозможно. Статья 4 Закона Франции № 2016-1321 от 07.10.2016 о цифровой республике⁴² не предусматривает подобного отказа, закрепляя лишь обязанность уведомления заинтересованного лица. При этом основные характеристики и правила алгоритмической обработки доводятся до сведения, только если заинтересованное лицо этого потребует. В развитие данного положения Государственным советом Франции принят Декрет № 2017-330 от 14.03.2017 о правах лиц, в отношении которых принимаются индивидуальные решения на основе алгоритмической обработки⁴³. Подобный опыт можно взять за основу и в России.

³⁹ Касаткин С. Н. Тезис судейского усмотрения в споре Р. Дворкина и позитивистов: аргументы «позднего» Г. Харта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 372–398. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398.

⁴⁰ McIntyre J. CSIRO wants our laws turned into computer code. Here's why that's a bad idea // The Conversation. 2020. 20 January. URL: <https://theconversation.com/csiro-wants-our-laws-turned-into-computercode-heres-why-thats-a-bad-idea-130131> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴¹ СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

⁴² Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000033202746> (дата обращения: 01.07.2025).

⁴³ Décret n° 2017-330 du 14 mars 2017 relatif aux droits des personnes faisant l'objet de décisions individuelles prises sur le fondement d'un traitement algorithmique // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000034195595/2017-09-01/#LEGITEXT000034195595> (дата обращения: 01.07.2025).

В Концепции также представлены преимущества машиночитаемого права в различных сферах, где есть потребность в квалифицированных юридических услугах, таких как контрольная (надзорная) деятельность, учет, нормотворчество, ведение административных и судебных дел. Особенно подчеркивается роль цифровых платформ как основ взаимодействия участников хозяйственной деятельности. Следует отметить, что платформы играют всё более значимую роль не только в экономике государства (что позволило появиться специальному термину «платформенная экономика»⁴⁴), но и в публичной деятельности. Государство как платформа — целый концепт, который позволяет адаптировать государственное управление к новым цифровым реалиям⁴⁵. Российская Федерация также нацелена на использование преимуществ платформ, что обозначено в программном документе — Концепции создания и функционирования единой цифровой платформы Российской Федерации «ГосТех» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р⁴⁶).

Систематизируем другие основные риски, трудности, угрозы, которые возникают при внедрении машиночитаемого права.

Во-первых, онтология права, которая может быть использована в указанной технологии, не единственный подход, имеющийся в различных зарубежных практиках⁴⁷. С учетом того, что цифровой мир наиболее глобализован, ему требуются универсальные подходы. Элементарный пример: машиночитаемое право получает

распространение для беспилотных автомобилей, использование которых не ограничивается территорией одной страны, а это требует унификации. Кодирование правил должно быть единообразным, что характеризуется Т. Алланом как «деревянное применение правил» (минимизация вариативности, упрощение текста, использование однообразных терминов, оборотов, словосочетаний)⁴⁸. Нормативные акты пишутся без оглядки на их превращение в цифровой код. Это означает, что потребуются процесс пересмотра ряда документов, чтобы их максимально приспособить к машиночитаемости⁴⁹. Вряд ли подобная инициатива будет скоротечна (к тому же наверняка поднимутся политические дискуссии по тем вопросам, по которым вроде устоялся консенсус). Эксперты отмечают возможность «костенения» машиночитаемого права. Его перепроектирование будет дорогим, что может быть поставлено во главу угла в вопросе замедления реформ⁵⁰.

Во-вторых, абсолютная цифровая трансформация может привести к полному полному лаганию на выводы, подготовленные машиной. Даже в иных сферах, где участвуют цифровые помощники (как, например, в медицине), прогнозируется снижение критического осмысления алгоритмического результата. Однако в ракурсе машиночитаемого права подобная ситуация имеет принципиальное значение. Человек перестанет интересоваться элементарными положениями закона: правильно всё то, что определила машина. Значит, действия будут основываться не на нормативных актах, а

⁴⁴ Richardson L. Digital and Platform Economics // International Encyclopedia of Human Geography (Second Edition). Elsevier Ltd., 2020. P. 317–321.

⁴⁵ Brown A., Fishenden J., Thompson M., Venters W. Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK Government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF) // Government Information Quarterly. 2017. Vol. 34. № 2. P. 167–182. DOI: 10.1016/j.giq.2017.03.003.

⁴⁶ СЗ РФ. 2022. № 44. Ст. 7594.

⁴⁷ Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 22–37. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.022-037.

⁴⁸ Allan T. R. S. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. University Press, Oxford, 2003. 331 p. Данная работа часто цитируется в контексте соблюдения принципа верховенства права при усилении алгоритмизации в государственном управлении. Хотя сама по себе монография имеет посредственное отношение к проблеме машиночитаемого права.

⁴⁹ Kennedy R. E-regulation and the rule of law: Smart government, institutional information infrastructures, and fundamental values // Information Polity. 2016. Vol. 21. № 1. P. 71–98. URL: <https://doi.org/10.3233/IP-150368>.

⁵⁰ Kennedy R. Rules as code and the rule of law: ensuring effective judicial review of administration by software // Law, Innovation and Technology. 2024. Vol. 16. № 1. P. 170–193. URL: <https://doi.org/10.1080/17579961.2024.2313801> (дата обращения: 01.07.2025).

на технических решениях, определяющих функционирование цифрового устройства. Отступление от процессов, характерных для социума, произойдет и на стадии принятия нормативного акта. Не вдаваясь в его подробности (это предмет другого исследования), укажем, что правотворчество включает в себя политические элементы: формирование общественной повестки, достижение консенсуса между основными участниками политических дискуссий, согласование воли, выражающееся в принятии итогового документа. В машиночитаемом праве появляется новый субъект — программист, который будет выступать ключевым экспертом в вопросе возможности преобразования человекочитаемого текста в машиночитаемый формат, что натолкнется на дополнительное сопротивление: для кого принимается нормативный акт — для человека или машины? Это не означает отказа от междисциплинарного подхода, но и не предполагает минимализма участия в правотворчестве всех тех, чья роль закреплена в нем конституцией государства и основополагающими законами.

В-третьих, необходимо определиться с конечным продуктом — машиной, нуждающейся в соответствующей цифровой обработке законодательства. Нужно выработать общие подходы: будет ли только государство участвовать в создании и стандартизации самих устройств, использующих машиночитаемое право? Или допустимы бизнес-проекты? В этом аспекте возникает еще одна проблематика: следует ли рассматривать деятельность указанных цифровых устройств как аналог деятельности органа публичной власти (или его должностного лица) или это будет услугой, оказываемой цифровым сервисом? Изначально укажем, что как услуга машиночитаемое право активно используется в устройствах так называемого предсказательного правосудия. В мире многие компании предлагают провести первичную оценку перспектив судебного спора. Более того, многие предложения действуют как платформы, когда любой желающий может воспользоваться онлайн-услугой, получив коды доступа. Так, компания InRule представляет облачное решение InRule 5.3 и платформу InRule Decision Platform⁵¹, девизом

которых выступает: «Квалифицируйте, проверяйте и распределяйте». Ряд компаний дают платформенные решения по медиации, когда стороны могут внести в электронном виде свои доводы по урегулированию возникающего между ними спора, а затем получить перспективы его рассмотрения в судебном порядке⁵². Предполагается, что подобный подход минимизирует число обращений в судебные органы.

Появление самостоятельного сегмента на рынке электронных юридических услуг следует приветствовать, но надо учитывать, что наличие значительного числа субъектов предпринимательской деятельности в этой сфере приведет к многообразию решений в цифровой обработке нормативных актов. За рубежом обсуждается модель формирования единой кодировки законодательства, располагаемой на единой государственной платформе в виде открытых данных (с открытым кодом). Это позволит любому участнику поэкспериментировать с вариантами обработки открытых данных и предложить целый спектр услуг по примеру магазина приложений, который есть в каждом смартфоне, и устранил необходимость генерирования субъектами собственных цифровых версий правил, написанных естественным языком. Это снизит нагрузку на бюджет, связанную с расходами на внедрение концепции машиночитаемого права. Следует признать, что государство не сможет охватить полный цикл — от перевода в цифру нормативных актов до создания различных цифровых приложений, используемых в различных отраслях права. Многообразие потребует значимых финансовых вливаний, причем их безусловный успех на первоначальном этапе будет весьма сомнительным. Поэтому передача этого направления развития современного права на аутсорсинг выглядит весьма перспективной. К тому же конкуренция будет способствовать появлению различных продуктов, и государство сможет выбрать для использования в органах публичной власти наиболее подходящий продукт. Это не снимает с государства обязанности осуществления контроля за подобной деятельностью и надзора за субъектами, предоставляющими цифровые юридические услуги.

⁵¹ Newest InRule Release // URL: <https://inrule.com/news/inrule-5-3-announcement/> (дата обращения: 01.07.2025).

⁵² *Buat-Ménard É.* La justice dite «predictive»: prérequis, risques et attentes — l'expérience française // *Les Cahiers de la Justice*. 2019. Vol. 2. № 2. P. 269–276.

Выводы

1. Развитие цифровых технологий и их влияние на все сферы общественной жизни обуславливает необходимость правовой регламентации с помощью алгоритмов, действующих на основе цифровой кодировки юридических документов. Масштаб распространения цифровых технологий приводит к трансформации основных социальных институтов, среди которых и право как регулятор возникающих отношений. Это позволяет разделять понятия:

— машиночитаемое законодательство (машиночитаемое право в узком смысле) — его следует рассматривать как цифровой продукт, дающий возможность осуществлять юридическую регламентацию с помощью автоматизированной системы обработки данных, включающих в себя не только персональную информацию (в том числе фиксация действий, которые станут предметом юридической оценки), но и правовые акты, переведенные в соответствующий цифровой код;

— машиночитаемое право — новый регуляторный концепт, обусловленный появлением инновационной технологической основы, формирующейся в силу конвергенции реального мира и киберпространства, при массовом распространении которого происходит трансформация классического понимания права (риски и угрозы при прогнозируемых изменениях еще нуждаются в системной оценке).

2. Машиночитаемое право не является новой отраслью, к которой применимы признаки такой классификации, это язык изложения правового материала, выступающий дополнительным по отношению к естественному языку. Особенности кодирования юридических документов создают сложности при определении языка как средства общения. В соответствии с Конституцией РФ русский язык является государственным языком. Язык программирования не является государственным, его нельзя отнести и к языкам народов России. Официаль-

ные документы излагаются на государственном языке Российской Федерации, что представляет собой также элемент реализации государственного суверенитета.

2. Машиночитаемое право, предлагаемое российской Концепцией, будет основано на онтологии права, что не является единственной моделью, уже формируемой в современном цифровом мире. Есть разночтения в понимании самого машиночитаемого права. От понимания машиночитаемого права будет зависеть и его функционал. Необходимо уточнить конечного потребителя машиночитаемого права, что будет определять степень участия алгоритмов в принятии юридически значимого решения в отношении человека.

3. Машиночитаемое право зависит от технологического суверенитета государства. Если программное обеспечение, цифровая инфраструктура, облачные вычисления, сетевые связи не будут формироваться на отечественных разработках, то невольно возникнет проблема юридического суверенитета (как элемента цифрового суверенитета государства). Таким образом, помимо разработки алгоритмов, учитывающих текст правовых актов, нужно создать иные отечественные технические решения использования алгоритмов в практической жизни.

4. Машиночитаемое право — перспективная сфера развития юриспруденции. При этом необходимо четко соотносить результаты внедрения и риски, которые могут в последующем возникнуть. Машиночитаемое право должно развиваться параллельно с искусственным интеллектом и формированием национальной технологической базы. В противном случае при масштабировании машиночитаемого права появится зависимость от иностранных технологий и зарубежного оборудования. Нельзя рассматривать всю поднятую проблематику как плод увлеченности прогрессом. Национальное право — элемент суверенитета, обязательный признак государства, который не может оцениваться лишь как код цифрового взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В. А., Одинцов С. В. Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 190–198.
- Березина Е. А. Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 25–41.
- Вашкевич А. М., Дуюнов А. Автоматизация права : Законодательство. Публичное правоприменение. Договоры и частноправовые нормы. Ограничения. Концепция. М. : Симплоер, 2019. 19 с.

- Гаврилов С. Н. «Гёделево неразрешимое предложение» и проблематика машиночитаемого права // Lex russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 133–146.
- Гаврилов С. Н. Машиночитаемое право, закон и человекочитаемый (русский) язык // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 69–85.
- Касаткин С. Н. Тезис судейского усмотрения в споре Р. Дворкина и позитивистов: аргументы «позднего» Г. Харта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 372–398. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398.
- Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде — одна инстанция: на пути развития цифрового правосудия // Российский судья. 2024. № 11. С. 44–51.
- Лескина Э. И. Общие положения перевода права в машиночитаемый вид и технологии больших данных (big data) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2024. № 2 (57). С. 117–122.
- Липчанская М. А., Привалов С. А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 85–96.
- Перевозкин А. А. Автоматизация правоприменения: проблемы и пути их решения с использованием машинного обучения и машиночитаемого права // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 227–237.
- Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 22–37. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.022-037.
- Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра : Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве : учебник. М. : Буки Веди, 2021. 174 с.
- Солдаткина О. Л. Модернизация нормотворчества в контексте формирования цифрового права // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 3. С. 62–72.
- Фесько Д. С. Цифровизация контроля как гарантия прав граждан и организаций при его осуществлении // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 63–68.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Инфра-М, 2020. 176 с.
- Хабриева Т. Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17.
- Шаршун В. А. Машиночитаемое законодательство: понятие, специфика, перспективы развития // Pravo. by. 2022. № 1. С. 88–94.
- Allan T. R. S. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. University Press, Oxford, 2003. 331 p.
- Brown A., Fishenden J., Thompson M., Venters W. Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK Government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF) // Government Information Quarterly. 2017. Vol. 34. № 2. P. 167–182. DOI: 10.1016/J.GIQ.2017.03.003.
- Buat-Ménard É. La justice dite «predictive»: prérequis, risques et attentes — l'expérience française // Les Cahiers de la Justice. 2019. Vol. 2. № 2. P. 269–276.
- Bullinga M. Intelligent Government: Invisible, Automatic, Everywhere // The Futurist. 2004. № 32. P. 32–36.
- Governatori G. An ASP Implementation of Defeasible Deontic Logic // Künstliche Intelligenz. 2024. Vol. 38. P. 79–88.
- Governatori G., Wong M. W. Defeasible semantics for L4 // POPL ProLaLa. 15–21 January 2023. P. 1–6.
- Hart's Postscript : Essays on the Postscript to «The Concept of Law». Oxford, 2001. 452 p. DOI: 10.1093/ACP/ROF:OSO/9780198299080.001.0001.
- Kennedy R. E-regulation and the rule of law: Smart government, institutional information infrastructures, and fundamental values // Information Polity. 2016. Vol. 21. № 1. P. 71–98. URL: <https://doi.org/10.3233/IP-150368>.
- Kennedy R. Rules as code and the rule of law: ensuring effective judicial review of administration by software // Law, Innovation and Technology. 2024. Vol. 16. № 1. P. 170–193. URL: <https://doi.org/10.1080/17579961.2024.2313801>.
- Mohun J., Roberts A. Cracking the code: Rulemaking for humans and machines // OECD Working Papers on Public Governance. 2020. № 42. OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/3afe6ba5-en>.
- Mowbray A., Chung P., Greenleaf G. Representing legislative Rules as Code: Reducing the problems of «scaling up» // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. Art. 105772.
- Nikitin M. P. Non-complementary strand commutation as a fundamental alternative for information processing by DNA and gene regulation // Nature Chemistry. 2023. Vol. 15. № 1. P. 70–82. DOI: 10.1038/s41557-022-01111-y.

Richardson L. Digital and Platform Economics // International Encyclopedia of Human Geography. 2nd Edition. Elsevier Ltd., 2020. P. 317–321.

Rouvière F. La justice prédictive: peut-on réduire le droit en algorithmes? // Pouvoirs. 2021. Vol. 178. № 3. P. 97–107.

Talavera Y., Ulmann B. Brain Organoid Computing — an Overview. Preprint. Submitted on 25 Mar 2025 // URL: <https://arxiv.org/abs/2503.19770>.

Waddington M. Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective // The Loophole. 2019. № 2. P. 21–52.

REFERENCES

Aksenov VA, Odintsov SV. Machine-readable law and its role in the functioning of marketplaces. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*. 2024;498:190-198. (In Russ.).

Allan Trevor RS. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. University Press: Oxford; 2003.

Berezina EA. Machine-readable legal documents: Format development and application in foreign countries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(3):25-30. (In Russ.).

Brown A, Fishenden J, Thompson M, Venters W. Appraising the impact and role of platform models and Government as a Platform (GaaP) in UK Government public service reform: Towards a Platform Assessment Framework (PAF). *Government Information Quarterly*. 2017;34(2):167-182. DOI: 10.1016/J.GIQ.2017.03.003.

Buat-Ménard É. La justice dite «prédictive»: prérequis, risques et attentes — l'expérience française. *Les Cahiers de la Justice*. 2019;2(2):269-276.

Bullinga M. Intelligent Government: Invisible, Automatic, Everywhere. *The Futurist*. 2004;32:32-36.

Fesko DS. Digitalization of control as a guarantee of the rights of citizens and organizations in its implementation. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2020;3:63-68. (In Russ.).

Gavrilov SN. «Godel's Undecidable Proposition» and the Problems of Machine Readable Law. *Lex russica*. 2023;76(8):133-146. (In Russ.).

Gavrilov SN. Machine-Readable Law, a Statute and a Human-Readable (Russian) Language. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(4):69-85. (In Russ.).

Governatori G, Wong MW. Defeasible semantics for L4. Boston: POPL ProLaLa; 2023. P. 1–38.

Governatori G. An ASP Implementation of Defeasible Deontic Logic. *Künstliche Intelligenz*. 2024;38:79-88.

Hart's Postscript: Essays on the Postscript to «The Concept of Law». Oxford; 2001. DOI: 10.1093/ACPROF:O SO/9780198299080.001.0001.

Kasatkin SN. The thesis of judicial discretion in a dispute. Dvorkin and the Positivists: arguments of the «later» H. Hart. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2022;3:372-398. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-372-398.

Kennedy R. E-regulation and the rule of law: Smart government, institutional information infrastructures, and fundamental values. *Information Polity*. 2016;2(1):71-98. Available at: <https://doi.org/10.3233/IP-150368>.

Kennedy R. Rules as code and the rule of law: Ensuring effective judicial review of administration by software. *Law, Innovation and Technology*. 2024;16(1):170-193. Available at: <https://doi.org/10.1080/17579961.2024.2313801>.

Khabrieva TYa, Chernogor NN. The future of law. The legacy of Academician V. S. Stepin and legal science. Moscow: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Identification of law in modern social regulation. *Voprosy filosofii*. 2021;12:5-17. (In Russ.).

Laptev VA. Artificial intelligence in court — one instance: Towards the development of digital justice. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2024;11:44-51. (In Russ.).

Leskina EI. General provisions on the translation of law into machine-readable form and big data technologies. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Proceedings of Voronezh State University. Law Series]*. 2024;2(57):117-122. (In Russ.).

Lipchanskaya MA, Privalov SA. Development of machine-readable law technologies: Theoretical problems and prospects. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;10:85-96. (In Russ.).

Mohun J, Roberts A. Cracking the code: Rulemaking for humans and machines. *OECD Working Papers on Public Governance*. 2020;42. OECD Publishing, Paris. Available at: <https://doi.org/10.1787/3afe6ba5-en>.

Mowbray A, Chung P, Greenleaf G. Representing legislative Rules as Code: Reducing the problems of «scaling up». *Computer Law & Security Review*. 2023;48. Article 105772.

- Nikitin MP. Non-complementary strand commutation as a fundamental alternative for information processing by DNA and gene regulation. *Nature Chemistry*. 2023;15(1):70-82. DOI: 10.1038/s41557-022-01111-y.
- Perevozkin AA. Law enforcement automation: Problems and solutions using machine learning and machine-readable law. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2025;1:227-237. (In Russ.).
- Perevozkin AA. Theoretical and legal characteristics of machine-readable law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;8:22-37. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.022-037.
- Ponkin IV, Lapteva AI. Law and Digital: Machine-readable law, digital twin models, digital formalization and digital ontogeny in law: A textbook. Moscow: Buki Vedi Publ.; 2021. (In Russ.).
- Richardson L. Digital and Platform Economics. International Encyclopedia of Human Geography. 2nd Edition. Elsevier Ltd., 2020. P. 317–321.
- Rouvière F. La justice prédictive: peut-on réduire le droit en algorithmes? *Pouvoirs*. 2021;178(3):97-107.
- Sharshun VA. Machine-readable legislation: Concept, specifics, development prospects. *Pravo.by*. 2022;1:88-94. (In Russ.).
- Soldatkina OL. Modernization of rulemaking in the context of digital law formation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2024;3:62-72. (In Russ.).
- Talavera Y, Ulmann B. Brain Organoid Computing — an Overview. Preprint. Submitted on 25 Mar 2025. Available at: <https://arxiv.org/abs/2503.19770>.
- Vashkevich AM, Duyunov A. Automation of law: Legislation. Public law enforcement. Contracts and private law norms. Limitations. The concept. Moscow: Simpler Publ.; 2019. (In Russ.).
- Waddington M. Machine-consumable legislation: A legislative drafter's perspective. *The Loophole*. 2019;2:21-52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Романовский Георгий Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий научный сотрудник Юридического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева
д. 68, Большевицкая ул., г. Саранск 430005, Российская Федерация
vlad93@sura.ru

Романовская Ольга Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета
д. 40, Красная ул., г. Пенза 440026, Российская Федерация
vlad1993gb@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Georgy B. Romanovsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Central Volga Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Senior Researcher, Law Institute, National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russian Federation
vlad93@sura.ru

Olga V. Romanovskaya, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, Research Institute of Fundamental and Applied Research, Penza State University, Penza, Russian Federation
vlad1993gb@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 1 июля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 15 сентября 2025 г.
Принята к печати 15 июля 2026 г.*

*Received 01.07.2025.
Revised 15.09.2025.
Accepted 15.07.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156

Е. А. Фокин

Арбитражный суд Калининградской области
г. Калининград, Российская Федерация

Судебные доктрины в сфере банкротства

Резюме. Статья продолжает серию научных разработок автора о теоретических основах судебного правоприменения по делам о банкротстве. Основным драйвером банкротного права сегодня выступает судебное правотворчество. Это обусловлено объективными причинами: в силу стремительных социально-экономических изменений законодатель не успевает урегулировать сферы общественных отношений, которые являются предметом банкротного права. Судам при рассмотрении дел о банкротстве в условиях дефицита законодательной материи приходится решать нетривиальные задачи. Далека от совершенства и процессуальная форма рассмотрения дел о банкротстве. Эти обстоятельства актуализируют вопрос о формировании в сфере банкротства судебных доктрин — особых методологических начал, подразумевающих научно обоснованные подходы к разрешению дел о несостоятельности. В статье аргументируется необходимость судебных доктрин в сфере банкротного права, предлагается их понятие, раскрываются сущностные признаки, а также проводится разграничение судебных доктрин и смежных категорий. Кроме того, в исследовании уделено внимание вкладу профессора В. В. Лазарева (1940–2025) в развитие российской школы теории права. Подчеркивается, что теоретико-правовые идеи и концепции ученого об установлении и устранении пробелов в праве, роли суда в этом процессе, интегративном подходе к пониманию права, месте судебной практики в правовой системе актуальны для развития правового регулирования несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: судебные доктрины; судебное правотворчество; банкротное право; пробелы в праве; принципы банкротства

Для цитирования: Фокин Е. А. Судебные доктрины в сфере банкротства. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 8. С. 137–156. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156

Judicial Doctrines in the Field of Bankruptcy

Evgeniy A. Fokin

Commercial (Arbitrazh Procedure) Court of the Kaliningrad Region
Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. The paper continues the author's series of scientific developments on the theoretical foundations of judicial enforcement in bankruptcy cases. The main driver of bankruptcy law today is judicial law-making. This is due to objective reasons: due to rapid socio-economic changes, the legislator does not have time to regulate the spheres of public relations that are the subject of bankruptcy law. Courts have to solve non-trivial tasks when considering bankruptcy cases in conditions of a shortage of legislative matter. The procedural form of bankruptcy proceedings is also far from perfect. These circumstances actualize the issue of the formation of judicial doctrines in the field of bankruptcy, namely special methodological principles implying scientifically based approaches to resolving insolvency cases. The paper substantiates the need for judicial doctrines in the field of bankruptcy law, suggests their concept, reveals their essential features, and distinguishes judicial doctrines from related categories. In addition, the study focuses on the contribution of Professor V. V. Lazarev (1940–2025) in the development of the Russian school of legal theory. It is emphasized that the theoretical and legal ideas and concepts of the scientist on the establishment and elimination of gaps in law, the role of the court in this process, an integrative approach to understanding law, the place of judicial practice in the legal system are relevant for the development of legal regulation of insolvency (bankruptcy).

Keywords: judicial doctrines; judicial law-making; bankruptcy law; gaps in law; principles of bankruptcy

© Фокин Е. А., 2026

Cite as: Fokin EA. Judicial Doctrines in the Field of Bankruptcy. *Lex russica*. 2026;79(8):137-156. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.237.8.137-156

Введение

На современном этапе развития правоприменительной практики преобладающей категорией экономических споров, рассматриваемых арбитражными судами, остаются дела о банкротстве. Об этом свидетельствует актуальная судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ¹. На то, что банкротных дел стало более четверти от общего количества дел арбитражных судов, обращал внимание и Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов².

Не умаляя значения всех иных категорий экономических споров, отметим, что дела о банкротстве всё же считаются одними из самых сложных. Сегодня судья по банкротству — это специалист максимально широкого профиля, не замыкающийся на специфике каких-то конкретных гражданско-правовых или административных отношений. Более того, в рамках банкротных дел приходится погружаться в специфику тех отраслей права, которые ранее воспринимались как параллельная реальность, далекая от арбитражных судов. Например, применение норм трудового или семейного законодательства в обособленных спорах — уже привычное явление.

Не вызывает сомнений, что при таких количественных и качественных характеристиках дел о банкротстве российское банкротное право сегодня как никогда заинтересовано в концептуальных и фундаментальных осмыслениях не только частных вопросов развития судебной практики или юридической техники законодательных норм, но и в целом методологических основ развития института несостоятельности. В рамках статьи предметом внимания будет

концепция судебных доктрин в российском праве и перспективы ее использования для целей развития правового регулирования института несостоятельности (банкротства). Суд остается центральным субъектом правоприменения в банкротном праве, а судебная практика — основным драйвером развития этого направления правового регулирования. Вместе с тем при формулировании правовых позиций высшей судебной инстанцией то и дело возникает вопрос: решает ли эта позиция проблему по методу «здесь и сейчас» или же в ней есть также и некий взгляд в будущее? Концепция судебных доктрин призвана внести ясность в данный вопрос. Значение этой концепции в том, что она переосмысливает как роль суда в правоприменительной деятельности, так и функции судебной практики.

Автором статьи на страницах журнала *Lex russica* уже кратко отмечалась перспективность развития российского банкротного права через формирование судебных доктрин³. Между тем этот вопрос видится слишком важным, чтобы ограничиваться кратким упоминанием вскользь. Думается, что он требует более обстоятельного рассмотрения и основательного теоретического осмысления. Нелишним будет обратить внимание и на то, что в научной литературе (в том числе опять же в журнале *Lex russica*) ведется дискуссия о роли судебных доктрин⁴, что не может не рождать у автора этих строк желания присоединиться к идущим обсуждениям (как в силу текущей практической работы в области судебного правоприменения, так и в силу предшествующего опыта работы в ИЗИСП при Правительстве РФ, причастного к формированию концепции судебных доктрин).

¹ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 07.04.2026).

² Доклад И. В. Краснова на ежегодном Совещании судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов Российской Федерации // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/35518/ (дата обращения: 07.04.2026).

³ См.: Фокин Е. А. Конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве // *Lex russica*. 2026. № 1. С. 94–108.

⁴ Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // *Lex russica*. 2021. № 12. С. 96–107 ; Синюков В. Н. Судебная доктрина в российском правовом порядке // *Lex russica*. 2026. № 1. С. 9–18.

О необходимости поиска новых методологических подходов к правовому регулированию института несостоятельности (банкротства)

Прежде чем переходить непосредственно к вопросам о судебных доктринах, следует ответить на другой вопрос: зачем вообще современному российскому банкротству какие-то новые методологические подходы и теоретические конструкции?

Банкротное право, если рассматривать его как отрасль российского права (что само по себе является поводом для дискуссий), существенно отличается от других отраслей — как по содержанием особенностям, так и по законам жанра в своем развитии. Наиболее заметная особенность состоит в том, что для института банкротства в России характерен перерыв в исторической традиции. Дореволюционный этап развития доктрины банкротного права неразделимо связан с работами А. Х. Гольмстена⁵, К. Малышева⁶, Е. А. Нефедьева⁷, Г. Ф. Шершеневича⁸, других ученых. В советский период теория банкротного права по понятным причинам развития получить не могла — советская политико-правовая доктрина институт банкротства не признавала⁹. При всей значимости дореволюционных работ, в которых действительно можно найти ответы на вопросы, актуальные и на современном этапе, их всё же недостаточно для того, чтобы у российского института несостоятельности (банкротства) была прочная, исторически сформированная доктринальная опора.

Возможно, именно перерыв в исторической традиции привел к тому, что первые два

постсоветских закона о банкротстве¹⁰ получали преимущественно критические оценки как со стороны научного сообщества, так и в среде практиков. Ныне действующий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹¹ (далее — Закон о банкротстве) хотя и не идеален, но всё же прошел проверку временем. Тем не менее отсутствие исторической традиции прослеживается и в нем. Так, в Законе отсутствует глава, посвященная принципам или основным началам правового регулирования несостоятельности (банкротства). Сложно в этом вопросе опираться и на Конституцию РФ, которая о банкротстве вообще не упоминает. Думается, связано это с тем, что как на момент принятия Конституции РФ, так и на момент принятия Закона о банкротстве принципы и основные начала банкротного права только начинали подвергаться теоретическому осмыслению. Завершено ли это осмысление сегодня — вопрос открытый.

По этим причинам в разработке концепций и общих методологических подходов судебное правоприменение зачастую находится в своеобразном режиме самообслуживания, самостоятельно формируя востребованные для банкротства теоретические конструкции. Например, именно в судебной практике по делам о банкротстве была сформирована категория стандартов доказывания. Думается, есть все основания утверждать, что они успешно интегрированы в науку процессуального права (которая сначала была настроена к ним достаточно консервативно)¹². Есть немало и других примеров формирования именно в практике концепций

⁵ Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888.

⁶ Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1871.

⁷ Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М. : Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, 1909.

⁸ Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань : Тип. университета, 1890.

⁹ Недолгая попытка внедрения института банкротства в советское право имела место в годы НЭПа и была предметом обобщения А. Ф. Клейнмана. См.: Клейнман А. Ф. О несостоятельности частных лиц по советскому процессуальному праву. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1929.

¹⁰ Закон РФ от 19.11.1992 № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» // Российская газета. 1992. № 279 ; Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. 1998. № 10–11.

¹¹ Российская газета. 2002. № 209–210.

¹² См.: Решетникова И. В. Роль судебной практики в развитии процессуального права и науки // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 3. С. 36–42.

В диссертационном исследовании М. А. Козлова успешно решены вопросы соотношения стандартов доказывания с классическими категориями российского доказательственного права. См.: Козлов М. А. Стандарты доказывания в арбитражном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.

и доктрин, необходимых для решения задач правоприменительной деятельности¹³.

Еще одной характерной чертой законодательства о банкротстве является то, что оно всегда будет содержать пробелы, а законодатель всегда будет отставать от социально-экономической реальности. Правовые отношения, являющиеся предметом регулирования банкротного права, имеют огромное множество нюансов, подводных камней и аспектов, относящихся к тем сферам, которые, возможно, и не предполагалось регулировать на законодательном уровне. Арбитражным судам приходилось решать немало вопросов при полном отсутствии нормативно-правовой регламентации. Яркий пример — вопрос о криптовалюте в конкурсной массе¹⁴.

Говоря о пробелах в праве, невозможно не вспомнить недавно ушедшего от нас профессора В. В. Лазарева (1940–2025). Валерий Васильевич как в советское время, так и на современном этапе подчеркивал роль суда, во-первых, в установлении пробела в праве, во-вторых, в его устранении. Так, в монографии «Пробелы в праве и пути их устранения»¹⁵ (основанной на докторской диссертации) ученый на конкретных примерах показывал, как советская судебная практика формально-логическим методом выявляет пробелы в праве и затем их устраняет. Подобное научное исследование в условиях того времени требовало немалой смелости — как минимум потому, что советское право предполагалось беспробельным, а роль суда сводилась к механическому правоприменению. В публикациях последних лет В. В. Лазарев особенно подчеркивал роль судебной практики в развитии российского права, нередко выступая инициатором подготовки крупных монографических изданий¹⁶. Не берясь цитировать все

тезисы и взгляды ученого о пробелах в праве и роли судебной практики (думается, российская наука еще не раз отдаст должное памяти профессора), отметим его принципиальную убежденность в том, что ключевая роль в выявлении и устранении пробелов в праве принадлежит судебным органам. Профессора в течение всего его научного пути волновала проблема необходимости разрешения судом правового конфликта в условиях дефицита законодательного материала. Размышляя о роли судебных органов, В. В. Лазарев пришел к выводам об определяющей роли суда в формировании правового пространства¹⁷.

Сказанное актуально и для банкротного права. Единственное место, где выявляется реально существующий пробел законодательства о банкротстве, — это зал судебного заседания. В иных случаях это еще не пробел, а теоретическая позиция о несовершенстве законодательства. Суду же и принадлежит функция преодоления этого пробела, разрешения правового конфликта при имеющемся законодательном регулировании. Следовательно, у суда должна быть некая методология по выполнению данной задачи.

Чем отличается пробельность законодательства о банкротстве от пробельности иных отраслей российского законодательства?

Теория права с первого курса учит нас, что есть два способа устранения пробела в праве: аналогия закона и аналогия права. Законодатель к этим урокам прислушался в 2015 г. и внес изменения в арбитражное процессуальное законодательство¹⁸. Действительно, в целом в правоприменительной плоскости они используются достаточно активно. Однако они оба слабо подходят для устранения пробелов в правовом регулировании банкротства.

¹³ Конкретные примеры формирования теоретических доктрин в практике Верховного Суда РФ были обобщены в монографии ИЗиСП при Правительстве РФ. См.: Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; предисл. И. Л. Подносковой. 2-е изд., доп. М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2025.

¹⁴ См. подробнее: *Хорошавин М. Ю.* К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве // *Гражданин и право*. 2024. № 4. С. 66–73 ; *Османова Д. О.* Цифровые активы в конкурсной массе должника // *Право и цифровая экономика*. 2023. № 2. С. 34–42.

¹⁵ *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974.

¹⁶ См., например: *Судебная практика в современной правовой системе России : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева.* М. : ИЗиСП : Норма, 2017.

¹⁷ *Лазарев В. В.* Судебный активизм в формировании правового пространства // *Журнал российского права*. 2021. № 9. С. 5–17.

¹⁸ Федеральный закон от 29.06.2015 № 195-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // *Российская газета*. 2015. № 145.

Так, аналогия закона исходит из того, что при отсутствии законодательной нормы возможно обратиться к норме, регулирующей сходные правовые отношения. Но для целого ряда экономических споров о банкротстве это путь в никуда. Например, в последние годы на рассмотрение арбитражных судов периодически поступают дела о банкротстве недропользователей. Закон о банкротстве не содержит специального регулирования рассмотрения дела о несостоятельности такой категории юридических лиц. Закон о недрах¹⁹ тоже отличается лаконичностью. Единственное упоминание банкротства в этом нормативном правовом акте касается права обанкротившегося недропользователя передать права недропользования другому лицу (при соблюдении ряда условий). Но, во-первых, это регулирование ставит перед арбитражными судами ряд нетривиальных задач, требующих решения в отсутствие развернутого регулирования²⁰. Во-вторых, в ходе рассмотрения таких дел возникает множество других вопросов: можно ли реализовать отходы недропользования, как меняется статус недропользователя (и меняется ли вообще) в случае его банкротства, какова правовая судьба договоров, заключенных недропользователем, при банкротстве²¹ и т.д. Решать эти вопросы посредством аналогии закона невозможно, поскольку законодательного акта, регулирующего сходные правовые отношения, не существует.

Аналогия права указывает на возможность в условиях законодательного пробела исходить из общих принципов правового регулирования. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации²² несколько более конкретен и во введенной в 2015 г. ч. 5 ст. 3 указывает на «общие принципы правосудия». Во всяком слу-

чае, при выявлении пробелов в законодательстве о банкротстве и необходимости применить аналогию права суд сталкивается со специфическими задачами. Как отмечалось выше, в Законе о банкротстве нет положений о принципах правового регулирования отношений в сфере несостоятельности. Нет норм о банкротстве и в Конституции РФ. Следовательно, применение аналогии права уже само по себе затруднено. Единственный выход — применять фундаментальные принципы, предназначенные для правового регулирования в целом, а не только для банкротства. Но и здесь есть принципиальные вопросы. Применение аналогии права не может осуществляться механически или автоматически, а само по себе требует судебной интерпретации²³. Данная интерпретационная деятельность суда нуждается в некой научно обоснованной, системной и внутренне непротиворечивой методологии. Это особенно актуально для банкротства. При столкновении с пробелом в законодательстве суду, если он всё же предпримет попытку обратиться к аналогии права, следует провести творческие операции по выявлению принципов, которым должно быть подчинено регулирование спорных правоотношений²⁴, а также ограничений в возможностях применения этих принципов.

Сказанное, как представляется, является достаточным аргументом для постановки вопроса о необходимости формирования в судебной практике судебных доктрин, которые в самом общем виде (это понятие мы еще уточним) можно понимать как общие методологические подходы к разрешению правовых конфликтов в сфере банкротства.

Прежде чем дальше рассматривать проблематику судебных доктрин и переходить к кон-

¹⁹ Закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах» // Российская газета. 1995. № 52.

²⁰ Например, в постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 05.02.2025 № Ф10-4842/2019 по делу № А23-8191/2017 рассматривался вопрос о том, что должнику выгоднее и полезнее для достижения цели восстановления платежеспособности: продолжить заниматься недропользованием самому или передать права недропользования иному лицу.

²¹ Третьякова Е. П. Договорные конструкции права пользования недрами в деле о банкротстве // Законодательство. 2024. № 8. С. 70–75.

²² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. № 137.

²³ См.: Грачева С. А. Принципы судебной интерпретации как конституционно значимые гарантии гражданского процесса // Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности : монография / отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 46–62.

²⁴ См.: Комиссаров К. И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 60–67.

кретным вопросам, следует сказать несколько слов о специфике процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве.

В силу ст. 32 Закона о банкротстве и ч. 1 ст. 223 АПК РФ дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным названным Кодексом, с особенностями, установленными федеральными законами, регулирующими вопросы несостоятельности (банкротства). Между тем процессуальный регламент рассмотрения дел о банкротстве всегда вызывал у ученых вопросы. Закон о банкротстве не является процессуальным кодексом, он регулирует отдельные вопросы рассмотрения соответствующего банкротного дела, но всё же это регулирование не выстроено в целостную систему. Банкротство сегодня — это особая реальность процессуального права, в котором острую актуальность имеют вопросы о применении принципов правосудия, выделении стадий судопроизводства²⁵, регламентации доказывания и т.д. Даже терминология Закона о банкротстве имеет мало общего с терминологией процессуального законодательства. Например, названный Закон термины «истец» и «ответчик» использует с демонстративной неохотой. Так, в 2017 г. был введен институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Пункт 1 ст. 61.15 указывает: «Лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, имеет права и несет обязанности лица, участвующего в деле о банкротстве, как ответчик по этому заявлению». Для автора настоящего исследования загадка, почему законодатель не прибег к более понятной формулировке: «Лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, является ответчиком» (видимо, по логике законодателя он не ответчик, он «как ответчик»). В последующих частях ст. 61.15 Закона о банкротстве бюрократические методы терминологического избегания продолжают. Отвечающее по иску о привлечении к субсидиарной ответственности лицо — это не ответчик, а «указанное в абзаце первом настоящего пункта лицо», «лицо,

в отношении которого подано заявление о привлечении к ответственности».

Процессуальная форма рассмотрения дела о банкротстве уже была предметом исследования в отечественной науке, в том числе она изучалась и автором настоящей статьи²⁶. Основной вывод: сегодня имеет место необходимость конкретизации общеправовых принципов применительно к делам о банкротстве, что будет способствовать повышению эффективности процессуальной формы по данной категории экономических споров. В этом контексте мы вновь приходим к ранее высказанному тезису. Как общеправовые принципы, так и принципы правосудия по делам о банкротстве остаются неконкретизированными, хотя их фундаментальность и актуальность для правоприменения вряд ли нуждаются в каких-либо дополнительных обоснованиях. Соответственно, суду необходима некая методология, во-первых, по выявлению этих принципов, во-вторых, по их практической реализации в конкретном деле. И это опять же подчеркивает своевременность и обоснованность постановки вопроса о формировании судебных доктрин как особой методологии правоприменительной деятельности суда.

Судебные доктрины в российском праве и целесообразность их внедрения в правовое регулирование банкротства

Понятие судебных доктрин является сравнительно новым для российской юридической науки. Действительно, особо не отрицалось, что в судебной практике так или иначе формируются определенные научно обоснованные методологические начала и что практика влияет на развитие науки, а наука — на развитие практики. Тем не менее понимание судебных доктрин оставалось недостаточно конкретизированным. Заслуга в осмыслении данного понятия принадлежит Х. И. Гаджиеву и В. В. Лазареву.

Х. И. Гаджиев под судебной доктриной подразумевает испытанный подход к решению конкретных судебных дел в контексте достижения правовой науки и судебной практики, одновременно направленный на их развитие²⁷. Уче-

²⁵ Например, не совсем понятно, когда в банкротстве начинается и заканчивается стадия подготовки дела к судебному разбирательству.

²⁶ Фокин Е. А. Указ. соч.

²⁷ Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14.

ный делает акцент на сравнительно-правовом осмыслении судебных доктрин и показывает, что их формирование является объективной закономерностью как международного, так и национального правосудия, причем различных правовых систем. Наконец, интересным видится и обобщение Х. И. Гаджиевым факторов, влияющих на формирование судебных доктрин. К ним он относит судебное правотворчество, интерпретацию, аргументацию и уважение к предыдущим решениям при аналогичных фактах, такое же отношение к полученному в результате толкования нормы смыслу²⁸.

Эти же факторы присутствуют в развитии судебной практики по делам о банкротстве. То обстоятельство, что российское банкротное право развивается в основном силами и средствами судебного правотворчества, — безусловно, объективная реальность²⁹. При этом судебная доктрина формируется, во-первых, путем интерпретации правовых норм (как норм-принципов, так и норм, регулирующих конкретные спорные правоотношения), во-вторых, путем логической аргументации³⁰.

Интересна эволюция взглядов профессора В. В. Лазарева. К теоретико-правовому осмыслению судебных доктрин он пришел уже на поздних этапах своего творческого пути. Этому осмыслению предшествовало обоснование интегративного подхода к праву. В частности, в публикациях и выступлениях на конференциях Валерий Васильевич последовательно отстаивал тезис о том, что право как таковое воплощается в судебных решениях. Более того, суд является единственным субъектом, который

способен материализовать право; по сути, всё то, что признается правом, воплощается именно в судебном решении³¹.

Прежде чем отслеживать дальнейшую эволюцию взглядов профессора В. В. Лазарева, отметим, что тезис об интегративном подходе к праву уже сам по себе актуален для банкротства. Банкротное право не сводится к банкротному законодательству³². Суд творит право, обосновывая новые конструкции, необходимые для эффективного правоприменения (например, субординация требований кредиторов). Кроме того, он отвергает те конструкции, которые эффективному правоприменению не способствуют (например, де-факто судами отвергнута законодательно закрепленная процедура финансового оздоровления несостоятельного должника)³³.

Неслучайно идея упомянутой выше коллективной монографии «Судебная практика в современной правовой системе России», увидевшей свет в 2017 г., появилась у профессора В. В. Лазарева в те же годы, когда он обосновывал интегративный подход к праву. Идея этой монографии заключалась в следующем: если суд в конкретном решении воплощает право, то судебная практика воплощает доктринальные и правовые ценности общества. Сам В. В. Лазарев в этой монографии предметно аргументировал тезис о том, что через властные функции суда идет правообразование, правореализация и правоохрана³⁴.

В ходе подготовки монографии «Судебная практика в современной правовой системе России» профессору В. В. Лазареву и его единомышленникам (последователям) стало очевидно, что для реализации правотворческих

²⁸ Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения. С. 16.

²⁹ В научной литературе даже встречается термин «судебное банкротное право», это понятие выглядит дискуссионным и требует дополнительного доктринального осмысления. См., например: Суворов Е. Д. Судебное банкротное право : сборник. М. : Статут, 2022. Вып. 2.

³⁰ Проблематика судебной аргументации — еще один предмет научных исследований Х. И. Гаджиева. См.: Гаджиев Х. И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 91–105 ; Он же. Сравнительное право в методологии судебной аргументации — средство правотворческой роли судьи // Российская юстиция. 2025. № 7. С. 9–16 ; Он же. Роль судебной аргументации в обеспечении устойчивого конституционно-правового развития // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 34–49.

³¹ Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–18.

³² Как, впрочем, и право не сводится к законодательству.

³³ Это явление отдельные ученые предлагают именовать судебной нуллификацией нормативного правового акта. См.: Шмелев А. Н. Судебная нуллификация нормативного правового акта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

³⁴ См.: Лазарев В. В. Место суда и судебной практики в правовой системе России // Судебная практика в современной правовой системе России. С. 39.

функций суду необходимы некие методологические начала. Именно эти начала должны служить развитию правопорядка, не допуская превращения судебной практики в совокупность правовых подходов, подчас противоречащих друг другу. Так появилась идея монографии «Судебные доктрины в российском праве: теория и практика», опубликованной в 2020 г.³⁵ Исходное (для членов творческого коллектива) понимание судебных доктрин В. В. Лазарев и Х. И. Гаджиев сформулировали следующим образом: «Судебные доктрины являются уникальным инструментом суда, благодаря которому он способен не просто быстро и эффективно реагировать на социальные изменения, но и соединять в масштабе рассмотрения конкретных дел прогрессивные достижения правовых систем, чему, в частности, способствует судебное освоение интегративных свойств права, применение сравнительно-правовой интерпретации»³⁶.

Это же понимание актуально для судебных доктрин банкротного права. Они являются средством оперативного реагирования суда (и в целом судебной практики) на социально-экономические изменения; кроме того, они интегрируют наиболее прогрессивные достижения правового развития.

Судебная доктрина — это методологическое начало рассмотрения правового конфликта. Методология формирования самих судебных доктрин была предметом рассмотрения Х. И. Гаджиева. Ученый последовательно обосновал тезис о том, что они формируются судом эмпирически, путем общенаучного и конкретного познания права³⁷.

Не вдаваясь в излишне реферативное изложение упомянутой монографии, остановимся на важнейших тезисах, обосновывающих роль и место судебной доктрины в современном правопорядке.

1. Судебная доктрина — это методологическое начало развития судебной практики, без которого правовые позиции будут лишены общего знаменателя и в совокупности приведут к отсутствию должного единообразия в правоприменении.

2. Судебная доктрина — это выражение права как такового. Она является отражением правотворческой функции суда, но реализации этой функции предшествует эмпирическое и научно обоснованное познание права.

3. Судебная доктрина имеет определяющее значение в условиях пробельности законодательного регулирования и несовершенства процессуальной формы, поскольку именно она является средством осмысления судами правовых принципов и основополагающих начал нормативно-правового регулирования.

4. Судебная доктрина обеспечивает правоприменение в соответствии с современными социально-экономическими реалиями.

Завершая краткий обзор судебных доктрин в российском праве, отметим, что перспективы их внедрения в отраслевое правовое регулирование уже констатировались российскими учеными. Впервые термин «судебная доктрина» был обозначен в кандидатской диссертации Е. В. Тарибо, посвященной доктринам Конституционного Суда РФ в сфере налогообложения³⁸. Данная работа была защищена в 2005 г., и ее автор отмечал, что доктрины как явление появились в судебной практике США. Под ними, в частности, понимался некий принцип (концепция) рассмотрения и разрешения дел, сходных по характеру³⁹. Е. В. Тарибо исходил из того, что такое понимание не совсем актуально для российского правоприменения. Представляется, что это была всё же позиция, актуальная для 2005 г. На современном же этапе, думается, что такое же понимание может быть уместным и в отечественной правовой системе.

³⁵ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗИСП : Норма : Инфра-М, 2020.

³⁶ Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 17.

³⁷ Гаджиев Х. И. Судебные доктрины как результат общенаучного и конкретного познания права // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика. С. 20–37.

³⁸ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения: теоретический и практический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³⁹ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения. С. 11–12.

Соотношение судебных доктрин и смежных категорий.

Органы, формирующие судебные доктрины

В рамках настоящего исследования значимым видится вопрос о соотношении судебных доктрин и правовых принципов; судебных доктрин и правовых прецедентов (правовых позиций). Как отмечалось в начале статьи, принципы правового регулирования банкротства остаются недостаточно конкретизированными. Можно упомянуть недавнее диссертационное исследование И. Н. Смоленского, являющееся первой работой, в которой предметно рассмотрена трансформация гражданско-правовых принципов при банкротстве физических лиц⁴⁰. Ранее данной проблематике были посвящены лишь отдельные научные статьи, к тому же немногочисленные⁴¹.

По мнению автора статьи, вопрос о том, есть ли в правовом регулировании банкротства какие-либо специальные принципы, отличающиеся от общих принципов гражданского права и правосудия, является дискуссионным. Предпосылок для положительного ответа на этот вопрос пока не наблюдается. В работе И. Н. Смоленского действительно предложено выделять особые принципы банкротного права (применительно к физическим лицам)⁴², но при всей значимости обосновываемых категорий всё же представляется, что на квалификацию в качестве правового принципа они претендовать не могут. Сказанное актуализирует теоретико-правовую дискуссию о понятии правового принципа и трансформации некой фундаментальной идеи из просто значимой в правовой принцип. В предмет исследования в рамках

данной статьи эта дискуссия не входит, поэтому видится возможным на ней не останавливаться.

Судебная доктрина является методологическим началом реализации правового принципа. Сами принципы, будучи в том или ином виде закрепленными и конкретизированными, требуют формирования подходов к их реализации. Если такие подходы не сформированы, то правовой принцип рискует остаться декларативным.

Применительно к правовому регулированию банкротства специфика судебных доктрин состоит в том, что, во-первых, они конкретизируют правовые принципы, касающиеся данной категории дел, во-вторых, с большей или меньшей определенностью раскрывают методологию реализации соответствующего принципа.

Приведем конкретный пример. Рассмотрение дела о банкротстве должно быть подчинено принципу состязательности. Как иные принципы, он в законодательстве о банкротстве не конкретизирован. Немалую актуальность состязательность имеет в делах о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (как банкротной, так и внебанкротной). Чтобы этот принцип не превратился в декларативный, судебной практикой выработаны развернутые разъяснения. По сути, институт субсидиарной ответственности, базирующийся на правовых презумпциях — основаниях привлечения к такой ответственности, зиждется на категориях доказательственного права. Принятое в 2017 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»⁴³ вопросам доказывания

⁴⁰ Смоленский И. Н. Принципы гражданского права при банкротстве физических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2025.

⁴¹ См., например: Карелина С. А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. 2023. № 6. С. 15–24; Фролов И. В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 35–44.

⁴² Принцип контроля за ходом процедуры со стороны компетентных государственных органов и саморегулируемых организаций; принцип обоснованности возбуждения дела о несостоятельности должника и введения конкретной процедуры банкротства; принцип социальной реабилитации; принципы очередности, пропорциональности и сбалансированности погашения требований кредиторов в делах о банкротстве; принцип активного поведения; принцип залогового приоритета в делах о банкротстве; принцип планирования; принцип совместной имущественной ответственности супругов (бывших супругов) по обязательствам другого супруга (бывшего супруга). См.: Смоленский И. Н. Принципы гражданского права при банкротстве физических лиц. С. 14–15.

⁴³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

(определению предмета доказывания, распределению бремени доказывания) уделяет предметное внимание, которое после внесения в данные разъяснения уточнений в декабре 2025 г.⁴⁴ стало еще более развернутым. Более того, проблематика фактически неравных возможностей сторон при доказывании наличия оснований привлечения к субсидиарной ответственности была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ⁴⁵.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что процессуальному принципу состязательности сопутствует судебная доктрина его реализации, постепенно вырабатываемая правоприменительной практикой.

В свете изложенного актуализируется вопрос об органах, формулирующих судебные доктрины.

В вышеупомянутой кандидатской диссертации Е. В. Тарибо указывается на то, что судебная доктрина создается практикой Конституционного Суда РФ⁴⁶. В докторской же диссертации ученый использовал термин «судебно-конституционные доктрины»⁴⁷. Во всяком случае, как представляется, утверждение, что судебные доктрины формирует исключительно Конституционный Суд РФ, было бы ошибочным. Действительно, в практике органа конституционного контроля могут формироваться и формируются методологические подходы к рассмотрению дел (соответствующие примеры есть в исследованиях как Е. В. Тарибо, так и других авторов). Если в практике Конституционного Суда РФ сформирована судебная доктрина, то для иных судебных органов вопрос, принимать ли ее во внимание, не стоит в принципе.

Тем не менее нельзя отрицать и роль иных судов в формировании судебных доктрин. Прежде всего, сформировать их может и Верховный Суд РФ, например в постановлении Пленума или даже определении по конкретному делу (серии таких определений). В рамках статьи уже упоминалась субординация требований кредиторов несостоятельного должника. Если рассматривать ее как судебную доктрину, то совершенно очевидно, что сформировалась она исключительно посредством принятия отдельного Обзора 2020 г. судебной практики в отсутствие как внятного законодательного регулирования, так и конкретных позиций Конституционного Суда РФ. К тому же эта доктрина эволюционирует, что подтверждается как минимум принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам субординации⁴⁸.

Конечно, судебная доктрина требует своего дальнейшего многократного использования в правоприменительной деятельности, без которой она фактически отмирает. Судебная практика является своеобразной экосистемой судебной доктрины. Так, методологический подход, обозначенный Конституционным Судом РФ, постепенно внедряется и в практику Верховного Суда РФ, и в практику нижестоящих судов по делам о банкротстве. В таком случае можно утверждать, что судебная доктрина, выработанная Конституционным Судом РФ, создает вектор правоприменительной практики.

Практика Конституционного Суда РФ по делам о банкротстве содержит примеры формирования судебных доктрин в ответ на несовершенство действующего законодательства и закономерное несовершенство правоприме-

⁴⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 2.

⁴⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук» // Российская газета. 2021. № 119 ; постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля» // Российская газета. 2023. № 36.

⁴⁶ Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения.

⁴⁷ Тарибо Е. В. Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного нормоконтроля : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

⁴⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2026. № 2.

нительной практики⁴⁹. Так или иначе, позиции органа конституционного контроля подтверждают ранее высказанный в настоящем исследовании тезис о том, что судебная доктрина может формироваться как своеобразный ответ на несовершенство законодательства (коллизии, пробелы, неопределенность). Конечно, зачастую Конституционный Суд РФ признает отсутствие дефектов оспариваемых законодательных норм, но в то же время констатирует неверное (противоречащее Конституции РФ) их истолкование сложившейся правоприменительной практикой⁵⁰.

Наконец, прояснения требует вопрос о соотношении судебных доктрин и правового прецедента (правовой позиции). Не вдаваясь в подробное осмысление категории «правовая позиция»⁵¹, отметим, что под ней следует понимать предельно конкретный тезис суда по отдельно взятому правовому вопросу. Судебная доктрина — это общая методология разрешения правовых вопросов, то есть категория значительно более широкая, чем правовая позиция.

Иллюстрации судебных доктрин банкротного права из правоприменительной практики

Настоящее исследование было бы неполным без приведения примеров судебных доктрин из судебной практики. При этом сразу оговоримся, что о каждой доктрине в отдельности можно подготовить обстоятельное научное исследование, в том числе в диссертационном формате (на то они и доктрины), поэтому

в рамках статьи видится необходимым прибегнуть к лаконичности и самоограничению в научном изложении.

Автору статьи видится, что их можно классифицировать на три группы:

- сформированные судебные доктрины;
- формирующиеся судебные доктрины;
- перспективные судебные доктрины (не сформированные на текущий момент, но имеющие предпосылки для оформления).

Наиболее конкретным и системным образом в правоприменительной практике оформилась судебная доктрина исполнительского иммунитета единственного жилья должника — физического лица. Старт формирования этой доктрины можно связать с принятием в 2012 г. постановления Конституционного Суда РФ по жалобе граждан Ф. Х. Гумерова и Ю. А. Шикунова⁵². Однако данный судебный акт органа конституционного контроля был принят еще до введения в российский правовой порядок процедур банкротства физических лиц, поэтому с октября 2015 г. всё большую актуальность стали приобретать вопросы, касающиеся определения судьбы единственного, но роскошного жилья⁵³. Сегодня в судебной практике действительно есть система методологических подходов, позволяющих оценить возможность обращения взыскания на такое жилье. Она основывается на ст. 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁵⁴ и многочисленных правовых позициях Конституционного Суда РФ. Обобщение этих подходов многократно проводилось в научной литературе, в том числе предметному осмыслению были подвергнуты кри-

⁴⁹ См.: Фокин Е. А. Указ. соч.

⁵⁰ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобами публичного акционерного общества “Сбербанк России” и общества с ограниченной ответственностью “Торговый дом “Агроторг”» // Российская газета. 2024. № 90.

⁵¹ См., например: Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

⁵³ Не секрет, что в практике встречались случаи, когда должники с целью своеобразной самозащиты от кредиторов продавали все имеющиеся у них жилые помещения и приобретали взамен одно дорогостоящее жилье (не считалось зазорным и зарегистрировать в нем своих детей или несовершеннолетних родственников), что формально распространяло на это жилье исполнительский иммунитет.

⁵⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. № 220.

терии признания жилья роскошным⁵⁵. Более того, проблематика роскошного, но единственного жилья должника вновь иллюстрирует, как формируются и эволюционируют судебные доктрины: сначала возникает некая насущная проблема, связанная с несовершенством законодательного регулирования⁵⁶; затем эта проблема получает разрешение в судебном акте высшей судебной инстанции с развернутой правовой позицией⁵⁷; затем сформулированная доктрина берется на вооружение арбитражными судами и начинает активно применяться⁵⁸.

Судебная доктрина исполнительского иммунитета единственного жилья активно эволюционирует. В относительно недавнем постановлении по жалобе юридического бюро «Факториус» Конституционный Суд РФ указал, что исполнительский иммунитет распространяется и на денежные средства, вырученные от реализации находящегося в ипотеке единственного жилья⁵⁹. Эта позиция не только находит активное применение в судебно-арбитражной практике⁶⁰, но и стала основанием для законодательных изменений.

Таким образом, если на старте развития института банкротства физических лиц, в 2015 г., проблема исполнительского иммунитета единственного жилья действительно для практики казалась трудноразрешимой, то сегодня вполне

можно констатировать формирование полноценной судебной доктрины, позволяющей достигать баланса интересов кредиторов и должника.

Упоминалась в рамках статьи проблематика принципа состязательности в делах о банкротстве, которая, конечно, не сводится к вопросам доказывания оснований привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Первые публикации на этот счет датируются 2005 г.⁶¹ Сегодня можно отметить, что практика как Конституционного Суда РФ (упомянутые постановления по жалобам И. И. Покуля и Г. В. Карпук), так и Верховного Суда РФ обеспечению состязательности в делах о банкротстве уделяет повышенное внимание. Однако всё же думается, что квалифицировать состязательность не только как принцип, но и как сформировавшуюся доктрину банкротного права (то есть методологию реализации этого принципа) преждевременно. В настоящее время доктрина состязательности больше напоминает пазл, детали для которого найдены, но пока не собраны в единую картинку.

Значительное внимание юридической наукой было уделено и принципу добросовестности при банкротстве⁶². Судебная доктрина добросовестности в рамках дел о банкротстве пока тоже формируется. При этом предпосылки для

⁵⁵ *Сергеева С. Л.* К вопросу о жилищных правах должника в банкротстве: проблема правового регулирования понятия «роскошное жилье» // Судья. 2025. № 10. С. 36–41.

⁵⁶ *Будылин С., Тай Ю.* Жилье и жулье. Верховный Суд об иммунитете единственного жилья в банкротстве // Цивилистика. 2020. № 5. С. 139–151.

⁵⁷ Применительно к роскошному жилью должника-банкрота это постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова» (Российская газета. 2021. № 98).

⁵⁸ См. обобщение практики применения постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П: *Шевченко И. М.* О судебной практике признания жилья роскошным в делах о банкротстве граждан // Арбитражные споры. 2025. № 3. С. 118–136.

⁵⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой акционерного общества “Юридическое бюро “Факториус”» // Российская газета. 2024. № 136.

⁶⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.09.2025 № Ф05-27992/2024 по делу № А40-204220/2023.

⁶¹ *Слепченко Е. В.* Принцип состязательности в арбитражном процессе по делу о банкротстве // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 1. С. 125–135.

⁶² См. диссертации с разными концептуальными подходами к пониманию данного принципа: *Османо-ва Д. О.* Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018 ; *Гурылева К. И.* Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации и меры противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

оформления этой доктрины заданы непосредственно законодательством (а не насущными потребностями правоприменительной практики, как в случае с судебной доктриной исполнительского иммунитета). Так, статья 213.28 Закона о банкротстве регламентирует порядок завершения расчетов с кредиторами должника-гражданина, в том числе основания отказа в освобождении от дальнейшего исполнения обязательств. К таким основаниям законодатель в ч. 4 данной нормы отнес различные формы злоупотребления правом в ходе процедуры банкротства (хотя при этом термины «добросовестность» и «злоупотребление правом» не употребил ни разу). По сути, самой формулировкой ч. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве законодатель поставил перед судебной практикой задачу определить более конкретные критерии оценки поведения должника как добросовестного или недобросовестного. Практика эту задачу выполняет. Первое же постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам банкротства физических лиц предприняло попытку конкретизировать модель добросовестного поведения должника при банкротстве⁶³.

Другая объективная предпосылка формирования судебной доктрины добросовестности в институте несостоятельности связана с тем, что ни одно дело о банкротстве физического лица в принципе невозможно завершить, не рассмотрев вопрос о добросовестности должника. Если в классических гражданско-правовых спорах из договоров аренды, поставки, энергоснабжения вопрос о добросовестности не факт, что воз-

никнет, то в делах о банкротстве он возникнет в любом случае. По этим причинам правоприменительная практика рассмотрения вопросов об оценке добросовестности должника отличается безграничной широтой⁶⁴. Думается, эта же масштабность и препятствует формированию системной, непротиворечивой и имеющей общий знаменатель судебной доктрины. Ее формирование должно иметь конкретный фундамент в виде политико-правовой идеи банкротства физических лиц. Эта идея может быть либо абсолютно патерналистской, предполагающей всемерную поддержку государства не особенно сознательным гражданам; либо основанной на началах профессионализации и максимальной экономической разумности; либо же находиться где-то между данными противоположными полюсами. Пока практика всё же склоняется к патернализму (но, возможно, это исключительно субъективное ощущение автора статьи). Тем не менее без окончательного осознания и конкретизации политико-правовых начал банкротства физических лиц невозможно и полноценное формирование судебной доктрины добросовестности.

Конечно, за 10 лет правоприменительной практики по делам о банкротстве физических лиц определенные ориентиры для оценки добросовестности должников сформированы. Такие ориентиры были конкретизированы Верховным Судом в мае 2025 г. в определении по делу о банкротстве П. П. Росса⁶⁵, в декабре 2025 г. — по делу И. М. Севрюкова⁶⁶, в марте 2026 г. — по делу П. Б. Полонского⁶⁷ и по делу Р. У. Долакова⁶⁸. В совокупности сложилась

⁶³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

⁶⁴ См.: *Смоленский И. Н.* Условия освобождения от долгов гражданина в делах о банкротстве // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 253–265; *Шайхутдинов Е. М.* Отказ в освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 65–71; *Морхат П. М.* Освобождение граждан от кредитных обязательств в рамках процедуры банкротства: специфика доказывания недобросовестности // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 47–51.

Примечательно, что авторы перечисленных статей — действующие судьи, что показывает, что проблематика отказа в списании долгов, видимо, является вопросом о наблевшем.

⁶⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2025 № 304-ЭС24-24028 по делу № А03-9272/2023.

⁶⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.12.2025 № 305-ЭС18-6446(3) по делу № А40-154961/2016.

⁶⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.03.2026 № 305-ЭС16-19145(3) по делу № А40-230236/2015.

⁶⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2026 № 308-ЭС25-8904 по делу № А18-3334/2023.

система оснований, препятствующих применению правил об освобождении гражданина от дальнейшего исполнения обязательств. Сформулированные высшей судебной инстанцией правовые позиции уже активным образом применяются нижестоящими судами (что вполне закономерно и ожидаемо)⁶⁹.

Не меньшую остроту проблематика добросовестности имеет и в делах о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности. В отличие от института банкротства физических лиц Закон о банкротстве прямо использует понятие добросовестности и, например, в ч. 10 ст. 61.11 указывает, что ответчик не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности, если он действовал согласно обычным условиям гражданского оборота, *добросовестно* и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и если докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов. Можно сказать, что, используя такую формулировку, законодатель фактически предписал судам сформировать судебную доктрину оценки добросовестности контролирующего должника лица.

Отметить следует и постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Л. В. Ваулиной⁷⁰. Орган конституционного контроля указал, что категория добросовестности является равновеликой, относящейся к процессуальному поведению как кредитора, так и лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности. Протицируем эту позицию дословно: «Стандарт добросовестного поведения кредитора как стороны спора о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующего лица предполагает невозможность безосновательно ссылаться на трудности в доказывании противоправности поведения ответчика и причинной связи между таким поведением и вредом при наличии фактически полного доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности

должника. При распределении бремени доказывания наличия или отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности необходимо принимать во внимание как добросовестность контролирующего лица, включая исполнение им своей обязанности по учету интересов кредитора, в том числе при рассмотрении дела в суде, так и процессуальную добросовестность кредитора».

Таким образом, формированию судебной доктрины добросовестности давно положен старт, но финиша пока не видно.

Иллюстрации формирующихся судебных доктрин в сфере банкротства можно было бы приводить еще долго. Остановимся на главном тезисе: любой правовой принцип требует не просто своей конкретизации в правоприменительной практике, а выработки методологии по его реализации.

Наконец, как было отмечено ранее, нелишним будет осмыслить и перспективные сферы для оформления судебной доктрины в области банкротства. Автор статьи убежден, что главная задача юридической науки (по крайней мере в пределах банкротного права) — это осмысление места правового регулирования банкротства в системе российского права. Соответственно, в правоприменительной плоскости стоит задача по осмыслению межотраслевых связей банкротства. Сложно не вспомнить вклад в науку безвременно ушедшего из жизни М. Ю. Чельшева, приоритетом научных исследований которого (по крайней мере одним из приоритетов) были межотраслевые связи гражданского права⁷¹. Аналогичные связи института банкротства ученый не рассматривал, однако в его докторской диссертации нашло раскрытие само понятие межотраслевых связей, оно было отграничено от понятий межотраслевого взаимодействия и межотраслевого взаимного влияния.

Эти концептуальные начала межотраслевых связей правовых образований имеют безусловную актуальность для современного банкрот-

⁶⁹ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.10.2025 № Ф07-9936/2025 по делу № А66-2860/2020 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.10.2025 № Ф09-4613/25 по делу № А60-41219/2024 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.09.2025 № Ф06-6027/2025 по делу № А57-10190/2024.

⁷⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2023 № 50-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 11 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданки Л. В. Ваулиной» // Российская газета. 2023. № 264.

⁷¹ См.: Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009.

ного права. В рамках статьи уже указывалось на проблемы соотношения банкротства и уголовно-процессуального права, банкротства и природоресурсного права (права недропользования). Однако таких проблем еще больше. Учеными подчеркиваются проблемы соотношения банкротства и семейного права⁷², банкротства и трудового права⁷³. Есть даже свидетельства актуализации вопроса о соотношении банкротного права и правового регулирования деятельности медицинской организации⁷⁴.

Все эти вопросы сводятся к одной и той же фундаментальной проблеме: мы сегодня недостаточно понимаем, какое место занимает правовое регулирование банкротства в системе российского права и как должны быть конкретизированы его межотраслевые связи. Решение этой научной задачи станет существенным шагом вперед в развитии банкротного права и снимет целый ряд проблемных вопросов правоприменительной практики.

Заключение

На современном этапе развития юридической науки уже не находит принципиальных возражений тезис о том, что судебное правотворчество — это явление объективной реальности и что суд действительно творит право. Развитие правового регулирования банкротства подтверждает этот тезис, институт несостоятельности сегодня развивается благодаря судебному правотворчеству. Сказанное не следует воспринимать как упрек в адрес законодателя. Наоборот, стоит признать, что законодателю никогда не угнаться за социально-экономическим прогрессом и на рассмотрение судов будут поступать правовые конфликты с вопросами, на которые нет внятных ответов в законодательстве. Подчас судебное заседание по делу о банкротстве больше похоже на научную конференцию: одна сторона предлагает свое толкование конкретных норм Закона о банкротстве, другая —

альтернативное. Конечно, и суду в условиях объективно обусловленного несовершенства законодательства о банкротстве приходится формировать собственную правовую позицию. Работа судьи в этом случае мало чем отличается от работы научного сотрудника.

При таких обстоятельствах формирование судебных доктрин обусловлено онтологическими свойствами института несостоятельности (банкротства). Их появление закономерно даже в том случае, если взяться утверждать, что суд лишь применяет, а не творит право.

Статья не имела целью описать и раскрыть все судебные доктрины, формирующиеся и сформированные в современном банкротном праве. Для выполнения подобной научной задачи сам по себе формат исследовательской статьи не подходит. Думается, что сегодня стоит задача обоснования перспективности категории судебных доктрин для развития российского банкротного права как таковой. Удалось ли автору статьи выполнить эту задачу — судить читателю.

Судебные доктрины решают многие проблемные вопросы современного правового регулирования банкротства, в том числе проблему перерыва в исторической традиции в советское время. Впрочем, надо вновь отметить вклад профессора В. В. Лазарева. Действительно, словосочетание «советская наука банкротного права» звучит примерно так же, как «процессуальное право планеты Юпитер», тем не менее в советские годы у нас активно развивались как теория права, так и процессуально-правовая доктрина. Сформулированные В. В. Лазаревым тезисы и концепции о пробелах в праве, о роли суда в их устранении и о многом другом имеют несомненную актуальность для современной теории банкротного права. И, более того, они вполне могут решить проблему перерыва в исторической традиции.

Концепция судебных доктрин видится научно обоснованной альтернативой попыткам выделить в банкротном праве специальные

⁷² Кокова Д. А. Конвергенция семейного и банкротного законодательства и их межотраслевой конфликт: на примере соглашения об уплате алиментов // Право и экономика. 2025. № 6. С. 51–55 ; Лескова Ю. Г., Филатова У. Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 19–21.

⁷³ Игнатенко А. С. Защита требований работников при несостоятельности (банкротстве) работодателя в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁷⁴ Абросимова Е. А., Балакин Р. Д. Банкротство медицинской организации: возможность признания главного врача контролирующим должника лицом: современная практика арбитражных судов // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 59–65.

принципы правового регулирования. Во-первых, принципы института несостоятельности (банкротства) всегда будут лишь теоретическими конструкциями по причине того, что законодатель отказался от их конкретизации в нормативных правовых актах. Во-вторых, даже если научное сообщество придет к консенсусу по поводу состава основных принципов банкротного права, то они всё равно будут требовать методологий реализации, без которых останутся лишь декларациями. Судебные доктрины являются методологическими основами применения правовых принципов.

Есть еще немало актуальных вопросов, требующих научного осмысления. Среди них — судебная аргументация. Действительно, судебные доктрины вполне возможно воспринимать

как методологические начала, но и эти методологические начала тоже имеют методологию своего оформления. По сути, дискуссию о том, что первичнее — судебная аргументация или судебные доктрины, можно сопоставить с вопросом о том, что было раньше — курица или яйцо.

Наконец, в завершение настоящего исследования еще раз отметим, что фундаментальный вопрос российского банкротного права сводится к осмыслению места правового регулирования института несостоятельности (банкротства) в системе российского права. Для российской юриспруденции решение этого вопроса будет сопоставимо с полетом Ю. Гагарина в космос и разрешит целый ряд принципиальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абросимова Е. А., Балакин Р. Д. Банкротство медицинской организации: возможность признания главного врача контролирующим должника лицом: современная практика арбитражных судов // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 59–65.

Ануфриева Л. П. Понятие «судебная доктрина» в отечественном правоведении (некоторые общие заметки) // Lex russica. 2021. № 12. С. 96–107.

Артебякина Н. А. Размышления о состоянии современной гражданской процессуальной формы // Вестник гражданского процесса. 2021. № 6. С. 95–111.

Будылин С., Тай Ю. Жилье и жулье. Верховный Суд об иммунитете единственного жилья в банкротстве // Цивилистика. 2020. № 5. С. 139–151.

Гаджиев Х. И. Роль судебной аргументации в обеспечении устойчивого конституционно-правового развития // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 34–49.

Гаджиев Х. И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 91–105.

Гаджиев Х. И. Сравнительное право в методологии судебной аргументации — средство правотворческой роли судьи // Российская юстиция. 2025. № 7. С. 9–16.

Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 14–27.

Гаджиев Х. И. Судебные доктрины как результат общенаучного и конкретного познания права // Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2020. С. 20–37.

Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. 292 с.

Гордеев И. А. Правовые проблемы судебного рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 220 с.

Грачева С. А. Принципы судебной интерпретации как конституционно значимые гарантии гражданского процесса // Проблемы реализации принципов гражданского судопроизводства в правоприменительной деятельности : монография / отв. ред. В. М. Жуйков, С. С. Завриев. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 46–62.

Гурылева К. И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): проблемы квалификации и меры противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 317 с.

Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов ; отв. ред. Т. Я. Хабриева ; предисл. И. Л. Подносковой. 2-е изд., доп. М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2025. 452 с.

- Заикин С. С. Трансформация Конституционного Суда России в сверхинстанцию: формирование тенденции // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 3. С. 126–148.
- Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 30 с.
- Ибрагимова Ю. Э. Роль судебных доктрин в установлении и устранении пробелов в законодательстве // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 80–95.
- Игнатенко А. С. Защита требований работников при несостоятельности (банкротстве) работодателя в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 187 с.
- Карелина С. А. Особенности реализации общеправовых принципов в процессе банкротства граждан // Закон. 2023. № 6. С. 15–24.
- Клейнман А. Ф. О несостоятельности частных лиц по советскому процессуальному праву. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1929. 40 с.
- Козлов М. А. Стандарты доказывания в арбитражном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 216 с.
- Кокова Д. А. Конвергенция семейного и банкротного законодательства и их межотраслевой конфликт: на примере соглашения об уплате алиментов // Право и экономика. 2025. № 6. С. 51–55.
- Комиссаров К. И. Творческий характер судебной деятельности // Правоведение. 1976. № 3. С. 60–67.
- Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–18.
- Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974. 184 с.
- Лазарев В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 5–17.
- Лескова Ю. Г., Филатова У. Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 19–21.
- Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб. : Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. 458 с.
- Морхат П. М. Освобождение граждан от кредитных обязательств в рамках процедуры банкротства: специфика доказывания недобросовестности // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 4. С. 47–51.
- Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс. М. : Общество взаимопомощи студентов-юристов Московского университета, 1909. 110 с.
- Османова Д. О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 206 с.
- Османова Д. О. Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 34–42.
- Решетникова И. В. Роль судебной практики в развитии процессуального права и науки // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2025. № 3. С. 36–42.
- Сергеева С. Л. К вопросу о жилищных правах должника в банкротстве: проблема правового регулирования понятия «роскошное жилье» // Судья. 2025. № 10. С. 36–41.
- Синюков В. Н. Судебная доктрина в российском правопорядке // Lex russica. 2026. № 1. С. 9–18.
- Слепченко Е. В. Принцип состязательности в арбитражном процессе по делу о банкротстве // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 1. С. 125–135.
- Смоленский И. Н. Принципы гражданского права при банкротстве физических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2025. 225 с.
- Смоленский И. Н. Условия освобождения от долгов гражданина в делах о банкротстве // Вестник гражданского процесса. 2023. № 3. С. 253–265.
- Соболев С. И. Взыскание судебных расходов при прекращении производства по обособленным спорам в банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 12. С. 121–129.
- Суворов Е. Д. Судебное банкротное право : сборник. Вып. 2. М. : Статут, 2022. 832 с.
- Судебная практика в современной правовой системе России : монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М. : ИЗиСП : Норма, 2017. 432 с.
- Судебные доктрины в российском праве: теория и практика : монография / отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. М. : ИЗиСП : Норма : Инфра-М, 2020. 344 с.

- Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения: теоретический и практический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 187 с.
- Тарибо Е. В. Проблемы эволюционного развития российской модели судебного конституционного нормоконтроля : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 36 с.
- Третьякова Е. П. Договорные конструкции права пользования недрами в деле о банкротстве // Законодательство. 2024. № 8. С. 70–75.
- Фокин Е. А. Конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве // Lex russica. 2026. № 1. С. 94–108.
- Фролов И. В. Современная доктрина банкротного права в российской юрисдикции: анализ теоретических основ // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 35–44.
- Хорошавин М. Ю. К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве // Цивилист. 2024. № 4. С. 66–73.
- Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 501 с.
- Шайхутдинов Е. М. Отказ в освобождении гражданина от обязательств по завершении процедуры банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 65–71.
- Шевченко И. М. О судебной практике признания жилья роскошным в делах о банкротстве граждан // Арбитражные споры. 2025. № 3. С. 118–136.
- Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань : Тип. университета, 1890. 446 с.
- Шмелев А. Н. Судебная нуллификация нормативного правового акта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 353 с.

REFERENCES

- Abrosimova EA, Balakin RD. Bankruptcy of a medical organization: The possibility of recognizing the chief physician as a controlling person of the debtor. Modern practice of arbitration courts. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*. 2024;5:59-65. (In Russ.).
- Anufrieva LP. The Concept of «Judicial Doctrine» in Russian Jurisprudence (General Notes). *Lex russica*. 2021;12:96-107. (In Russ.).
- Artebyatinka NA. Reflections on the state of the modern civil procedural form. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2021;6:95-111. (In Russ.).
- Budylin S, Tai Y. Housing and cheating. The Supreme Court on the immunity of single housing in bankruptcy. *Tsivilistika*. 2020;5:139-151. (In Russ.).
- Chelyshev MYu. The system of intersectoral relations of civil law: A civilistic study. Dr. Diss. (Law). Kazan; 2009. (In Russ.).
- Fokin EA. Constitutionalization of the procedural form for adjudicating bankruptcy cases. *Lex russica*. 2026;1:94-108. (In Russ.).
- Frolov IV. The modern doctrine of bankruptcy law in the Russian jurisdiction: An analysis of the theoretical foundations. *Predprinimatelskoe pravo [Business law]*. 2022;4:35-44. (In Russ.).
- Gadzhiev Khl. Comparative law in the methodology of judicial argumentation is a means of the law-making role of a judge. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2025;7:9-16. (In Russ.).
- Gadzhiev Khl. Judicial doctrines and the effectiveness of law enforcement. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;6:14-27. (In Russ.).
- Gadzhiev Khl. Judicial doctrines as a result of general scientific and concrete knowledge of law. In: Lazarev VV, Gadzhiev Khl, (eds.). *Judicial doctrines in Russian law: Theory and practice. A monograph*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.). P. 20–37. (In Russ.).
- Gadzhiev Khl. The role of judicial argumentation in ensuring sustainable constitutional and legal development. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2025;8:34-49. (In Russ.).
- Gadzhiev Khl. The role of judicial argumentation in the evolution of legislation and law enforcement. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;9:91-105. (In Russ.).
- Golmsten AKh. Historical sketch of the Russian competitive process in St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva; 1888. (In Russ.).

- Gordeev IA. Legal problems of judicial review of insolvency (bankruptcy) cases. Cand. Diss. (Law). Saratov; 2009. (In Russ.).
- Gracheva SA. Principles of judicial interpretation as constitutionally significant guarantees of civil procedure. In: Zhuikov M, Zavriev SS, (eds.). Problems of implementation of the principles of civil procedure in law enforcement activities. A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2024. P. 46–62. (In Russ.).
- Guryleva KI. Abuse of the right by subjects of insolvency (bankruptcy) relations: Classification problems and counteraction measures. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2022. (In Russ.).
- Ibragimova YuE. The role of judicial doctrines in establishing and eliminating gaps in legislation. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2019;11:80-95. (In Russ.).
- Ignatenko AS. Protection of workers' claims in case of employer's insolvency (bankruptcy) in Russia and foreign countries. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2016. (In Russ.).
- Karelina SA. Features of the implementation of general legal principles in the process of bankruptcy of citizens. *Zakon*. 2023;6:15-24. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. The doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation: A monograph. Khabrieva TYa, (ed.); Preface Podnosova IL. 2nd ed., suppl. Moscow: IZiSP; Norma: Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
- Khabrieva TYa, Lazarev VV, (eds.). Judicial practice in the modern legal system of Russia: A monograph. Moscow: IZiSP: Norma Publ.; 2017. (In Russ.).
- Khoroshavin MYu. On the issue of including cryptocurrencies in the bankruptcy estate. *Tsivilist*. 2024;4:66-73. (In Russ.).
- Kleinman AF. On the insolvency of private individuals under Soviet procedural law. Irkutsk: Irkutsk University Publ.; 1929. (In Russ.).
- Kokova DA. Convergence of family and bankruptcy legislation and their intersectoral conflict: An example of an agreement on the payment of alimony. *Pravo i ekonomika*. 2025;6:51-55. (In Russ.).
- Komissarov KI. The creative nature of judicial activity. *Pravovedenie*. 1976;3:60-67. (In Russ.).
- Kozlov MA. Standards of evidence in arbitration proceedings. Cand. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2025. (In Russ.).
- Lazarev VV, Gadzhiev Khl, (eds.). Judicial doctrines in Russian law: Theory and practice. A monograph. Moscow: IZiSP: Norma: Infra-M. Publ.; 2020. (In Russ.).
- Lazarev VV. Gaps in the law and ways to eliminate them. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1974. (In Russ.).
- Lazarev VV. Judicial activism in the formation of the legal space. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2021;9:5-17. (In Russ.).
- Lazarev VV. The integration of law and the implementation of integrative approaches to law in court decisions. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2017;7:5-18. (In Russ.).
- Leskova YuG, Filatova UB. The principle of good faith and abuse of law in the aspect of convergence of family legislation and bankruptcy legislation. *Grazhdanskoe pravo [Civil Law]*. 2023;4:19-21. (In Russ.).
- Malyshev K. Historical sketch of the competitive process of St. Petersburg: Printing house of the partnership «Obshchestvennaya polza»; 1871. (In Russ.).
- Morkhat PM. Release of citizens from credit obligations in the framework of bankruptcy proceedings: Specifics of proving bad faith. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2020;4:47-51. (In Russ.).
- Nefediev EA. Commercial court proceedings. The competitive process. Moscow: The Society for Mutual Assistance of Law Students of Moscow University Publ.; 1909. (In Russ.).
- Osmanova DO. Abuses in insolvency (bankruptcy). Cand. Diss. (Law). Moscow; 2018. (In Russ.).
- Osmanova DO. Digital assets in the debtor's bankruptcy estate. *Pravo i cifrovaya ekonomika*. 2023;2:34-42. (In Russ.).
- Reshetnikova IV. The role of judicial practice in the development of procedural law and science. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga*. 2025;3:36-42. (In Russ.).
- Sergeeva SL. On the issue of housing rights of the debtor in bankruptcy: The problem of legal regulation of the concept of «luxury housing». *Sudya [Judge]*. 2025;10:36-41. (In Russ.).
- Shaykhutdinov EM. Refusal to discharge of obligations upon completion of bankruptcy proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;10:65-71. (In Russ.).
- Shershenevich GF. The doctrine of insolvency. Kazan: Tipografiya universiteta; 1890. (In Russ.).
- Shevchenko IM. On the judicial practice of recognizing luxury housing in bankruptcy cases of citizens. *Arbitrazhnye spory*. 2025;3:118-136. (In Russ.).

- Shmelev AN. Judicial nullification of a normative legal act. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2018. (In Russ.).
- Sinyukov VN. Judicial doctrine in the Russian legal order. *Lex russica*. 2026;1:9-18. (In Russ.).
- Slepchenko EV. The principle of competition in bankruptcy arbitration proceedings. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2005;1:125-135. (In Russ.).
- Smolensky IN. Conditions for exemption from debts of a citizen in bankruptcy cases. *Vestnik grazhdanskogo protsessa* [Herald of Civil Procedure]. 2023;3:253-265. (In Russ.).
- Smolensky IN. Principles of civil law in the bankruptcy of individuals. Cand. Diss. (Law). Kazan; 2025. (In Russ.).
- Sobolev SI. Recovery of court costs upon termination of proceedings on separate bankruptcy disputes. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2024;12:121-129. (In Russ.).
- Suvorov ED. Judicial bankruptcy law: Collection of papers. (2): Moscow: Statute Publ.; 2022. (In Russ.).
- Taribo EV. Doctrines of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of taxation: Theoretical and practical aspects. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).
- Taribo EV. Problems of the evolutionary development of the Russian model of judicial constitutional norm control. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2006. (In Russ.).
- Tretyakova EP. Contractual constructions of the right to use mineral resources in bankruptcy proceedings. *Zakonodatelstvo [Legislation]*. 2024;8:70-75. (In Russ.).
- Zaikin SS. Transformation of the Constitutional Court of Russia into a Super-institution: Formation of a trend. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*. 2025;3:126-148. (In Russ.).
- Zotova EE. Theory and practice of the implementation of judicial legal positions in the civil process. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фокин Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, судья Арбитражного суда Калининградской области
д. 2–4, Рокоссовского ул., г. Калининград 236040, Российская Федерация
evgeniy.hse2018@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Fokin, Cand. Sci. (Law), Judge of the Commercial (Arbitrazh Procedure) Court of the Kaliningrad Region, Kaliningrad, Russian Federation
evgeniy.hse2018@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 7 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 1 мая 2026 г.
Принята к печати 15 июля 2026 г.*

*Received 07.04.2025.
Revised 01.05.2026.
Accepted 15.07.2026.*

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

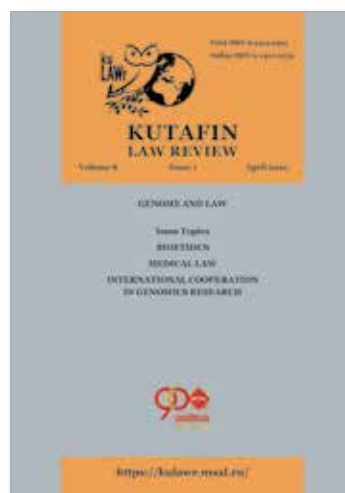
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008